Р. АРИПОВ, Н. МИЛЬШТЕЙН

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ УЗБЕКИСТАНА

Р. АРИПОВ, Н. ИЛЬШТЕЙН

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ УЗБЕКИСТАНА

(ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ ИСТОРИИ 1917 — 1930 гг.)

Издательство „Узбекистан“
Ташкент — 1967

34С
А81

Арипов Р. и Мильштейн Н.
Из истории органов госбезопасности Узбекистана. (Документальные очерки истории 1917—1930 гг.). Т., «Узбекистан», 1967. 184 стр.
I. Соавт.

34С1(09)

1-6-4
1967

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга представляет собой документальные очерки создания, развития и деятельности органов государственной безопасности Узбекистана.

Создание и развитие советских органов государственной безопасности, руководство их борьбой с внутренними и внешними врагами Советского государства является одной из важнейших сторон деятельности Коммунистической партии и Советского правительства по защите завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, организации социалистического и коммунистического строительства, по укреплению оборонной мощи нашей страны.

Изучение деятельности советских органов государственной безопасности на различных этапах развития нашего государства имеет важное значение.

Известно, что буржуазные юристы и историки, современные ревизионисты всячески извращают классовое содержание и основные принципы деятельности советских органов государственной безопасности, искажают их историю.

Вот почему разработка вопросов истории органов государственной безопасности на подлинно научной основе имеет большое значение, ибо дает возможность, с одной стороны, правильно оценить их роль и место в системе диктатуры, пролетариата, с другой стороны — разоблачить буржуазных «теоретиков», возводящих гнусную клевету на социалистическое государство и его карательные органы.

Освещение вопросов создания и развития чекистских органов Узбекистана (Туркестана) авторы удачно сочетают с широким показом их многогранной деятельности по борьбе с объединенными силами контрреволюции.

В Узбекистане органам безопасности приходилось иметь дело с самыми разнообразными проявлениями сил,

враждебных Советской власти, шпионажем, диверсиями, вредительством, контрреволюционными мелкобуржуазными партиями, басмачеством, подрывной деятельностью буржуазных националистов.

На основе впервые публикуемых многочисленных фактов в книге раскрываются роль разведок империалистических государств в развязывании в Средней Азии гражданской войны и военной интервенции, а также особенности тактики международного империализма и внутренней контрреволюции, направленной на свержение Советской власти. Последовательно показывается, как совершенствовалось мастерство чекистов в борьбе с опытным и коварным врагом, как вырабатывалась ими новая тактика оперативной работы, тактика, которая исходила из социалистических основ нашего государства.

Руководимые Коммунистической партией, опираясь на помощь и поддержку широких трудящихся масс, органы государственной безопасности Узбекистана наносили сокрушительные удары контрреволюционным силам, разоблачая происки врагов трудового народа, ликвидируя заговорщические организации, предотвращая белогвардейские мятежи, ведя упорную борьбу с политическим бандитизмом, вредительством и диверсиями.

Читатель, несомненно, с интересом познакомится с боевыми операциями чекистов Узбекистана по разоблачению и раскрытию шпионских гнезд, заговоров, подготавливавшихся диверсий и мятежей, а также с контрразведывательными мероприятиями, осуществленными органами государственной безопасности в борьбе с происками иностранных разведок.

Каждый, кто прочтет эту книгу, ясно представит себе тот славный боевой путь, который прошли органы госбезопасности Узбекистана. Особенно это относится к нашему молодому поколению, ибо весьма важно, чтобы оно знало историю страны, историю Коммунистической партии, воспитывалось на революционных традициях нашей партии, впитывало в себя чекистские традиции, уходящие своими корнями в героическую деятельность КПСС.

Генерал-майор К. РУЗМЕТОВ

Создание и развитие органов государственной безопасности Узбекистана (Туркестана)

СОЗДАНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ — НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ЗАЩИТЫ ЗАВОЕВАНИЙ ОКТЯБРЯ

После победы Октябрьской социалистической революции Коммунистической партии и Советскому государству пришлось в ожесточенной классовой борьбе подавлять сопротивление многочисленных врагов внутри и вне Советской страны. Касаясь этого обстоятельства, В. И. Ленин писал: «Нам пришлось осуществлять диктатуру пролетариата в самой ее суровой форме»[1].

Первым в истории завоевав политическую власть, пролетариат России вначале был слабее свергнутой буржуазии, в руках которой оставалась экономическая база и которая опиралась на поддержку международного капитала. В. И. Ленин, вскрывая всю сложность создавшейся обстановки, указывал: «Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удесятерено ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в силе привычки, в силе мелкого производства, ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»[2].

Яростное сопротивление врагов революции всем социалистическим преобразованиям в нашей стране выну-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 213.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 6.

дило Советскую власть вступить с силами контрреволюции в упорную и длительную борьбу. Хотя большевики знали, что буржуазия не сдаст добровольно свои позиции, они не собирались подавлять ее сопротивление чрезвычайными мерами. В. И. Ленин, Коммунистическая партия в первые дни победы Октября не считали необходимым применять по отношению к буржуазии насилие в широких масштабах. Впоследствии, в 1919 г. В. И. Ленин говорил: «После революции 25 октября (7 ноября) 1917 года мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как эксплуататоры, т. е. капиталисты, стали развертывать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора»[1].

В трудах В. И. Ленина сформулированы четкие положения о революционном насилии, которое должен осуществлять пролетариат по отношению к свергнутым эксплуататорским классам, пытавшимся реставрировать старые капиталистические порядки.

В. И. Ленин учил, что охрана государственной и общественной безопасности после победы социалистической революции является одной из важнейших задач диктатуры пролетариата, призванной обеспечить завоевания рабочего класса и строительство нового социалистического общества.

Необходимо отметить, что конкретные формы, методы и средства защиты государственной и общественной безопасности классики марксизма-ленинизма рассматривали, глубоко анализируя складывающуюся историческую обстановку. Придя к выводу о победе социалистической революции одновременно во всех или же в большинстве стран мира, К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что для отражения вылазок контрреволюционных элементов пролетариату достаточно в качестве вооруженной силы иметь народную милицию. В одном из программных документов «Требования Коммунистической партии в Германии» (1848 г.) К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули «всеобщее вооружение народа»[2] как

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 113—114.
[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. V, 1929, стр. 585.

задачу партии, как условие, необходимое для подавления свергнутых эксплуататорских классов.

Выдвигая требование о создании рабочим классом своей военной организации, К. Маркс и Ф. Энгельс не предлагали никаких конкретных форм вооруженной организации народа, так как в то время какого-либо исторического опыта в этом вопросе не было.

В конце XIX — начале XX вв. капитализм вступил в империалистическую стадию своего развития. В. И. Ленин доказал, что действие закона неравномерности развития мировой системы империализма может привести к победе социалистической революции в одной, отдельно взятой стране. Такая страна определенное время будет находиться в капиталистическом окружении, и ее рабочий класс для защиты своих завоеваний, для охраны революционного порядка неминуемо должен создать специальный вооруженный орган.

Идея пролетарской милиции первоначально составляла сущность программного положения большевистской партии о всеобщем вооружении народа, призванном прийти на смену полиции и постоянной армии.

Впервые эта идея получила свое практическое осуществление в ходе первой русской революции. В августе 1905 г. в статье «В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства» В. И. Ленин горячо поддержал инициативу смоленского пролетариата, организовавшего для защиты населения городскую милицию. Созданные на местах вооруженные отряды народной милиции В. И. Ленин рассматривал «как революционную армию, как орган не только обороны, но и наступления»[1].

Советы рабочих депутатов, возникшие как зачаточные органы народной власти, создавали под руководством большевистской партии свои вооруженные силы в форме народной милиции, охранявшей революционные права народа от наскоков полиции, казаков и черносотенцев.

Весьма примечательно, что значение пролетарской милиции в этот период не могла отрицать даже буржуазно-либеральная венская газета «Новая свободная печать», поместившая следующую телеграмму: «Казань.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 206.

Народ обезоружил полицию. Оружие, отнятое у нее, распределено между населением. Организована народная милиция. Господствует полнейший порядок»[1].

Подытоживая роль народной милиции в революции 1905—1907 гг., В. И. Ленин называл ее «единственным надежным оплотом революции»[2].

Победив в октябре 1917 г., пролетариат взял в свои руки государственное руководство обществом, установил свою диктатуру. Но этим социалистическая революция не была завершена. На следующий день после захвата власти перед рабочим классом встали новые грандиозные задачи: закрепить успехи пролетарской революции, отстоять ее завоевания, подавить сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, защитить страну от натиска международной империалистической реакции.

Как известно, уже в конце 1917—начале 1918 гг. в России возникли первые очаги гражданской войны. Так, в конце ноября 1917 г. контрреволюционное офицерство и казачество, при поддержке иностранных империалистов, развязали военные действия на Дону, где генерал Каледин собрал значительные военные силы и объявил поход на Москву. Военные действия на Дону переплетались с контрреволюционными заговорами и вооруженными мятежами в других районах страны. Одновременно усилилась подрывная деятельность шпионов, бандитов, спекулянтов и других преступных элементов. Все это вынудило Советское правительство наряду с народной милицией создать регулярную Красную Армию — вооруженный оплот трудящихся, и специальный орган для подавления внутренних и внешних врагов, боровшихся против Советского государства скрытыми, тайными методами. По непосредственному указанию вождя пролетарской революции В. И. Ленина, решением Совета Народных Комиссаров 7 (20) декабря 1917 г. была организована Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем.

Отмечая огромное значение органов ЧК для победы социалистической революции, историческую необходимость создания такого специального органа диктатуры пролетариата для ведения борьбы с внутренней и внеш-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 77.
[2] Там же, стр. 33.

ней контрреволюцией, В. И. Ленин указывал: «Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры»[1].

В. И. Ленин начертал ясную программу организации и деятельности органов государственной безопасности, призванных обеспечить завоевания диктатуры пролетариата, определил необходимость наделить их соответствующими полномочиями для осуществления возложенных на них пролетарской революцией задач.

В сентябре 1919 г. в статье «Как буржуазия использует ренегатов» В. И. Ленин писал: «Мыслима ли пролетарская революция, вырастающая из такой войны, без заговоров и контрреволюционных покушений со стороны десятков и сотен тысяч офицеров, принадлежащих к классу помещиков и капиталистов? Мыслима ли революционная партия рабочего класса, которая бы не карала за такие выступления смертью в эпоху самой ожесточенной гражданской войны и заговоров буржуазии о вторжении иноземных войск для свержения рабочего правительства? Ни один человек, кроме безнадежных и смешных педантов, не мог бы ответить на этот вопрос иначе как отрицательно»[2].

Меткие и беспощадные удары в отношении врагов социализма, их агентов и прихвостней и воспитательные меры воздействия в отношении трудящихся, совершающих преступления в силу пережитков в экономике и в сознании,— таковы были ленинские указания органам государственной безопасности. И советские органы государственной безопасности в своей деятельности строго руководствовались ленинскими требованиями неуклонного соблюдения социалистической законности.

На первый взгляд может показаться парадоксальным соблюдение законности органом, осуществлявшим непосредственно и во внесудебном порядке, террор. И вместе с тем именно осуществление этих мер органами ЧК, на определенных этапах, в период острых классовых боев, являлось высшим проявлением революционной законности. «Красный террор» коренным образом отличался от террора белогвардейцев и интервентов. Он был лишь ответной мерой на террор белогвардейцев; целью

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 328.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 184.

его была защита интересов подавляющего большинства населения, тогда как белый террор преследовал цель восстановить в России старые капиталистические порядки в интересах кучки эксплуататоров.

Итак, «красный террор» являлся мерой вынужденной, навязанной идущими на любые преступления против народной власти белогвардейцами и иностранными империалистами. Именно они установили террор, который, по словам В. И. Ленина, «душит и осуждает на голодную смерть рабочих и крестьян за то, что они борются за свободу своей страны»[1].

Давая направление органам ЧК в их борьбе с происками контрреволюции, В. И. Ленин исходил из того, что «иначе, как репрессией беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было»[2].

Осуществляя беспощадную борьбу с контрреволюцией, чекисты действовали не произвольно, а в соответствии с декретами, издаваемыми Советской властью, что являлось основной гарантией соблюдения ими социалистической законности. 28 февраля 1920 г. Президиум ВЧК издал специальный приказ «О строгом соблюдении советских законов», обязывавший каждого чекиста «знать все декреты и ими в своей работе руководствоваться. Это необходимо для того,—разъяснялось в приказе,— чтобы избежать ошибок и самим же не превращаться в преступников против Советской власти, интересы коей мы призваны блюсти»[3].

Неуклонно соблюдая законность, органы ЧК, с одной стороны, строго наказывали лиц, посягающих на завоевания социалистической революции, а с другой — гарантировали от неправильного, необоснованного привлечения к ответственности невиновных. Решая вопрос о привлечении граждан к уголовной ответственности, чекисты Туркестана действовали крайне осторожно и осмотрительно, руководствуясь при этом указанием Ф. Э Дзержинского о том, что «лучше 1000 раз ошибиться в сторону либеральную, чем послать неактивного в ссылку, откуда он сам вернется, наверное, активным, а его осуж-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 404.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 327.
[3] Из истории ВЧК. Сб. документов, М., 1958, стр. 374.

дение сразу будет мобилизовано против нас»[1]. Беспощадно карая контрреволюционные элементы, туркестанские чекисты, вместе с тем, к рабочим и крестьянам, которые по малосознательности поддались на провокации и приняли участие в контрреволюционных выступлениях, относились по-другому, делая упор на разъяснительную работу.

В. И. Ленин подчеркивал, что революционное насилие не является основой политики Коммунистической партии. «Прекрасная вещь революционное насилие и диктатура, если они применяются, когда следует и против кого следует»,— говорил Ильич на VIII съезде партии[2].

Итак, насилие для большевиков не являлось самоцелью и не представлялось единственным средством, обеспечивающим успех в борьбе. Коммунистическая партия требовала, чтобы революционное насилие применялось лишь в тех единичных случаях, когда исторические условия, объективная обстановка диктовали необходимость его применения, причем не вообще против всех и вся, а только против закоренелых врагов Советского государства — шпионов, диверсантов, террористов, всех контрреволюционеров, активно, с оружием в руках стремившихся свергнуть Советскую власть.

Деятельность органов ЧК, по поводу которой враги Советской власти, буржуазные крикуны вопили на всех перекрестках, была вызвана отнюдь не «кровожадной» природой нашей власти, а злобными, упорными и коварными попытками объединенных сил контрреволюции свергнуть диктатуру пролетариата, уничтожить власть трудящихся. В беседе с корреспондентом газеты «Правда» Ф. Э. Дзержинский отмечал, что «ВЧК сделалась грозным символом для всех тех, кто не мог примириться с завоеваниями трудящихся, кто мечтал о воскрешении старого режима, кто готовил петлю для рабочих и крестьян, ВЧК стала на страже революции и с честью выполняла возложенную на нее трудную задачу»[3].

Применяемые органами государственной безопасности формы и методы борьбы с происками контрреволюции

---

[1] Из истории ВЧК. Сб. документов, М., 1958. Предисловие, стр. 11.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 149.

[3] *Ф. Э. Дзержинский.* Избранные статьи и речи. М., 1947, стр. 145.

разрабатывались большевистской партией, которая широко использовала опыт борьбы со шпионами и провокаторами, накопленный ею в годы подполья. Охрана партийных организаций от царской полиции, шпионов и провокаторов являлась важнейшей и ответственнейшей задачей. «Мы должны внушать рабочим,— указывал В. И. Ленин, что убийство шпионов, провокаторов и предателей может быть, конечно, иногда безусловной необходимостью, но что крайне нежелательно, и ошибочно было бы возводить это в систему, что мы должны стремиться создать организацию, способную *обезвреживать* шпионов раскрытием и преследованием их. Перебить шпионов нельзя, а создать организацию, выслеживающую их и *воспитывающую* рабочую массу, *можно* и *должно*»[1].

Выполняя ленинское указание о необходимости применения партийного искусства подпольных средств и способов борьбы с царской охранкой и ее агентурой, чекистские органы использовали этот опыт в своей повседневной деятельности. Большую роль в этом сыграли кадровые большевики-подпольщики, которых партия направила на работу в органы государственной безопасности. Именно они заложили основы чекистского искусства, творчески развивали его, обучали ему молодых чекистов.

Решающим условием успешной деятельности органов государственной безопасности являлось руководство ими Коммунистической партией. Партийные организации повседневно контролировали работу чекистских органов и оказывали им необходимую помощь. Еще в феврале 1919 г. в «Обращении ЦК РКП(б) ко всем коммунистам—работникам Чрезвычайных комиссий» Центральный Комитет партии особо отмечал, что «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии, по ее директивам и под ее контролем»[2].

Первый руководитель советских органов государственной безопасности, выдающийся революционер, ближайший соратник В. И. Ленина Ф. Э. Дзержинский постоянно учил чекистов, что основным принципом деятельности органов ЧК является принцип партийности и

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 17.
[2] Известия ВЦИК, № 29, 8 февраля 1919 г.

непосредственное руководство ими со стороны Коммунистической партии, «ЧК должна быть органом Центрального Комитета, иначе она вредна, тогда она выродится в охранку или в орган контрреволюции»,—говорил Ф. Э. Дзержинский[1].

В. И. Ленин не допускал даже малейшего уклонения органов государственной безопасности от контроля со стороны партии и правительства. В. И. Ленин решительно пресекал любые, даже самые незначительные, попытки отдельных работников ВЧК поставить себя вне контроля партии, мотивируя это необходимостью обеспечения условий для успешного расследования дела и ограждения следователей от внешних влияний. Большое значение в этой связи имеет письмо В. И. Ленина, адресованное члену Коллегии ВЧК: «В письме о *Шлехесе* (Якове Савельевиче) Вы говорите: «за него хлопочут» *вплоть* до Ленина, и просите «разрешить Вам не обращать никакого внимания на всякие ходатайства и давления по делу о Гохране»[2].

Не могу разрешить этого.

Запрос, посланный мною, *не* есть *ни* «хлопоты», ни «давление», ни «ходатайство».

Я обязан запросить, раз мне указывают на *сомнения* в правильности.

Вы обязаны мне *по существу* ответить: «доводы или улики серьезны *такие-то,* я *против* освобождения, против *смягчения*» и т. д. и т. п.

Так именно *по существу* Вы мне и должны ответить.

Ходатайства и «хлопоты» можете *отклонить;* «давление» есть незаконное действие. Но, повторяю, Ваше смешение запроса от Председателя СНК — с ходатайством, хлопотами или давлением *ошибочно*»[3].

В начале декабря 1918 г. для рассмотрения вопросов, связанных с деятельностью ВЧК, была создана специальная комиссия Совета Рабоче-Крестьянской Обороны под председательством В. И. Ленина. Внесенные В. И. Лениным на рассмотрение комиссии предложения являют собой еще один пример неустанной заботы вождя проле-

---

[1] *С. С. Дзержинская.* В годы великих боев, М., 1964, стр. 305.
[2] Государственное хранилище ценностей РСФСР.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 53, стр. 108—109.

тарской революции об усилении партийного контроля за деятельностью органов государственной безопасности.

На всех этапах развития Советского государства Коммунистическая партия принимала необходимые меры по установлению правильных взаимоотношений и тесного взаимодействия органов государственной безопасности с партийными, советскими и общественными организациями, что имело исключительно важное значение для предохранения чекистских органов от замкнутости, профессиональной кастовости, оторванности от широких масс трудящихся.

Строительство и вся текущая деятельность органов государственной безопасности Узбекистана протекала под непосредственным руководством и контролем со стороны партийных органов. Еще летом 1919 г. декретом ТуркЦИКа, с целью надзора за «законностью» и «революционной целесообразностью» действий органов ЧК Туркестана, а также... контроля над повседневной деятельностью как членов, так и сотрудников Чрезвычайной Комиссии», учреждалась контрольно-ревизионная коллегия. В состав коллегии входили два представителя от Крайкома Коммунистической партии Туркестана и один представитель от ТуркЦИКа. Указанные коллегии создавались как при ТуркЧК, так и при областных ЧК. Те или иные неправильные действия органов ЧК опротестовывались этими коллегиями в президиум областной или республиканской Чрезвычайной комиссии. Решения последней могли быть опротестованы центральной коллегией в ТуркЦИК. Подача протеста влекла за собой приостановление исполнения опротестованного постановления ЧК[1].

В целях укрепления организационных связей Чрезвычайных Комиссий с партийно-советскими органами, Туркбюро ЦК РКП(б) и Исполбюро ЦК Компартии Туркестана, заслушав 26 ноября 1920 г. доклад Председателя ТуркЧК Домбровского, постановили:

«1. Признать необходимой самую тесную связь органов ЧК с органами советскими и партийными.

2. Предложить ЦК КПТ ввести председателей Облчека в члены обкомов и установить в дальнейшем, как

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 203, л. 230 и ф. 25, оп. 1, д. 202, л. 82 и 89.

правило, что председатель Облчека по должности входит в Обком»[1].

На следующий день после принятия этого решения Полномочное Представительство ВЧК на территории Туркестана обратилось со специальным циркулярным письмом ко всем работникам Чрезвычайных Комиссий. В письме подчеркивалось, что органы ЧК «не должны отрываться от масс и партийных организаций», ибо «Комитеты Коммунистической партии на местах есть высший орган пролетарской диктатуры и штаб революционного фронта»[2].

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ТУРКЕСТАНЕ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Социалистическая революция в Туркестане, как и повсеместно в России, была подготовлена и победоносно проведена под руководством Коммунистической партии.

Туркестанским большевикам на пути к победе революции пришлось преодолеть ряд трудностей, вызванных особенностями развития края, заключавшихся в отсутствии сколько-нибудь значительных сил промышленного пролетариата, что в свою очередь обусловливало отсутствие прочно установившихся традиций революционной пролетарской борьбы, а также в наличии у определенных прослоек рабочего класса тенденций великодержавного шовинизма и местного национализма[3].

Большевики с честью преодолели все эти трудности и, опираясь на растущие поддержку и революционное сознание трудящихся, развернули подготовку вооруженного восстания. Коммунистическая партия сумела соединить в один общий революционный поток социалисти-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 309, л. 105.

[2] Там же, ф. 1385, оп. 1, д. 1 б, л. 2—3.

[3] *И. К. Додонов.* Победа Октябрьской революции и Туркестане, Ташкент, 1958.

ческое движение пролетариата, общедемократическое движение за мир и национально-освободительное движение народов Туркестана.

В канун Октября туркестанские большевики находились на решающих участках революционной борьбы, что явилось важнейшим условием, обеспечившим успех вооруженного восстания в Ташкенте, и затем победу социалистической революции во всем Туркестане. Как и везде, большевики Туркестана явились руководящей силой в боях за власть Советов.

После победы Октябрьской революции большевики и молодая Советская власть должны были решать важнейшие задачи: в первую очередь полностью разрушить старый, колонизаторский и построить новый, советский государственный аппарат; провести экономические преобразования, укрепить пролетарскую власть и вместе с трудящимися всей страны построить социализм.

Выдвинув лозунг—«Вся власть Советам», большевики тем самым утверждали необходимость слома старой антинародной государственной машины и создания подлинно демократических органов власти — Советов, являющихся государственной формой диктатуры пролетариата. Подчеркивая значение Советов для строительства социализма в колониях царской России, В. И. Ленин отмечал, что «крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле»[1]. Трудящиеся Туркестана, убедившись, что создаваемый в ходе революции государственный аппарат выражает их кровные интересы и чаяния, под руководством большевиков активно включались в процесс становления новой и ликвидации старой государственной власти.

Чтобы решить поставленные революцией задачи, успешно отразить всевозможные происки и открытые выступления контрреволюции, молодая Советская власть в Туркестане должна была создать пролетарские, революционные вооруженные силы, способные надежно защитить и отстоять завоевания социалистической революции. Созданные по инициативе большевиков и обученные под их руководством Красная Гвардия, а затем на ее основе Красная Армия, сыграли решающую роль в под-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 244.

держании революционного порядка и разгроме контрреволюционных выступлений.

Важным звеном в общей цепи мероприятий, проводимых Коммунистической партией в первые же дни после победы социалистической революции одновременно с ликвидацией других буржуазно-помещичьих органов государственной власти, явился слом судебного аппарата в Туркестане, который как и все судебные учреждения царской России, по определению В. И. Ленина, «изображал собою защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка»[1].

Лишение буржуазии ее политического господства являлось лишь одной из сторон деятельности Советской власти. Второй, не менее важной, стороной было лишение буржуазии ее экономического могущества: уничтожение частной собственности на орудия и средства производства и на этой основе приступ к созданию социалистической системы хозяйства. Эта сторона деятельности Советской власти предполагала проведение целого ряда социально-экономических преобразований, направленных на утверждение социалистических производственных отношений. «Это самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких экономических основ жизни десятков и десятков миллионов людей»,— писал по этому поводу В. И. Ленин[2].

Среди важных мероприятий, направленных на подрыв экономических основ капитализма и создание материальной базы социализма, следует назвать национализацию крупной промышленности. В условиях Туркестана, в порядке «экспроприации экспроприаторов» Советская власть объявила общенародной собственностью все предприятия хлопковой промышленности и запасы хлопка-сырца, скопившиеся на хлопкозаводах. Осуществляя ленинский декрет о земле, Совнарком края 22 декабря 1917 г. издал приказ, запрещающий сделки по продаже, покупке, залогу земель[3], а в конце января 1918 г. народный комиссар земледелия объявил

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 270.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 173.

[3] Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, Сб. документов, Ташкент, 1947, стр. 242.

о предстоящей земельной реформе, предусматривающей организацию на местах земельных комитетов, в чье ведение передавались «все земли нетрудовых хозяйств со всеми сельскохозяйственными постройками»[1].

Все эти социально-экономические преобразования, осуществленные на основании указаний и под руководством Коммунистической партии, серьезно укрепили могущество советского строя на территории всех бывших «окраин» России, в том числе и на территории нынешних республик Средней Азии и Казахстана.

Победа Великого Октября явилась могучим ударом по системе мирового империализма, идеи Октябрьской революции озарили ярким светом путь к освобождению всем угнетенным народам, в том числе народам Азии, Среднего и Ближнего Востока.

Опасаясь «как бы искры нашего пожара не перепали на их крыши»[2], империалисты принимали всяческие меры для того, чтобы помешать победе и упрочению Советской власти. Против нашей страны сразу же выступили как свергнутые эксплуататорские классы, так и пришедший им на помощь и организующий их выступления международный империализм. «По всем концам России началась гражданская война в виде сопротивления эксплуататоров, помещиков и буржуазии, поддержанных частью империалистической буржуазии»[3]. Все это заставило Советскую власть с первых же дней ее существования повести решительную и беспощадную борьбу со всякого рода контрреволюционными выступлениями.

Взяв власть в свои руки, трудящиеся массы Туркестана должны были обеспечить не только проведение в жизнь социально-экономических преобразований в крае, но и отстоять свои завоевания в борьбе со свергнутыми классами, хотя и лишенными политической власти, но на некоторое время остающимися более сильными, чем пролетариат. Полный решимости неуклонно проводить в жизнь «все декреты центрального правительства» и отстоять завоевания Октября, Совет Народных Комиссаров Туркестана в обращении к населению призывал его сплотиться вокруг Советской власти и подчеркнул,

[1] Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, Сб. документов, Ташкент, 1947, стр. 242.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 324.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 94.

что «все попытки препятствовать проведению указанных выше задач встретят решительный отпор со стороны Совета, поддерживаемого трудящимися, революционными массами»[1]. Таким образом, контрреволюционным элементам, вынашивавшим планы свержения власти рабочих и крестьян и восстановления буржуазно-колониальных порядков, было дано понять, что Советская власть не намерена либеральничать с ними.

Процесс ломки старого государственного аппарата встретил отчаянное сопротивление старого чиновничества. Связанное с эксплуататорскими классами множеством корней, полностью выражая их взгляды, оно поддерживало устремления, направленные на реставрацию любыми средствами и способами старого антинародного режима. Стремясь помешать Советской власти в ее поступательном движении, большинство старых чиновников встало на путь саботажа, неисполнения указаний органов новой власти. Они бросали работу в надежде на то, что большевики, не имея квалифицированных кадров ни в одной отрасли управления и хозяйства, не сумеют наладить руководство краем. Парализовать политическую и хозяйственную жизнь края, дискредитировать Советы в глазах населения — вот чего хотели наши враги.

Наиболее широкий размах принял саботаж в учреждениях почтово-телеграфного ведомства. Перед его чиновниками контрреволюционные силы поставили задачу лишить или по крайней мере сильно затруднить связь Ташкента как с центром страны, так и внутри края.

Опираясь на полную поддержку трудящихся города и выражая их волю, Исполком Ташкентского Совета предложил саботажникам немедленно возобновить работу. «Те из бастующих,—говорилось в обращении Исполкома Ташсовета,— которые в течение 24 часов со времени объявления настоящего обращения не приступят к работе, будут считаться уволенными от службы со всеми вытекающими отсюда последствиями, ...а стачечный комитет, как руководитель настоящего контрреволюционного выступления, будет арестован»[2].

---

[1] Победа Октябрьской революции в Туркестане, Сб. документов, т. 1, Ташкент, 1963, стр. 579.

[2] Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сб. документов, Ташкент, 1947, стр. 114.

В результате принятых решительных мер открытый саботаж почтово-телеграфных чиновников был сломлен, а забастовка ликвидирована.

После роспуска Ташкентской государственной Думы, которая являлась центром притяжения антисоветских элементов, высшие служащие городской управы во главе с заведующим оценочно-статистическим бюро Путиловым начали саботировать мероприятия Ташкентского Совдепа. В частности, Путилов отказался представить ряд сведений, интересующих Совет, по тем мотивам, что он не признает Советской власти. Ответственные чиновники городской управы, в знак протеста против роспуска Думы, объявили забастовку.

Ташкентский Совет быстро ликвидировал саботаж; руководители и инициаторы забастовки были немедленно уволены, а остальные служащие предупреждены, что если они тотчас же не приступят к работе, то к ним будут приняты аналогичные меры[1].

Упорно саботировали мероприятия Советской власти банковские служащие. Частные банки в Туркестане отказывались выдавать деньги по чекам предприятий, особенно тех, где был установлен рабочий контроль, срывая тем самым сроки выплаты зарплаты. Создавая финансовые трудности, враги революции всячески стремились дезорганизовать производство, не допустить возрождения и подъема хозяйства края. Владельцы промышленных предприятий закрывали предприятия якобы «из-за отсутствия сырья и топлива», разбазаривали оборудование, отказывались от заказов, увольняли рабочих, искусственно увеличивая безработицу и цены на промышленные товары.

Легко понять, что все это были звенья общей цепи контрреволюционных выступлений свергнутых классов, пытавшихся экономически задушить молодую Советскую республику. Правительство Туркрая не могло закрывать глаза на все эти факты. Отражая чаяния рабочего класса, Совет Народных Комиссаров издал 29 ноября 1917 г. приказ, категорически запрещающий всем владельцам закрывать свои предприятия. Одновременно капиталисты были предупреждены о том, что за неисполнение

[1] «Наша газета», орган Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов, № 17, 21 января 1918 года.

приказа к ним будут применены самые строгие меры, вплоть до реквизиций заводов и фабрик[1]. В дальнейшем решительный удар по контрреволюционным замыслам и происках капиталистов был нанесен последовательно проведенной Советской властью национализацией промышленности.

В арсенале средств, применявшихся врагами революции, большая роль отводилась использованию крайне тяжелого продовольственного положения и общей хозяйственной разрухи, царившей в крае. Буржуазные элементы использовали продовольственные трудности в своих контрреволюционных целях. Распространялись, например, провокационные слухи о том, что городская продовольственная управа, имея большие запасы сахара, изюма и других продуктов, не хочет отпускать их для продажи населению[2]. Широкий размах приняла спекуляция. Нередко она искусственно вызывалась и поддерживалась деклассированными элементами, подкупленными буржуазией. Располагая значительными запасами продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, буржуазия, крупные торговцы умышленно скрывали их, чтобы еще больше увеличить продовольственные трудности. Будучи в курсе этих замыслов, Исполком Ташкентского Совета решил «организованно и планомерно провести реквизицию имеющихся в городе крупных запасов: риса, зерна, картофеля, муки, чая, сахара, кишмиша и других продуктов первой необходимости»[3]. Только за несколько дней в Ташкенте было реквизировано у спекулянтов более 24 тыс. пудов зерна и муки, которые были проданы населению по твердым ценам[4].

Все эти меры осуществлялись Коммунистической партией и Советской властью при активной поддержке и всесторонней помощи трудящихся, которые вылавливали спекулянтов, расхитителей и мародеров, участвовали в

---

[1] Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сб. документов, Ташкент, 1947, стр. 117.

[2] «Наша газета», № 5, 6 января 1918 г.

[3] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 3, л. 46.

[4] *А. Н. Туманов.* Борьба за установление и упрочение Советской власти в Туркестане. Установление Советской власти на местах в 1917—1918 гг. Сб. статей. М., 1953, стр. 581.

производимых у буржуазии и спекулянтов обысках и реквизициях.

Мы уже отмечали, что в первые дни после установления Советской власти в Туркестанском крае создалась весьма напряженная обстановка. Наряду с различными формами саботажа, были сделаны серьезные попытки свержения Советской власти вооруженным путем. В конце ноября 1917 г. внутренняя контрреволюция, вдохновляемая и поддерживаемая англо-американскими империалистами, развязала на территории Туркестана гражданскую войну.

Первую попытку насильственно свергнуть «власть красных» предприняла так называемая «Кокандская автономия», провозглашенная мусульманской буржуазией, крупными баями и духовенством, вкупе со всеми антисоветскими силами.

В Туркестане, многонациональной окраине бывшей царской России, национальный вопрос всегда был наиболее животрепещущим и жгучим вопросом. В своей борьбе с Советской властью контрреволюция использовала популярный у народных масс, стремившихся к национальной независимости, лозунг автономии. Буржуазия выступила за автономию потому, что это давало ей возможность, прикрываясь громкими фразами о свободе нации, замаскировать борьбу против власти трудящихся и реставрировать старые порядки.

В то время, когда в Ташкенте в ноябре 1917 г. проходил III Краевой съезд Советов, решавший вопрос о власти, буржуазно-националистической контрреволюцией также в Ташкенте был созван III мусульманский съезд, который заявил о непризнании Советской власти. Отстаивая старые эксплуататорские порядки, съезд националистов принял резолюцию, в которой указывалось, что «пути к самоопределению мусульман не могут быть иными, как только те, которые указаны в коране и шариате». Далее съезд предложил учредить в Ташкенте «Краевой Совет» и правительственный комитет с тем, чтобы в этих органах половина мест была предоставлена местной буржуазии, а вторую половину мест поделили между собой русская буржуазия и Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

III Краевой съезд Советов решительно отверг наглые требования буржуазных националистов, но они и не

думали сложить оружия. Потерпев поражение в Ташкенте, верхи местной националистической и русской буржуазии, мусульманское духовенство, вместе с лидерами меньшевиков и эсеров бежали в Коканд.

Коканд не случайно стал центром притяжения сил реакции и контрреволюции. Коканд был одним из важнейших финансовых и торгово-промышленных центров Средней Азии, своеобразной цитаделью крупной буржуазии и мусульманского духовенства. Достаточно сказать, что на 50 тысяч населения города приходилось 11 банков, 382 мечети, 40 медресе и 6 тысяч мусульманских духовников[1].

Постоянной клиентурой кокандских банков были коммерсанты Англии, Германии и США, город был наводнен шпионами империалистических разведок;

Коканд территориально был близок к Кашгару, в котором находилось английское генеральное консульство, не только оказывавшее помощь буржуазным националистам, белогвардейцам и другим врагам Советской власти, но и руководившее и направлявшее их борьбу против социалистической революции. Английский генеральный консул в Кашгаре Эсертон в своих мемуарах прямо указывает, что лозунг буржуазной «автономии» английские империалисты использовали в своих интересах[2];

в Коканде прочно свили себе гнездо панисламисты и пантюркисты, в основе идеологии которых лежали реакционные воззрения тюркской буржуазии и мусульманских феодальных кругов. Это они в борьбе с Советской властью стремились оживить в мусульманском населении края, воспитанном на идеях шариата, суеверия, религиозный фанатизм и тем самым притупить растущую революционную активность трудящихся масс;

в Коканде не было сильного гарнизона революционных солдат, а местная коммунистическая организация и Советы были еще очень слабыми, что также учитывалось буржуазией.

Все эти причины и предопределили созыв именно в Коканде 27 ноября 1917 г. IV чрезвычайного мусульман-

---

[1] *А. И. Зевелев.* Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959, стр. 60, примечание.

[2] *П. Г. Эсертон.* В сердце Азии, Лондон, 1925.

ского съезда, состав которого олицетворял стремление всех контрреволюционных сил к объединению для борьбы с властью Советов.

Съезд принял решение о провозглашении «автономии» в Туркестане, образовал «Временный народный совет» и избрал буржуазно-националистическое «правительство», возглавляемое ярыми буржуазными националистами. Одновременно съезд поручил «автономному правительству» договориться с атаманом Дутовым о включении Туркестана в так называемый «Юго-Восточный Российский Союз», проект которого разработали англичане.

Первыми шагами «автономного правительства» явилось издание законов о восстановлении частной собственности на промышленные предприятия и землю, а также подтверждение законов бывшего Временного правительства, охраняющих интересы помещиков и капиталистов. Такова была политико-экономическая платформа «Кокандской автономии».

Определяя классовую сущность и социально-политические устремления «автономистов», Наркомнац РСФСР указывал: «Буржуазно-националистические группы требуют автономии для того, чтобы превратить ее в орудие закабаления своих собственных масс»[1].

Раскрепощенные Великим Октябрем трудовые массы коренных национальностей Туркестанского края очень скоро поняли контрреволюционную сущность «Кокандской автономии» и ее цели. Они решительно выступили против «автономистов» в поддержку Советской власти. По Туркестану прокатилась мощная волна протестов. На митингах принимались резолюции, раскрывающие классовую природу «Кокандской автономии», ее контрреволюционные цели. Участники митингов единодушно заявляли о своей преданности Советам.

Не получив поддержки от трудового народа, «автономное правительство», вынашивающее планы вооруженного захвата власти во всем крае, пригласило к себе на службу басмаческие банды бывшего уголовного преступника Иргаша. Одновременно «автономисты» вступили в сговор с белоказачьим атаманом Дутовым, полковником

---

[1] История Советской Конституции (в документах) 1917—1956, М., 1957, стр. 121.

Зайцевым, казачьи отряды которого возвращались на родину из Персии, Закавказья и Хивы через Туркестан. Дирижером этого контрреволюционного ансамбля выступили английские империалисты, обещавшие «автономистам» помощь путем организации наступления казаков Дутова на Ташкент и отрядов Зайцева — на Самарканд.

Первой «проверкой боем», предпринятой «автономистами», явилась проведенная в Ташкенте 13 декабря 1917 г. манифестация в знак солидарности с «Кокандской автономией». В этот день буржуазные националисты, опираясь на поддержку кадетов, меньшевиков и правых эсеров и при их активном участии, организовали в «старом городе» митинг, на котором, в основном, присутствовали баи и торговцы. Однако реакционному духовенству удалось одурманить часть мелкобуржуазных и полупролетарских слоев жителей «старого города», также принявших участие в митинге.

Выступая на митинге, представители контрреволюционных организаций «Улемы» и «Шуро-и-Исламии» призывали к свержению Советской власти и к поддержке «автономного правительства». Тонко воздействуя на религиозные чувства и прикрываясь флагом защиты ислама, контрреволюционерам удалось спровоцировать выступление против Советской власти и увлечь за собой часть фанатиков. Антисоветским элементам удалось прорваться в тюрьму, убить часового красногвардейца и освободить главарей контрреволюции — Доррера и других белогвардейцев.

На защиту Советской власти выступили широкие массы трудящихся, которые увидели подлинное лицо «манифестантов» и поняли, чьи интересы они защищают. Красногвардейцы Кушкинского отряда отбили у мятежников освобожденных ими контрреволюционеров и вновь водворили их в тюрьму. Манифестация была разогнана. 19 главарей этого антисоветского выступления были арестованы, а расследование их преступной деятельности было поручено следственной комиссии[1].

14 декабря Совнарком Туркестанского края обратился к населению с воззванием, в котором были разоблачены контрреволюционные происки «автономистов» и одновременно подчеркивалось, что «мусульманское насе-

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 8, л. 201—202.

ление, в особенности трудовые мусульманские массы, не имеет ничего общего с контрреволюционными заговорщиками».

Обращение оканчивалось призывом «поддержать революционную народную власть в деле устройства хозяйственной и политической жизни края»[1].

Буржуазные «автономисты» совместно с контрреволюционерами всех мастей, группировавшихся вокруг «Кокандской автономии», потерпев первое поражение, стали лихорадочно готовиться к решительному бою с рабоче-крестьянской властью.

В начале января 1918 г., несмотря на героическое сопротивление малочисленных отрядов Красной Гвардии, город Чарджуй был захвачен казаками Зайцева. В Чарджуй к Зайцеву для детализации плана выступления против Советской власти поспешили главари «Кокандской автономии»— министры Временного правительства М. Чокаев и другие, к ним присоединился и представитель атамана Дутова.

План был выработан и сводился к следующему: казачьи полки Зайцева начнут движение по Закаспийской железной дороге, имея конечной целью захват Ташкента. Их с севера поддержат части Дутова. Одновременно выступят и «автономисты».

Так создался блок кокандских буржуазных националистов с белогвардейцами под общим руководством английских империалистов.

Осуществляя разработанный в Чарджуе план, полковник Зайцев разбил имевшиеся у него 14 сотен казаков на две группы и двинул их на Самарканд.

Грозная опасность, нависшая над Советским Туркестаном, потребовала от Совнаркома края принятия срочных мер. Среднеазиатская железная дорога была объявлена на осадном положении и одновременно Совдепам Самарканда, Мерва и Ашхабада было предложено «дальнейшее движение казачьих эшелонов немедленно остановить»[2]. Во исполнение этого распоряжения у станции Ростовцево (в 30 км от Самарканда) красногвардейские отряды 14 февраля 1918 г. завязали с бело-

[1] Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, сб. документов, Ташкент, 1947, стр. 241.

[2] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 1, д. 83, л. 1.

казаками решительный бой и наголову разгромили мятежников.

Параллельно этим событиям буржуазные автономисты, поддержанные белогвардейцами, в ночь с 11 на 12 февраля, приступили к выполнению отведенной им планом роли, напав на крепость, расположенную в новой части Коканда. Однако захватить крепость им не удалось. Другая часть наемных убийц, составлявших вооруженные силы «автономного правительства», сумели захватить телефонную станцию и разрушить телеграф, а также железнодорожную линию в сторону Ташкента и Андижана. В городе началась беспощадная расправа со всеми, кто хоть сколько-нибудь сочувствовал Советской власти.

Наутро 12 февраля большевики Коканда образовали военно-революционный комитет во главе со старым большевиком Е. А. Бабушкиным. Военно-революционный комитет организовал борьбу трудящихся Коканда с контрреволюционерами. Полученные за день до этих событий из Ташкента винтовки, пулеметы и другое вооружение были розданы рабочим, которые отбили у мятежников телефонную станцию и отремонтировали железнодорожный путь. Из разных городов Туркестана в Коканд устремились красногвардейские отряды. Уже 13 февраля из Скобелева, Андижана и Перовска в Коканд прибыли 200 красногвардейцев.

18 февраля реакционеры из контрреволюционной организации «Улема» совершили переворот, отстранили от руководства лидеров «автономии» и поставили во главе ее своего ставленника — Иргаша. Вновь начался штурм крепости, на этот раз под лозунгом «защиты ислама», но дни «Кокандской автономии» уже были сочтены.

В течение 19 и 20 февраля происходили упорные бои, решившие участь «Кокандской автономии». Внутри «старого города» на стороне красногвардейских отрядов выступили рабочие и ремесленники-узбеки, которых поднял на борьбу с басмачами Иргаша Союз трудящихся мусульман. 21 февраля банды Иргаша были разгромлены и бежали из Коканда, 30 членов «автономного правительства» были арестованы, вся власть в городе перешла в руки Кокандского Совета рабочих и солдатских депутатов. Незадолго до разгрома «автономистов»

красногвардейские отряды нанесли решающие удары войскам Дутова в районе Оренбурга.

Так бесславно закончилась первая попытка английских империалистов объединить все контрреволюционные силы Туркестана в борьбе против Советской власти.

Оценивая внутриполитическую обстановку в Туркестане, сложившуюся вскоре после победы Октября, следует отметить, что большую роль в расстановке классовых сил сыграли специфические местные особенности, вызванные конкретными историческими условиями развития края. Далекая окраина России — Туркестан не имел крупных промышленных центров и крепкой рабочей прослойки, а классовая дифференциация, в особенности в кишлаке, только началась. Разнородное по национальному составу население края в значительной степени находилось под влиянием националистической пропаганды. Хотя Советская власть и подорвала основы национальной вражды, колониальное прошлое оставило в Туркестане «тьму озлобления и недоверия к великорусам»[1]. Это недоверие, разжигаемое националистами, сразу ликвидировать было невозможно. Контрреволюционеры же использовали его в своей борьбе против Советской власти. Сюда, в Туркестан, протянули свои щупальцы иностранные империалисты, засылавшие своих агентов, которые собирали и организовывали силы внутренней контрреволюции, оказывали ей материальную и финансовую помощь, снабжали оружием и боеприпасами. Развернувшаяся в Туркестане к концу ноября 1917 г. ожесточенная классовая борьба приняла форму открытой гражданской войны, из недр «Кокандской автономии» вышли первые басмаческие банды во главе с одним из правителей «автономии» — Иргашем.

Сложившаяся обстановка и первые уроки борьбы со всякого рода контрреволюционными выступлениями потребовали создания специального органа диктатуры пролетариата, достаточно гибкого, оперативного и четко организованного, способного оградить завоевания пролетарской революции от посягательств всех антисоветских сил.

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 379.

ПЕРВЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТУРКЕСТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Специальные органы по борьбе с контрреволюцией в Туркестанском крае были созданы вскоре после провозглашения Советской власти.

Первым органом, на который возлагалось ведение борьбы с контрреволюционными преступлениями, явилась Ташкентская следственная комиссия, образованная Ташкентским Советом рабочих и солдатских депутатов в начале ноября 1917 г.

Одновременно с учреждением комиссии Ташкентский Совет утвердил для нее Наказ, пункт первый которого определял цели комиссии: «Следственная комиссия организуется исключительно для разбора дел лиц, задержанных в период времени с 27 октября (то есть с начала вооруженного восстания в Ташкенте — *Р. А., Н. М.)* как принимавших участие в контрреволюционном выступлении, так и совершивших уголовные преступления, пользуясь переживаемым моментом»[1].

7 ноября 1917 г. Исполком Ташкентского Совета заслушал доклад Следственной комиссии и принял решение объявить в газетах об ее организации «с просьбой (к) граждан (ам) давать показания по делу с 27 октября по 31 октября с 9 часов утра до 7 часов вечера в областной тюрьме»[2].

На первый взгляд может показаться, что деятельность Следственной комиссии ограничивалась лишь расследованием октябрьского мятежа и носила эпизодический характер, поэтому считать ее за постоянный орган борьбы с контрреволюцией нельзя. Ошибочность такого предположения становится очевидной при изучении архивных документов, освещающих отдельные стороны деятельности Следственной комиссии.

Перед нами письмо Следственной комиссии в Исполком Ташкентского Совета от 16 ноября 1917 г.— «Следственная комиссия,— говорится в письме,— ввиду встретившейся надобности просит Исполнительный Комитет дать заключение по вопросу о направлении дел по пре-

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 16, л. 21.
[2] Там же, д. 4, л. 96.

туплениям, носящим чисто уголовный характер, как-то: грабежи, убийства и проч. виды насилия, совершенные лицами гражданского и военного ведомства... Причем комиссия просит ответить, надлежит ли ей производить следствие по указанным преступлениям и принимать меры предупреждения способов уклонения от следствия (ареста) и имеет ли комиссия выносить суждения о виновности привлеченных к следствию»[1].

Уже в первые дни своей работы Следственная комиссия должна была определить как поступать в отношении лиц, совершивших преступления (не контрреволюционные) после 1 ноября, т. е. после октябрьских событий, так как Наказ относил к подследственности комиссии лишь общеуголовные преступления, совершенные в дни мятежа. У членов Следственной комиссии не возник такой же вопрос в отношении контрреволюционных преступлений. Значит ли это, что в то время такие преступления не совершались? Разумеется, нет. Нами уже показано, как Советская власть с первых же дней встретилась с отчаянным сопротивлением буржуазии.

Из сказанного можно сделать вывод, что у Следственной комиссии не было никаких неясностей в отношении расследования дел о контрреволюционных преступлениях, независимо от времени их совершения. В качестве примера можно сослаться на дело 19 главарей контрреволюционного выступления 13 декабря 1917 г.[2]

Комиссариат юстиции Туркестана также рекомендовал освободить Следственную комиссию от ведения следствия по уголовным делам и предоставить ей возможность вести дела исключительно по контрреволюционным преступлениям[3]. В свою очередь, Исполком Ташкентского Совета на письмо комиссии ответил, что Комиссии «следствие по уголовным делам не следует производить»[4].

24 ноября 1917 г. Перовский Совдеп запросил комиссариат юстиции о наличии в Ташкенте комиссии для расследования контрреволюционных преступлений. Подтверждая ее существование, комиссар юстиции одновре-

---

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 16, л. 9.
[2] Там же, д. 8, л. 201—202.
[3] Там же, д. 16, л. 22.
[4] Там же, л. 9.

менно предложил Перовскому Совдепу «выделить из своего состава особую Следственную комиссию, которая могла бы на месте расследовать дела тех или иных граждан, активно выступающих против власти нового Правительства»[1].

Итак, хотя формально Следственная комиссия должна была ограничить свою деятельность расследованием контрреволюционных преступлений, совершенных лишь в определенный промежуток времени, фактически же, считаясь с требованиями жизни, она, с согласия Ташкентского Совета, стала органом повседневной борьбы с контрреволюцией.

Между тем обстановка в Туркестане, как и во всей России, накалялась. Буржуазия, внутренняя и внешняя, предпринимала отчаянные попытки к свержению Советской власти. Империалисты готовились к решительной схватке, намереваясь потопить в крови социалистическую революцию. Создавшаяся обстановка поставила перед большевиками края задачу — принять неотложные меры к защите молодой Туркестанской республики, беспощадно подавлять все вражеские вылазки, мобилизовать все силы для борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией.

В январе 1918 г. председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Ф. Э. Дзержинский направил в Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов телеграмму с предложением всем Советам немедленно приступить к созданию отделов по борьбе с контрреволюцией.—«Обнаглевшая контрреволюция,— говорилось в телеграмме,— готовит заговор против Советской власти и готовит покушение на видных деятелей революции. Ею мобилизованы все контрреволюционные силы — ударники, юнкера, офицеры — калединцы и корниловцы, белая гвардия — голодные, развращенные элементы подонков общества. Заговор организуется во всероссийском размере. Для беспощадной и самой решительной и быстрой ликвидации контрреволюционного заговора ВЧК по борьбе с контрреволюцией при СНК предлагает всем Советам и Комитетам немедленно создать отделы борьбы с контрреволюцией и немедленно же прислать своих

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 19, л. 9.

представителей за получением инструкций и секретных данных в отдел борьбы с контрреволюцией»[1].

Выполняя указание правительства, Ташкентский Совет по предложению большевистской фракции приступил к организации Революционного трибунала и следственных комиссий по борьбе с контрреволюцией, мародерством и спекуляцией.

Требование большевиков о немедленном создании указанных органов было встречено в штыки «левыми» эсерами и меньшевиками-интернационалистами, в связи с чем этот вопрос обсуждался несколько раз. Большевики настаивали на принятии для Ташкента «Положения о Московском революционном трибунале»[2] и организации двух следственных комиссий — одной по борьбе с контрреволюцией, другой — по борьбе со спекуляцией и мародерством. Особенно упорная борьба развернулась на заседании Ташкентского Совета 16 января 1918 г.

«Левые» эсеры и меньшевики-интернационалисты, прикрываясь трескучими фразами о революционном долге, демократии и проч., на деле выступали против осуществления беспощадной борьбы с контрреволюционерами. Меньшевик Вайнштейн, в частности, требовал внести в Положение развернутое описание составов преступления, дела по которым подсудны революционному трибуналу; исключения из подсудности трибунала дел о саботаже по тем мотивам, что саботаж это не больше, чем административный проступок, за который нужно только отстранять от должности; соглашался на создание только одной следственной комиссии по борьбе со спекуляцией и т. д. «Левый» эсер Черневский в своем выступлении призывал не торопиться с принятием Положения, а передать его на детальное и тщательное обсуждение во фракциях, что было равносильно отказу от принятия Положения[3].

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 34, л. 2.

[2] «Положение о Московском революционном трибунале» поступило одновременно с упоминавшейся телеграммой Ф. Э. Дзержинского.

[3] «Наша газета» № 14, 18 января 1918 г. Нельзя не привести в качестве примера, что подразумевали «левые» эсеры под обсуждением вопроса во фракциях и чего хотели они этим добиться. 20 декабря 1917 г. на заседании Исполкома Ташкентского Совета обсуждался декрет Совнаркома края «О реорганизации судебных установлений», принятый 12 декабря 1917 г. В целях усиления борьбы

Давая достойную отповедь «левым» эсерам и меньшевикам-интернационалистам, всячески противодействовавшим созданию революционного трибунала и следственных комиссий, большевик И. Тоболин прямо заявил, что «Вайнштейн и Черневский против Положения о революционном трибунале, ибо они боятся, что на основании этого Положения они будут посажены в тюрьму». Под бурные аплодисменты большинства членов Совета И. Тоболин закончил свое выступление следующими словами: «Всем, прикрывающимся под красивыми словами свободы слова, свободы законов, свободы учреждения, мы ответим: в революционное время есть один закон — диктатура пролетариата»[1].

Подавляющим большинством голосов было принято предложение большевиков о создании революционного трибунала и двух следственных комиссий.

В «Положении о Ташкентском революционном трибунале» определялись его функции и задачи. Трибунал создавался «для борьбы против контрреволюционных сил и принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для борьбы с хищничеством, спекуляцией, саботажем и мародерством промышленников, торговцев, служащих и других лиц»[2].

Инструкция, разъясняющая функции трибунала, предусматривала, что расследование дел, подсудных революционному трибуналу, производится следственной комиссией, избираемой в составе 6 человек Ташкентским Советом рабочих и солдатских депутатов. Однако эта комиссия создана не была, так как уже на следующий день общее собрание Ташкентского Совета организовало две следственные комиссии, каждая из которых состояла из председателя, секретаря и двух членов. При этом одна

со спекуляцией и мародерством Исполком принял предложение большевиков «организовать вторую следственную комиссию специально для борьбы с мародерством, хищничеством, спекуляцией и т. д.», а также постановил «назначить председателя, секретаря и распорядителя (будущего революционного трибунала)». Однако по предложению «левых» эсеров вопрос о кандидатах на эти должности был передан на обсуждение партий. В итоге намечавшиеся органы практически организованы не были, ибо «левые» эсеры так и не представили своих кандидатов.

[1] «Наша газета», № 14, 18 января 1918 г.

[2] Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сб. документов, Ташкент, 1947, стр. 126.

комиссия должна была вести борьбу с контрреволюцией, а вторая — с мародерством, хищениями и спекуляцией.

Во время выдвижения кандидатов в члены комиссии, меньшевики вновь попытались выхолостить революционное содержание и пролетарскую направленность в деятельности комиссий. Так, тот же Вайнштейн выступил с предложением «строить комиссии на принципе работы, а не партийности». Это предложение получило достойный отпор со стороны большевиков. В комиссии были избраны четыре большевика, три «левых» эсера и один меньшевик-интернационалист[1].

В том, что вместо указанной в Инструкции о ревтрибунале одной следственной комиссии,— были созданы две с разграничением подследственности каждой и в ином количественном составе проявились особенности развития органов государственной безопасности в Туркестане.

Следственным комиссиям по борьбе с контрреволюцией, мародерством и спекуляцией были предоставлены широкие полномочия. Члены комиссий пользовались «всеми правами лиц, на которых возлагается производство предварительного следствия». В частности они могли производить обыски, выемки, вызовы для допросов в качестве свидетелей всех граждан, пользовались правом избрания мер пресечения, в том числе и ареста и т. д.

При расследовании дел о контрреволюционных преступлениях, мародерстве и спекуляции следственные комиссии имели также право «требовать от всех ведомств и должностных лиц, а также от всех... учреждений... и предприятий, правительственных, общественных и частных кредитных установлений доставления необходимых сведений и документов, а также дел, не законченных производством»[2].

Кроме того, члены следственных комиссий поддерживали обвинение при рассмотрении дел революционным трибуналом[3].

---

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 38, л. 14.

[2] Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сб. документов, Ташкент, 1947, стр. 127—128.

[3] По одному из первых дел, рассмотренных ревтрибуналом (дело по обвинению Орлова и других, занимавшихся продажей оружия) обвинение поддерживал председатель следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией И. Тоболин.

Как свидетельствуют многочисленные архивные документы, Коммунистическая партия повседневно направляла и контролировала работу следственных комиссий. Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов и его Исполком осуществляли непосредственное руководство их деятельностью[1]. Значительное число дел возбуждалось и расследовалось следственными комиссиями по непосредственному указанию Исполкома. Комиссии обязательно уведомляли Исполком о результатах следствия. В случаях несогласия с ходом и выводами следствия Исполком Совета требовал все производство по делу для просмотра, и в ряде случаев предлагал следственным комиссиям продолжить расследование и предать виновных революционному трибуналу[2].

Придавая серьезное значение быстрейшей организации революционных трибуналов и следственных комиссий по борьбе с контрреволюцией, мародерством и спекуляцией, а также их единообразной организационной структуре на всей территории края, народный комиссариат юстиции 5 марта 1918 г. предложил Совдепам Верного[3], Пишпека[4], Токмака, Пржевальска, Копала, Джаркента и Урджара немедленно организовать «революционный трибунал и две следственные комиссии к нему: одну по борьбе с контрреволюцией, другую — по борьбе (с) мародерством и спекуляцией... Каждая комиссия состоит из четырех лиц»[5]. Однако процесс организации революционных трибуналов и следственных комиссий, в силу ряда местных условий, затянулся вплоть до второй половины 1918 г. Так, в Ходженте эти органы были созданы во второй половине июня[6], в Черняевском уезде — 29 июня 1918 г[7]. и т. д.

23 января 1918 г. в 4 часа дня в Доме Свободы состоялось первое совместное заседание обеих следственных комиссий Ташкентского Совета. Вел заседание председа-

---

[1] См. ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 36, л. 18, 17, 29, 45, 46, 63.

[2] Такие факты усматриваются из целого ряда документов, хранящихся в Государственном архиве Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 51, л. 121, 126, 127, 141, 175, 206, 236; 257; 432 и др.

[3] Ныне г. Алма-Ата.

[4] Ныне г. Фрунзе.

[5] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 19, л. 108.

[6] «Советский Туркестан», № 22, 10 июля 1918 г.

[7] «Советский Туркестан», № 19, 6 июля 1918 г.

тель Исполкома Ташкентского Совета И. Тоболин. Обсуждался вопрос о персональном составе каждой следственной комиссии. Было принято решение включить в состав комиссии по борьбе с контрреволюцией в качестве председателя Тоболина, секретаря Сидорова и членов комиссии — Гущина и Алксниса.

Если следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией состояла из большевиков, то комиссия по борьбе с мародерством и спекуляцией — из «левых» эсеров. Председателем комиссии был избран меньшевик-интернационалист Бершадский[1].

Партийный состав следственных комиссий, как мы увидим дальше, во многом предопределил характер и направление их деятельности.

Члены следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией понимали, что успех их работы во многом зависит от того, насколько тесно они будут связаны с трудящимися, насколько широко смогут привлечь трудящиеся массы к повседневной борьбе с контрреволюцией. Поэтому, при расследовании конкретных дел следственные комиссии обращались за помощью к населению.

Для всестороннего выяснения всех обстоятельств дела об убийстве областного комиссара Толкачева и трех граждан в канцелярии начальника охраны города, следственная комиссия обратилась через газету ко всем гражданам, присутствовавшим 1 июля 1918 г. вечером в саду «Гражданин» и видевшим как арестовывали комиссара Толкачева и сидевших в беседке трех человек, а также ко всем, кто был свидетелем избиения арестованных конвоем и убийства их в канцелярии начальника охраны города. Комиссия просила очевидцев явиться для дачи показаний[2]. Обращение следственной комиссии сыграло решающую роль в получении доказательств и правильной оценке их.

Следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией пришлось работать в чрезвычайно тяжелых условиях: не было подготовленных кадров, отсутствовали процессуально-правовые нормы, регламентирующие порядок производства арестов, обысков и т. д., расследования часто приходилось производить за пределами г. Ташкента.

---

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 51, л. 303.
[2] «Советский Туркестан» № 20, 7 июля 1918 г.

Кроме четырех членов следственной комиссии, в ее составе было три технических работника — делопроизводитель и два переписчика. Однако уже со второй половины февраля 1918 г. ввиду крайней занятости на основной работе из состава комиссии практически выбыли ее председатель Тоболин и секретарь Сидоров. Вся тяжесть работы легла на плечи двух членов комиссии — Гущина и Алксниса, о загруженности которых можно судить хотя бы из того, что ими примерно за три месяца было закончено производством 75 дел[1]. Всякий раз, когда на заседании Исполкома поднимался вопрос об укомплектовании комиссий, «левые» эсеры прилагали все усилия для того, чтобы под всевозможными предлогами сорвать его обсуждение.

Серьезные затруднения возникали у членов комиссии при необходимости выезда из Ташкента для производства следствия по делам, возникшим за его пределами, так как при этом совершенно оголялся основной участок работы комиссии — город Ташкент.

Все это, безусловно, не могло не отразиться на качестве работы следственных комиссий, на что совершенно справедливо обращал внимание Ташкентского Совета председатель революционного трибунала в письме от 4 июля 1918 г.: «При разборе дел... оказалось, что следственный материал, представляемый след (ственной) комиссией, неудовлетворителен в большинстве случаев, что указывает на численную недостаточность персонала след(ственной) комиссии, а также на техническую ее неподготовленность и проч. Благодаря несовершенствам след(ственной) комиссии, ряд дел пришлось отложить, а по другим делам приходилось уже во время сессии поручать производство дополнительных доследований»[2].

Таким образом, следственные комиссии нуждались как в пополнении преданными делу революции кадрами, так и в определенном организационном переустройстве. Обе комиссии следовало объединить под единым руководством, поставив во главе их коммуниста, способного направить деятельность следственных комиссий в русло беспощадной борьбы с контрреволюцией и спекуляцией. Последнее особенно было необходимо в связи с тем, что

---

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 51, л. 439.
[2] Там же, л. 262.

подлинная борьба со спекуляцией в тот период по сути дела не велась, что объяснялось тем ярым противодействием, которое оказывали «левые» эсеры и меньшевики-интернационалисты всем мероприятиям, проводимым большевиками по упрочению Советской власти. Соглашатели добивались возможности проникнуть в наиболее важные органы пролетарской диктатуры, чтобы разлагать эти органы изнутри. Мы уже говорили, что следственная комиссия по борьбе с мародерством и спекуляцией была сформирована в основном из «левых» эсеров и возглавлялась меньшевиком. Эта комиссия не только не вела активной борьбы с преступлениями, но и нередко, по существу, защищала преступников, часто отказываясь привлекать мародеров и спекулянтов к ответственности под тем предлогом, что в законодательстве тот или иной вопрос якобы не регламентирован (и это в то время, когда социалистическое уголовное право только зарождалось!).

Исполком Ташкентского Совета неоднократно разъяснял членам следственной комиссии по борьбе с мародерством и спекуляцией, что она создана для защиты интересов трудового народа, и формальный подход к решению дел объективно на руку врагам революции. Так, предлагая расследовать дело о злоупотреблениях администрации Российского транспортного и страхового общества, Исполком указал комиссии на то, что она не вправе забывать о том, что «она есть исключительно наша организация, а потому, что бы нами (Ташкентским Советом —*Р. А, Н. М.*) ни выдвигалось (хотя бы подчас и не точно по регламенту для следственной комиссии), комиссия обязана по долгу революционной дисциплины выполнять беспрекословно»[1].

В фактическом бездействии, а зачастую и в прямом противодействии членов следственной комиссии по борьбе с мародерством и спекуляцией мероприятиям, проводимым Ташкентским Советом, сказывалась подрывная деятельность прежде всего меньшевиков-интернационалистов, которую они осуществляли через Бершадского, возглавлявшего комиссию. О подобной «деятельности» меньшевиков-интернационалистов «Наша газета» писа-

---

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 51, л. 197.

ла: «Если разбить наших врагов на внешних и внутренних, разумея под внешними буржуазию, капитал и империализм всего мира, а под внутренними «социалистов», пытающихся тоже всеми силами остановить ход революции, то трудно сказать, которые из них опаснее для революционной демократии. Возмутительная деятельность интернационалистов, разбивающая нашу семью,, не находит никаких оправданий... Нет ни одного явления нашей бурной жизни, которое они не использовали бы для агитации своих стремлений»[1].

Таким образом, к середине июня 1918 г. организационное укрепление обеих следственных комиссий являлось необходимой и неотложной мерой. Исполком Ташкентского Совета, в соответствии с директивой I съезда Компартии Туркестана[2] об усилении борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией и организационном укреплении органов госбезопасности, 17 июня 1918 г, обратился к фракциям большевиков и «левых» эсеров с предложением «до 20 июня 1918 года (в этот день должно было состояться пленарное заседание Ташкентского Совета — *Р. А., Н. М.)* выбрать по два представителя в следственные комиссии... с тем, чтобы один из них был непременно с юридическим образованием»[3].

20 июня пленарное заседание Ташкентского Совета приняло два очень важных постановления, сыгравших значительную роль в активизации и упорядочении борьбы с контрреволюцией и спекуляцией. Был полностью укомплектован состав обеих следственных комиссий, «предоставив самим членам распределиться по комиссиям», они были объединены и во главе их поставлен большевик А. Сидоров, который стал председателем каждой из следственных комиссий»[4]. Единое руководство весьма положительно сказалось на деятельности комиссий, дало возможность координировать и сочетать

---

[1] «Наша газета», № 63, 3 апреля 1918 г.

[2] I съезд Коммунистической партии Туркестана проходил в Ташкенте в июне 1918 г.

[3] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 53, л. 82.

[4] Там же, д. 38, л. 34. Сидоров Александр Сергеевич (1892—1941 гг.), член РКП(б) с 1917 года, один из организаторов и первый председатель Турк ЧК.

А. С. СИДОРОВ

в необходимых случаях возможности каждой из комиссий в их борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

На этом же заседании было принято обязательное постановление о борьбе с преступностью, которым предусматривалось, что «обыски, аресты и выемки могут быть произведены только по ордерам Исполнительного Комитета Ташкентского Совдепа с указанием числа, номера, с подписями и печатью... Всякие самочинные обыски, реквизиции, аресты и выемки,— говорилось в этом постановлении,— безусловно, воспрещаются под страхом строгой ответственности»[1].

К 25 июня определился персональный состав каждой из комиссий и А. Сидоров приступил к исполнению своих обязанностей.

Организационное укрепление следственных комиссий положительно сказалось и на характере их деятельности. Они уже не ограничивались только ведением следствия, а делали серьезные попытки вести борьбу с контрреволюцией и спекуляцией, путем принятия более широких мер, направленных на предупреждение и раскрытие преступлений.

Чтобы ограничить непрерывно растущую спекуляцию, Ташкентский Совет принял решение об установлении твердых цен на продукты первой необходимости. В связи с этим председатель следственной комиссии А. Сидоров направил Исполкому Совета телефонограмму, в которой указывал, что «считает необходимым проверить действительное выполнение торговцами установленных такс, для чего предполагается проверка членами комиссии торговых предприятий, с составлением надлежащих

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 38, л. 35.

протоколов при обнаружении отступлений от установленных таксами норм, на предмет привлечения виновных к ответственности»[1].

Здесь следственная комиссия выступает уже в качестве органа, ведущего борьбу с преступлениями, применяющего целый комплекс средств для раскрытия и предупреждения преступлений, а выявление готовящихся преступлений и их пресечение становится первоочередной задачей комиссий.

Однако узкие рамки правового положения следственных комиссий, возлагающего на них только производство расследований по делам о контрреволюции и спекуляции, тормозили выполнение ими основной задачи, диктуемой военно-политической обстановкой: своевременно выявлять и предотвращать подготавливаемые, быстро и с исчерпывающей полнотой раскрывать уже совершенные контрреволюционные преступления во всем их многообразии. Все это требовало дальнейшего организационного развития и совершенствования деятельности органов государственной безопасности. К конкретному решению этих задач и приступила Коммунистическая партия Туркестана.

СОЗДАНИЕ ОРГАНОВ ЧК

Летом 1918 г. военно-политическое положение Туркестанской республики резко ухудшилось. 11 июля 1918 г. по указанию и при активной помощи английских империалистов было начато восстание эсеров, меньшевиков и белого офицерства в Закаспии. 12 июля ими был захвачен Ашхабад и станция Кзыл-Арват, а к 21 июля по всей Закаспийской области, за исключением крепости Кушка и города Чарджоу, Советская власть была свергнута. Восставшие двинулись на восток с целью соединения с эмирской Бухарой и дальнейшего наступления на Ташкент. Советский Туркестан был изолирован от Советской России со стороны Закаспия.

В это же время ферганские басмачи начали активные военные действия. Их поддерживал английский консул в Кашгаре Маккартней. Басмачи должны были, согласно общему плану, составленному англичанами,

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 51, л. 356.

также двинуться на Ташкент и отрезать Туркестан с юга.

На востоке верхи семиреченского казачества подняли восстание и двинулись на Верный (Алма-Ата).

На севере атаман Дутов, вторично захвативший 8 июля Оренбург и перерезавший Ташкентскую железную дорогу, пытался частью своих сил оттеснить актюбинскую группу советских войск в сторону Ташкента.

Бухарский эмират и ханская Хива заняли враждебную позицию по отношению к Советскому Туркестану.

Таким образом, Туркестан в июле 1918 г. оказался в кольце фронтов. Опять Туркестанская республика лишилась хлеба, нефти и непосредственной связи с Центральной Россией. Тяжесть положения усугублялась еще и тем обстоятельством, что внутри республики назревал всетуркестанский контрреволюционный заговор.

Новая внутриполитическая и внешняя обстановка требовала предоставления следственным комиссиям более широких полномочий для борьбы с контрреволюцией и спекуляцией. Необходимо было законодательным путем закрепить за следственными комиссиями право расправы с явными врагами революции и тем самым превратить их в орган беспощадного подавления всех форм сопротивления свергнутых эксплуататорских классов. Крайне важно было создать при комиссиях специальный оперативный аппарат секретных сотрудников, при помощи которых заблаговременно получать необходимые данные, характеризующие не только деятельность, но и, главным образом, намерения и планы сил контрреволюции. Следовательно, назрела необходимость немедленно создать на базе следственных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией орган диктатуры пролетариата, подобный существовавшим в центре России органам Всероссийской Чрезвычайной Комиссии.

В середине июня 1918 г. I Всероссийская конференция Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, проходившая в Москве, в специально принятой резолюции «Об организации Чрезвычайных Комиссий» указала на необходимость «организовать на всей территории Советской России Чрезвычайные Комиссии, которые бы взяли на себя всю тяжесть работы по охране революционного порядка и беспощадной борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по долж-

ности. Одновременно,— говорилось в резолюции,— конференция считает своим долгом указать, что переживаемое нами исключительное время требует от нас организовать именно такие боевые органы при Совдепах в лице Чрезвычайных Комиссий, которые бы охраняли Советскую власть и дали бы возможность Советам налаживать экономическую, продовольственную и культурную области страны»[1].

Инициатива создания такого боевого органа в Туркестанской республике и прежде всего в Ташкенте исходила от самих членов следственных комиссий Ташкентского Совета и, в первую очередь, от их председателя большевика А. Сидорова, приложившего немало усилий для организации Туркестанской Чрезвычайной Комиссии и впоследствии возглавившего ее.

Пользуясь присутствием в Ташкенте в конце июля 1918 г. члена Оренбургского губисполкома В. Мискинова, А. Сидоров встретился с ним и обсудил вопрос о создании в Ташкенте Чрезвычайной Комиссии[2]. В. Мискинов рассказал об организационной структуре и деятельности Оренбургской ЧК, а А. Сидоров просил изыскать возможности привлечь к работе в Ташкентской ЧК часть оренбургских чекистов, уже имеющих опыт в оперативно-розыскной работе.

Документальным результатом обсуждения этого вопроса явилось письмо В. Мискинова: «В Ташкентскую следственную комиссию. Настоящим удостоверяю, что нижеперечисленные десять человек: Журавков, Карлин, Мартынов, Панферов, Гриба, Селихов, Самойлин, Сусоев, Саломатин и Фоминых — служили в Оренбургской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, причем Журавков и Мартынов — в качестве следователей, а остальные — в качестве сотрудников. Селиванов был комиссаром контрразведки.

Из желающих работать в Ташкентской Комиссии, но не работавших в Оренбургской, удостоверяю, что т. Герасимов был секретарем оренбургской организации партии коммунистов-большевиков.

Член Оренбургского губисполкома В. Мискинов. 21 июля 1918 г. Ташкент»[3].

---

[1] Из истории ВЧК. Сб. документов, М., 1958, стр. 134.

[2] В Оренбурге ЧК была создана в начале 1918 г.

[3] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 51, л. 331 и на обор.

Подобрав кандидатуры работников для будущей Чрезвычайной Комиссии, А. Сидоров 23 июля обратился в Исполком Ташкентского Совета с конкретными предложениями по созданию ЧК. А. Сидоров подробно изложил мотивы, побудившие его выступить с таким предложением, и одновременно тщательно аргументировал его.

Приводим этот документ:

«В настоящее время по всей территории России раскинулись всевозможные организации явно контрреволюционного характера. То в одном, то в другом месте раскрываются заговоры по свержению Советской власти и, несомненно, что все эти отдельные организации действуют в полной согласованности между собой, строго координируя свои действия и имея один определенный центр, откуда рассылаются те или другие директивы. Ташкент в этом случае не представляет из себя исключения, и следственной комиссии удалось напасть на след такой организации в Ташкенте и, как я думаю, эта организация, имея своей непосредственной целью свержение Советской власти — обладает многими разветвлениями и соответствующим контингентом лиц, активно работающих на почве задушения рабочей революции в Туркестанской республике. Считая настоящий момент в высшей степени опасным для Советской власти, которая должна напрячь всю энергию и волю на подавление контрреволюции, я нахожу уместным, своевременным и полезным создать в данный момент организацию Чрезвычайной Комиссии при существующих уже комиссиях, с особым штатом секретных сотрудников, каковых должно быть не менее пяти человек. Подходящие сотрудники у следственных комиссий имеются в виду, именно секретные сотрудники из Оренбургской Чрезвычайной Комиссии. Список этих лиц с соответствующим подтверждением члена Оренбургского Исполкома Мискинова, препровождается при сем отношении в Исполком для утверждения штатов секретных сотрудников, причем я полагаю на первое время установить штаты в 5 человек.

Прошу Исполком возможно скорей утвердить штат в пять человек секретных сотрудников и по утверждении таковых — в следственных комиссиях будет установлено дежурство следователей и секретных сотрудников»[1].

---

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 51, л. 329—330.

Как видно, Чрезвычайная Комиссия мыслилась А. Сидоровым как будущий оперативный аппарат при уже существующих следственных комиссиях, нечто вроде оперативного отдела, сотрудники которого будут заниматься оперативно-розыскной деятельностью, тогда как собственно члены следственных комиссий должны будут вести только расследование.

В эти дни в Ташкент приехал председатель Оренбургской Чрезвычайной Комиссии Лобов. Беседы с ним во многом помогли А. Сидорову более конкретно понять функции и методы работы Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Спустя два дня после обращения в Исполком Ташкентского Совета с предложением о создании в Ташкенте ЧК, А. Сидоров направил новое письмо, в котором не только просил ускорить обсуждение его предложения, но поставил вопрос об организации органа борьбы с контрреволюцией, аналогичного со Всероссийской Чрезвычайной Комиссией:

«Ввиду настоятельной необходимости организации при Ташкентском Совдепе Чрезвычайной Следственной Комиссии по борьбе с контрреволюцией *по плану ВЧК* (подчеркнуто нами — *Р. А., Н. М.*) и обсуждения и решения многих других вопросов по делам комиссии, убедительно прошу Исполнительный Комитет в одном из ближайших заседаний поставить на повестку заседания вышеуказанные вопросы, о чем уведомить по телефону меня. Кроме того, прошу разрешения пригласить на заседание Исполкома по данному вопросу председателя Чрезвычайной следственной комиссии г. Оренбурга т. Лобова, который работал в Москве в той же Комиссии и имеет материалы по организации Чрезвычайных Комиссий»[1].

Обсуждение предложения А. Сидорова на заседании Исполкома Ташкентского Совета 26 июля 1918 г. протекало в острой борьбе с «левыми» эсерами. Мы уже отмечали, что «левые» эсеры, заявляя о сочувствии и поддержке Советской власти, на деле всячески саботировали ее деятельность. Особенно рьяно они выступали против тех мероприятий, которые были направлены на борьбу с контрреволюцией. Этим они практически отводили

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 51, л. 349.

опасность от себя, так как уже давно связали свою судьбу с империалистическими разведками, выполняя их директивы. Учреждение Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, наделенной широкими правами и имеющей в своем распоряжении специальный оперативно-розыскной аппарат, создавало серьезную угрозу для тайных связей «левых» эсеров с англо-американской разведкой. В случае создания ЧК, закулисной возне «левых» грозило скорое и полное разоблачение. Это соображение и предопределило позицию «левых» эсеров. Им удалось добиться такого решения Исполкома Ташкентского Совета, которым вопрос о создании Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией откладывался фактически на неопределенное время.

В соответствии с принятым решением, Исполком Ташсовета 27 июля 1918 г. обратился к партиям большевиков и «левых» эсеров со следующим письмом: «Исполнительный комитет Ташкентского Совета Рабочих и Солдатских депутатов, заслушав на заседании своем 26 сношение Следственной Комиссии при Ташкентском Революционном Трибунале о создании Чрезвычайной Комиссии при существующих комиссиях с особым штатом тайных сотрудников...[1]— постановил: передать партиям коммунистов-большевиков и «левых» социалистов-революционеров этот вопрос, предложить им высказаться по нему и сообщить Исполнительному Комитету о принятых в партиях постановлениях»[2].

В этот же день следственным комиссиям было сообщено решение, принятое Исполкомом и одновременно указано, что представленные следственными комиссиями кандидатуры сотрудников Чрезвычайной Комиссии «как Исполнительному Комитету неизвестных, Исполнительный Комитет утвердить не может»[3].

Несмотря на это, коммунисты — члены следственных комиссий вновь и вновь поднимают вопрос о создании в Ташкенте ЧК. Так, 27 августа 1918 г. на объединенном распорядительном заседании следственных комиссий вы-

---

[1] Здесь, как видим, Исполком придерживается предложений, изложенных в первом письме А. Сидорова от 23 июля 1918 г.

[2] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 53, л. 53.

[3] Там же, д. 51, л. 342.

носится решение «ходатайствовать перед Исполкомом об организации специального органа, долженствующего... вести наблюдение за тайно производящимися операциями спекулятивного характера»[1].

Настойчивость, с какой А. Сидоров добивался перед Исполкомом Ташсовдепа создания ЧК, вполне понятна и, безусловно, оправдана. Он, как и все члены следственных комиссий не мог не видеть все несовершенства существующих органов, призванных вести борьбу с контрреволюцией, которые уже к этому времени были явно не в состоянии справиться со все увеличивающимся объемом работы. Находясь на переднем крае борьбы, ежедневно сталкиваясь с многочисленными и разнообразными формами контрреволюционной деятельности различных лиц, вскрывая при расследовании дел связи обвиняемых с военно-заговорщическими организациями, члены следственных комиссий ясно представляли себе, что раскрытие и разоблачение их только силами существующих комиссий, без специального оперативно-розыскного аппарата, невозможно.

Хотя под давлением «левых» эсеров Исполком Ташкентского Совета по сути дела отклонил ходатайство о создании в Ташкенте ЧК, вскоре, однако, внутренняя и внешняя обстановка снова поставила на повестку дня вопрос об организации Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, но теперь уже в масштабах Туркестанской республики. В основном два момента ускорили решение этого вопроса: во-первых, открытая военная интервенция английских империалистов на территории Туркестана; во-вторых, массовый белый террор, который в это время стал основой всей деятельности контрреволюции.

20 июля 1918 г. 6 тысяч красногвардейцев, переброшенных по решению Совнаркома республики из района Актюбинска в Закаспий, под Чарджоу вступили в бой с войсками закаспийской контрреволюции и нанесли им поражение. Белогвардейцы в Закаспии оказались под угрозой полной ликвидации. Одновременно укрепилось положение советских войск на других фронтах, что привело к улучшению общего положения Советского Туркестана.

---

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 51, л. 374.

Победы советских войск встревожили английских империалистов и они решили придать интервенции гласный характер. Открытая английская интервенция в Туркестане входила составной частью в общий интервенционистский план борьбы против Советской России, разработанный под руководством Антанты и США.

19 августа 1918 г. генерал-майор Маллесон от имени правительства Великобритании подписал с эсеро-меньшевистским правительством Закаспия соглашение, которое под предлогом ликвидации якобы возникшей для Индии германо-турецкой угрозы было направлено на захват «русского Туркестана» и превращение его в английскую колонию. Войска английских интервентов перешли советскую границу у ст. Артык, находящуюся в 100 км юго-восточнее Ашхабада, и заняли позиции на фронте около ст. Байрам-Али.

Интервенты планировали нанести последовательные удары силами английских войск и белогвардейцев, сочетая их с восстаниями в важнейших городах и районах, где господствовали подкупленные империалистами местные националисты. Над Советским Туркестаном вновь нависла серьезная опасность, которая усугублялась общим тяжелым положением всей Советской России.

Покушение на Ленина 30 августа 1918 г., убийство Володарского и Урицкого, изуверские расправы кулачества с коммунистами, советскими работниками, бойцами продовольственных отрядов были частью актов белого террора, объявленного контрреволюцией. В этих условиях Советская власть должна была проявить особую твердость и решительность.

Объединенное заседание Совнаркома, Центрального Исполнительного Комитета республики, Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями всех воинских частей, профессиональных пролетарских организаций, заслушав 3 сентября 1918 г. доклад председателя Совнаркома Ф. Колесова о злодейском покушении на В. И. Ленина и текущем моменте, приняло следующую резолюцию: «В наших рядах ни на минуту не зародится смятение, доколе держится молот и ружье в наших руках. Мы принимаем вызов, брошенный нам международной буржуазией, в виде покушения на нашего лучшего вождя, и ответим на него в сей трудный час тройной бдительностью, спло-

ченностью и последовательной тактикой, которой учил и учит нас товарищ Ленин. На предательское убийство из-за угла и непрекращающееся противодействие Советской власти мы ответим беспощадным террором над всеми врагами революции»[1].

Коммунистическая партия Туркестана должна была решить труднейшую задачу — в обстановке полного окружения республики контрреволюционными фронтами, в условиях разрухи и отсутствия продовольственных и иных ресурсов мобилизовать все силы и средства на оборону республики, на воссоединение ее с центром страны. Для практического обеспечения государственной и общественной безопасности Туркестанской республики требовалось принятие комплекса мероприятий, направленных на борьбу с открытой военной интервенцией английских империалистов и внутренней контрреволюцией.

По инициативе Коммунистической партии 5 сентября 1918 г. объединенное заседание ТуркЦИКа, Совнаркома Туркреспублики и президиума Главного железнодорожного исполнительного комитета, обсудив вопрос об английской интервенции в Туркестане, приняло развернутое постановление, наметившее ряд мер политического и военно-экономического характера, направленных на укрепление обороны республики. Во втором пункте постановления указывалось: «Учредить Чрезвычайную следственную комиссию республики по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и мародерством с самыми широкими полномочиями, включив в ее состав Ташкентскую следственную комиссию, с подчинением ее Центральному (Исполнительному — *Р. А., Н. М.*) Комитету Народных Комиссаров...

... Подробное положение комиссии (по примеру Всероссийской) должно быть разработано в 3-дневный срок и представлено на утверждение Центрального (Исполнительного.— *Р. А., Н. М.*) Комитета[2].

9 сентября ТуркЦИК объявил приказ № 34, предлагавший всем Совдепам в срочном порядке провести тща-

---

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 35, л. 72.

[2] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 172, л. 109 об. Обсуждение вопроса об учреждении ТуркЧК первоначально намечалось на 4 сентября 1918 г., но затем было решено включить его в повестку дня объединенного заседания ЦИК и СНК.

тельную регистрацию буржуазных контрреволюционных слоев населения, зарегистрировать все соглашательские, правосоциалистические элементы, взять на учет офицеров царской армии, лишить свободы всех открытых спекулянтов и заподозренных в спекуляции[1].

В этот же день ТуркЦИК издал приказ № 35, в котором нашло свое законодательное выражение учреждение Чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и мародерством (сокращенно ЧСК). «Для осуществления мероприятий, указанных в приказе Центрального (Исполнительного — *Р. А., Н. М.)* Комитета республики за № 34, Центральный (Исполнительный—*Р. А., Н. М.*) Комитет учреждает в г. Ташкенте Чрезвычайную следственную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и мародерством. Комиссии предоставляются самые широкие полномочия в сфере ее деятельности и право применения самых решительных мер в борьбе с врагами революции»[2].

В состав Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) должны были войти три члена ЦИКа, по одному представителю от ЦК партий большевиков и «левых» эсеров и Ташкентская следственная комиссия. Кроме того, ЧСК предоставлялось право кооптации новых членов[3]. ТуркЦИК одновременно предписывал всем местным Советам организовать на местах следственные комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и мародерством в составе членов Исполкома Совета и представителей обеих правящих партий — большевиков и «левых» социалистов-революционеров.

На объединенном заседании ЦИК и СНК, состоявшемся 10 сентября 1918 г., был заслушан доклад председателя следственных комиссий Ташкентского Совета А. С. Сидорова, огласившего Положения о Верховном

---

[1] Сборник декретов, приказов и распоряжений Центральной власти Туркестанской республики Российской Советской Федерации, Ташкент, 1919, стр. 17.

[2] Там же, стр. 17—18.

[3] О том, что в состав ЧСК должны входить три члена ЦИКа и по одному представителю от ЦК правящих партий, было решено еще на упоминавшемся нами объединенном заседании 5 сентября 1918 г. От ЦИКа на этом заседании были избраны Дорожкин, Фоменко и Шарафутдинов. ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 172, л. 110.

Революционном Трибунале и Чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и мародерством. Положение о ЧСК было утверждено без всяких изменений. На этом же заседании председателем ЧСК единогласно был избран А. С. Сидоров[1].

Положения о Верховном Революционном Трибунале и ЧСК приказом № 38 ТуркЦИКа от 14 сентября 1918 г. были доведены до всеобщего сведения.

Положение о Чрезвычайной следственной комиссии предусматривало, что последняя «кладет в основу своей деятельности решительную и беспощадную борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и всеми злостными явлениями политического и общественного характера, ставящими преграду к достижению идеалов социалистического переустройства»[2].

На ЧСК возлагалось руководство и координирование действий местными следственными комиссиями.

Чрезвычайная следственная комиссия была подотчетна и подответственна Центральному Исполнительному комитету и Совету Народных Комиссаров Туркестанской республики.

Положение не конкретизировало ни прав, предоставляемых ЧСК, ни численный состав Комиссии, ни ее организационную структуру.

Эти пробелы были частично восполнены опубликованным в газете «Советский Туркестан» 17 сентября 1918 г. более детализированным Положением о Чрезвычайной следственной комиссии, предусматривающим, что в сфере своей деятельности ЧСК имела право производства арестов, обысков, выемок и просмотра всевозможных бумаг и документов как государственных и общественных предприятий и учреждений, так и частных лиц и предприятий, а также право наложения штрафов, конфискации имущества до суда и закрытия газет. Каждый член ЧСК, при наличии соответствующего мандата, мог производить аресты, обыски и выемки с тем, однако, условием, что эти действия в суточный срок должны были быть подтверждены постановлением ЧСК.

---

[1] ЦГА, ф. 17, оп. 1, д. 172, л. 107.

[2] Сборник декретов, приказов и распоряжений Центральной власти Туркестанской республики Российской Советской федерации. Ташкент, 1919, стр. 20.

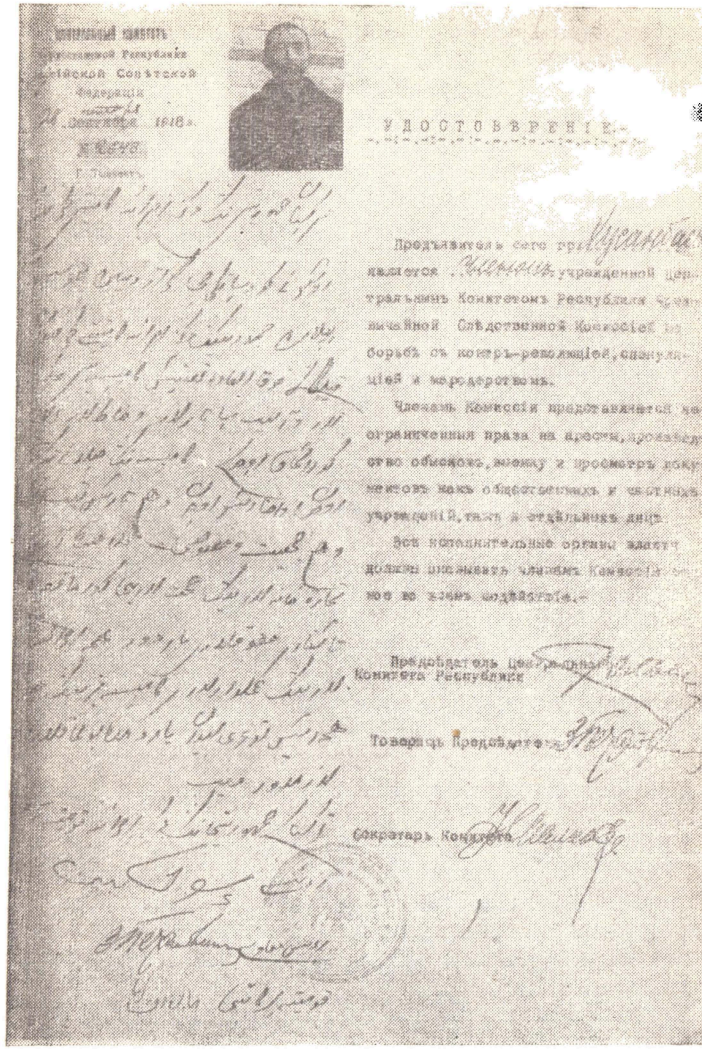
Чрезвычайная следственная комиссия распространяла свою деятельность на всю территорию Туркестанской республики, в связи с чем исполнительным органам на местах было предписано немедленно и неукоснительно выполнять распоряжения и постановления ЧСК. Следственные комиссии на местах находились в непосредственном подчинении Чрезвычайной следственной комиссии, которая руководила их деятельностью и координировала их работу.

Временно минимальный состав ЧСК был определен в 15 человек, в том числе — председатель комиссии, его заместитель, два секретаря и 11 следователей. Учреждался агентурный отдел, который должен был явиться «мощным розыскным аппаратом в деле борьбы с контрреволюцией и спекуляцией».

Учитывая особую важность деятельности агентурного отдела, положение предусматривало, что этот отдел должен был формироваться «исключительно из лучших, испытанных партийных работников». В распоряжение ЧСК предоставлялся конный отряд из 15 человек, «надежных и честных людей, работа которых должна была протекать под непосредственным контролем и руководством Чрезвычайной следственной комиссии и состоящего при ней агентурного отдела».

Итак, первоначально Чрезвычайная следственная комиссия разделялась на два отдела: следственный и агентурный. Следственный отдел сосредоточил в своих руках все дело следствия по делам контрреволюции и спекуляции, а также и по другим преступлениям, подсудным Верховному Революционному Трибуналу. Агентурный отдел вел контрразведывательную работу по выявлению пробравшихся в советские органы контрреволюционных элементов, антисоветских заговоров, готовящихся вооруженных выступлений, белогвардейских штабов, мест хранения оружия, тайных складов с промышленными и продовольственными товарами и т. п.

Несмотря на отдельные недостатки Положения о Туркестанской Чрезвычайной Следственной Комиссии само создание такого органа в столь ответственное и тяжелое время, переживаемое Туркестанской республикой, знаменовало качественно новый этап в борьбе с контрреволюцией.

УДОСТОВЕРЕНІЕ.

Продъявитель сего [illegible] является [illegible] учрежденной центральнымъ Комитетомъ Республики Чрезвычайной Следственной Комиссіей по борьбѣ съ контръ-революціей, спекуляціей и мародерствомъ.

Членамъ Комиссіи предоставляется неограниченныя права на просмотръ, производство обысковъ, выемку и просмотръ документовъ какъ общественныхъ и частныхъ учрежденій, такъ и отдѣльныхъ лицъ.

Всѣ исполнительные органы власти должны оказывать членамъ Комиссіи [illegible] во всемъ содѣйствіе.

Председатель Центрального Комитета Республики

Товарищъ Председателя

Секретарь Комитета

Удостоверение члена Чрезвычайной Следственной Комиссии Х. ХУСАНБАЕВА.

Хаккул Хусанбаев (1880—1947), член КПСС с 1918 г., член коллегии ТуркЧК (1918—1919), активный участник становления Советской власти в Узбекистане и Таджикистане.

Определенный интерес представляет деятельность Ташкентского Совета и принятые им меры по борьбе с контрреволюцией, являющие пример революционного творчества наиболее организованной и сознательной части туркестанского пролетариата.

14 сентября 1918 г. пленарное заседание Ташкентского Совета по инициативе большевиков обсудило мероприятия по усилению борьбы с контрреволюцией. Придавая большое значение полному выявлению всех буржуазных и контрреволюционных слоев населения, Ташкентский Совет разработал специальную анкету и создал «летучую комиссию» из 6 человек по проверке анкеты. Была образована комиссия по производству «обысков для обнаружения товаров и продуктов, скрытых с целью спекуляции»[1]. И, наконец, по предложению большевиков после долгого и ожесточенного сопротивления, оказанного «левыми» эсерами, поименным голосованием был принят Устав Комитета Красного Террора — особого карательного органа диктатуры пролетариата.

В исторической и историко-правовой литературе, освещающей историю Советского Узбекистана, мы не встречали упоминания о Комитете Красного Террора, в связи с чем считаем необходимым особо остановиться на этом органе. Комитет, хотя и просуществовал в силу определенных причин, которые мы укажем ниже, непродолжительное время, однако, он должен был существенно дополнить Чрезвычайную следственную комиссию, не обладавшую первое время карательными функциями.

Комитет Красного Террора был создан после того, как ТуркЦИК обнародовал Положение о Чрезвычайной Следственной Комиссии. В уставе Комитета Красного Террора имелся раздел, регламентирующий взаимоотношения между Чрезвычайной следственной комиссией и Комитетом.

Устав Комитета Красного Террора состоял из введения и четырех разделов: состав Комитета, задачи Комитета, права членов Комитета и взаимоотношения.

---

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 35, л. 75 обор.

Введение, на основе исторического анализа, обосновывало необходимость немедленного создания Комитета Красного Террора: «Переживаемый нами текущий момент решительной схватки пролетариата с капиталом и требование пролетарской толщи ответить могучим революционным натиском буржуазии требует немедленного осуществления массового красного террора, выдвинутого самими пролетарскими массами в своих резолюциях и выражающемся в систематической беспощадно жестокой борьбе с преступлениями против пролетарской революции»[1].

Работой Комитета, состоящего из шести членов, руководил избираемый ими председатель. К членам Комитета предъявлялись высокие требования. Они должны были: «а) быть непоколебимыми в революционном натиске и ясно представлять поручаемые задачи; б) в период следственной работы быть тактичными и корректными»[2].

Задачами Комитета являлись «обнаружение беспощадным способом классовой борьбы, осуществляя следствие и суд:

а) штаба белогвардейцев (борьба с контрреволюцией);

б) обнаружение у буржуазии и спекулянтов капиталов, сохраняемых ими в тайниках, тайных складов продуктов и предметов первой необходимости и других технических и строительных материалов;

в) тем или иным путем воздействовать против увеличения на рынке цен на все продукты, предметы и материалы»[3].

Таким образом, Комитет Красного Террора, как и ЧСК, должен был вести борьбу с контрреволюцией, с той разницей, что Комитет получил право на следствие и суд, а ЧСК вела лишь расследование. В связи с этим Устав определял Чрезвычайную следственную комиссию как орган, способствующий Комитету в его работе и выполняющий следственные действия — обыски, аресты, выемки и проч., которые члены Комитета сами производили лишь в исключительных, не терпящих отлагательства случаях.

Большевики, депутаты Ташкентского Совета, совер-

---

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 35, л. 76.
[2] Там же.
[3] Там же.

шенно правильно считали, что Комитет как орган диктатуры пролетариата по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией должен быть наделен и карательными полномочиями для применения их к врагам Советского государства. Только таким путем можно было отстоять завоевания социалистической революции.

Вместе с тем особо следует подчеркнуть, что выдвигая требование осуществления непосредственной расправы над врагами пролетарской революции, большевики считали, что эта мера должна применяться только в случае явной доказанности как самого контрреволюционного преступления, так и виновности конкретного лица в совершении этого преступления. При малейшем сомнении дело подлежало передаче в Чрезвычайную следственную Комиссию для производства тщательного расследования. Это положение было закреплено в параграфе десятом Устава Комитета Красного Террора[1]. Создавая в период ожесточенных классовых боев специфический и чрезвычайный орган подавления сопротивления врагов Советской власти, каким являлся Комитет Красного Террора, большевики определили основой его деятельности строгое соблюдение революционной законности.

Тотчас же после организации Комитет решил произвести в городе тщательную чистку. С этой целью между членами Комитета были распределены районы новой части города. За ночь было задержано около двухсот подозрительных лиц, причем у большинства из них было отобрано оружие. Однако при допросе задержанных произошел эпизод, ставший роковым для дальнейшего существования Комитета. В его члены попал некто Пашко, оказавшийся провокатором. При допросах он применял недозволенные методы ведения следствия — избивал задержанных. Вот что пишет в своих воспоминаниях по этому поводу один из членов Комитета Д. Саликов: «Мы категорически запротестовали против таких методов допроса, но Пашко нагло ответил: «А идите вы к черту! Что хочу, то и делаю, на то я и террорист»[2].

---

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 35, л. 77.

[2] Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников. Ташкент, 1957, стр. 319.

«Левые» эсеры поспешили воспользоваться этим инцидентом с тем, чтобы ликвидировать Комитет Красного Террора. На состоявшемся 17 сентября 1918 г. заседании Центрального Исполнительного Комитета товарищ председателя ТуркЦИКа «левый» эсер Нагайбаков потребовал ликвидации Комитета Красного Террора. Нагайбаков охарактеризовал Комитет как орган, представляющий угрозу самому государству, ибо его действия напугали все население, а не только буржуазию. Нагайбакову вторили и другие «левые» эсеры, заявившие, что Комитет Красного Террора не является законным и действительным органом государственной власти и что Ташкентской Совет «легализовал его случайно»[1]. Члены большевистской фракции ТуркЦИКа проявили мягкотелость. не сумев дать должный отпор происках «левых» эсеров, в результате чего последние добились принятия решения о ликвидации Комитета Красного Террора.

Таким образом, фактически действующим органом по борьбе с контрреволюцией оставалась Чрезвычайная следственная комиссия, объем и характер полномочий которой менялся в зависимости от изменения внутренней и внешней обстановки в Туркестане и в целом в Советской России.

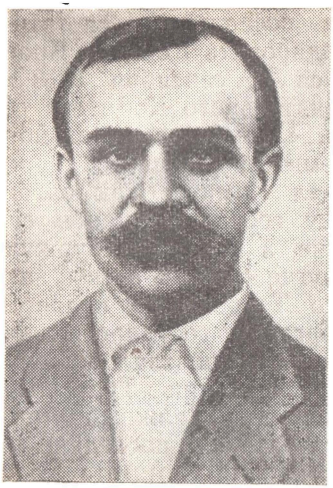
Не имея в первое время опыта разведывательной и контрразведывательной деятельности, Туркестанская Чрезвычайная Комиссия успешно справлялась со своими серьезными и ответственными задачами.

С конца 1918 г. англо-американские империалисты через свою агентуру в Туркестане готовили в Ташкенте антисоветский мятеж, который должен был быть приурочен к началу первого комбинированного похода Антанты, то есть к весне 1919 г. Однако Туркестанская ЧК, распутывая клубок контрреволюционных организаций, напала на след мятежников. Последние, боясь разоблачения, перенесли срок восстания, и ночью 18 января 1919 г. выступили против Советской власти.

С какой звериной классовой ненавистью отнеслись мятежники к Туркестанской ЧК, видно из доклада Ко-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 175, л. 226.

И. П. ФОМЕНКО — председатель ЧК Туркреспублики.

миссии, написанного после подавления контрреволюционного выступления: «Какое зло представляла Комиссия для контрреволюционеров можно судить по тому, с каким ожесточением был произведен разгром Комиссии. Все было перевернуто, разбито, разбросано, а все следственные дела сожжены на разведенном во дворе костре. В первый день восстания белогвардейцы разыскивали членов ненавистной им Комиссии»...[1]

Председатель Туркестанской ЧК И. Фоменко «...оставаясь верным революционному посту и из искренних стремлений распутать хитросплетенные нити контрреволюции»[2] был зверски убит в числе 14 комиссаров.

Руководимые большевиками трудящиеся Ташкента 21 января 1919 г. разгромили белогвардейские банды мятежников. Перед Временным Военно-Революционным Советом республики, принявшим на себя всю полноту власти, в числе прочих крайне важных и неотложных проблем, встала задача немедленно организовать Чрезвычайную Комиссию, значительная часть членов которой погибла во время январских событий. Это было тем более необходимо потому, что предстояло тщательно расследовать и привлечь к суровой ответственности всех активных участников белогвардейского мятежа.

21 января Временный Военно-Революционный Совет поручил члену ТуркЦИКа С. С. Дорожкину «организовать Чрезвычайную Следственную Комиссию, которая должна распространить свою деятельность на всю Туркестанскую республику»[3].

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 74, л. 72 обор.
[2] Там же.
[3] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 202, л. 37.

Спустя несколько дней (24 января 1919 г.), на объединенном заседании Временного Военно-Революционного Совета, ТуркЦИКа, Совета Комиссаров и представителей Ташкентского исполкома принимается решение — «...об утверждении прежде созданной Чрезвычайной Следственной Комиссии в лице старого состава, с пополнением его возможно большим количеством представителей от различных советских организаций[1]. Наряду с этим Ташкентский Совет 28 января образовал «Временную Следственную Комиссию по расследованию белогвардейского выступления в Ташкенте в дни 18—21 января»[2], которая органически была связана с Чрезвычайной Следственной Комиссией и работала под ее руководством. Временная Следственная Комиссия функционировала до конца февраля, после чего была распущена[3]. Сформированная после январских событий Чрезвычайная Следственная Комиссия была создана на прежних организационных основах и с тем же правовым положением. Председателем Комиссии вновь был избран А. Сидоров.

Хотя ЧСК являлась краевым органом, на который возлагалось руководство и координация работы всех местных комиссий, однако, практически она распространяла свою деятельность, в основном, только на город Ташкент и его окрестности. Это прежде всего объяснялось отсутствием кадров, что лишало ЧСК возможности как контролировать, так и инструктировать Чрезвычайные Комиссии на местах.

Осиповская авантюра явилась для большевиков Туркестана суровой школой. Жертвы мятежа были одновременно жертвами мягкотелости и неоправданной гуманности, проявленной Советской властью в Туркестане к своим врагам, не сложившим оружия и выжидавшим лишь удобного момента для нападения из-за угла. «Теперь,— писала по этому поводу «Наша газета»,— наученный кровью своих товарищей, весь Туркестанский пролетариат стоит за лозунг — беспощадная борьба с контрреволюцией, под каким бы флагом она не выступала»[4].

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 144, л. 19—20.
[2] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 64, л. 4 обор.
[3] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 4, д. 41, л. 3.
[4] «Наша газета», № 15, 26 января 1919 г.

Законодательным закреплением этого явился изданный Временным Военно-Революционным Советом и ТуркЦИКом 4 февраля 1919 г. приказ, предоставлявший президиуму Чрезвычайной Следственной Комиссии «право выносить и выполнять приговоры вплоть до смертной казни и немедленно приводить эти приговоры в исполнение»[1].

6 мая 1919 г. было принято «Положение о Чрезвычайных Комиссиях», которое впервые определило организационную структуру как центрального аппарата ТуркЧК, так и ее органов на местах, а также взаимоотношения ТуркЧК с Советом Народных Комиссаров, ЦИКом и наркоматами юстиции и внутренних дел. В состав коллегии ТуркЧК вошли представители от Наркомюста и НКВД, а председатель ТуркЧК с правом решающего голоса входил в коллегии этих наркоматов. Аналогичное положение устанавливалось и в областях. Этим достигалась лучшая координация в деятельности этих трех ведомств.

9 мая 1919 г. коллегия ТуркЧК, согласно Положению, организовала иногородний, юридический и хозяйственный отделы[2]. В областных ЧК создавались следующие отделы: особый (военный), юридический и хозяйственный.

На иногородний отдел ТуркЧК была возложена чрезвычайно сложная задача: организовать широкую сеть отделов ЧК на местах, которая охватывала бы всю территорию республики. Сложность задачи заключалась в том, что существовавшие на местах чрезвычайные следственные комиссии, несмотря на единство цели, были разрознены и не связаны друг с другом. Иногородний отдел не имел в своем распоряжении инструкторов[3] для командирования их на места и поэтому был вынужден ограничиться направлением 21 мая на имя Совдепов циркулярной телеграммы о переименовании имевшихся Чрезвычайных следственных комиссий в отделы ЧК.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 184, л. 73.

[2] Там же, д. 140, л. 51 об. Положением предусматривалось также создание особого (военного) отдела, но последний к этому времени уже существовал.

[3] Штат иногородного отдела был утвержден в 21 человек, однако, первое время отдел состоял только из одного заведующего. ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 140, л. 52.

Членам комиссий было предложено оставаться на местах, продолжать работать и готовить в то же время все дела и имущество для передачи новому составу ЧК[1].

Только в конце мая 1919 г. члены Коллегии ТуркЧК Галимеев, Балуев и Афанасьев (зав. иногородним отделом) были командированы соответственно в Сырдарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую области для организации отделов ЧК. Отсутствие на местах работников, которых можно было бы привлечь на работу в органы ЧК, тормозило и нередко полностью срывало организационные мероприятия по созданию местных Чрезвычайных Комиссий. Несмотря на все эти трудности, к началу июня были созданы Самаркандская, Ферганская и Семиреченская областные Чрезвычайные Комиссии. В большинстве городов Сырдарьинской области были организованы уездные отделы ЧК[2]. Кроме того, уездные отделы были образованы в городах Коканде, Андижане и Намангане Ферганской области. К сентябрю 1919 г. местные отделы ЧК имелись в уездных городах Сырдарьинской области, в Семиречье — в Пишпеке, Токмаке, Джаркенте, Пржевальске и Гавриловке, в Самаркандской области — в Каттакургане, Джизаке, Ура-Тюбе, в Ферганской области, за исключением гор. Ош. Чрезвычайные Комиссии были также созданы в городах Кагане, Чарджоу и Петроалександровске.

Таким образом, в Туркестане, на основе строгой централизации, была создана целая сеть отделов ЧК, тесно связанных общностью задач и единым планом их выполнения. В своей практической деятельности местные Чрезвычайные Комиссии руководствовались инструкциями и положениями, выработанными иногородним отделом и

---

[1] «Зов Севера Семиречья», орган Гавриловского (Копальского) уездного Совета депутатов, № 1, 20 июня 1919 г.

[2] Ввиду отсутствия кадров, Коллегия ТуркЧК 19 мая 1919 г. вошла в Совнарком с ходатайством о принятии примечания к п. 9 Положения о Чрезвычайных Комиссиях о том, что Сырдарьинская ОблЧК не создается, а функции последней возлагаются непосредственно на ТуркЧК (ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 202, л. 98). Постановлением ТуркЦИКа от 2 июня 1919 г. в Положение о ЧК было внесено указанное примечание (ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 143, л. 53).

утвержденными Коллегией ТуркЧК. В короткий срок иногородний отдел разработал «Основные положения организации Чрезвычайных Комиссий», инструкцию по ведению отчетности[1], инструкцию по ведению разведки[2] и др.

На иногородний отдел была возложена также и другая весьма ответственная задача — обработка получаемой с мест информации, которую отдел требовал от всех местных ЧК регулярно. С этой целью была разработана специальная схема вопросов. Анализ полученных информационных сообщений давал возможность Коллегии ТуркЧК правильно ориентироваться в обстановке, принимать необходимые меры в борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Создание специального юридического отдела в центральном аппарате Комиссии и ее органах на местах значительно активизировало следственную деятельность ТуркЧК. Заметно увеличилось число возбужденных и расследованных дел — свидетельство проявления следователями Комиссии должной инициативы в организации работы. Юридический отдел был сформирован из 10 следователей, причем пять из них были коммунисты: они вели исключительно расследование политических дел. Остальные пять следователей были мобилизованы для работы в Комиссии, как имеющие юридическое образование. Несмотря на малочисленность следственного аппарата, юридический отдел до сентября 1919 г., то есть до окончательного соединения Туркестана с центром страны, проделал большую работу по привлечению к уголовной ответственности врагов Советской власти: было расследовано 545 дел, в том числе дел о контрреволюционных преступлениях —239. По материалам, представленным юридическим отделом, постановлением Коллегии ТуркЧК 133 человека были подвергнуты привлечению на общественные работы на срок от 3 месяцев до 1 года. Эта мера, как правило, применялась к мелким спекулянтам и к лицам, подозреваемым в политической неблагонадежности. В ходе расследования у спекулянтов было конфисковано 362 356 рублей и разных товаров по

---

[1] См. Вестник Комиссариата Юстиции Туркреспублики, 1919, № 2.

[2] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 140, л. 52 об.

самой скромной оценке на сумму более полутора миллионов рублей[1].

В связи с мобилизацией всех сил страны на борьбу с интервентами и белогвардейцами особую роль и значение приобретали транспорт и связь. ТуркЧК считала одной из важнейших задач активизировать борьбу с контрреволюцией, спекуляцией, мошенничеством и другими видами преступлений на железных дорогах, водных, шоссейных путях, а также в почтово-телеграфном ведомстве. С этой целью Коллегия ТуркЧК 31 мая 1919 г. приняла решение об образований при Комиссии транспортного отдела[2].

В середине июля 1919 г. зам. заведующего транспортным отделом Юртаев Коллегией ТуркЧК был направлен «по линии Среднеазиатской дороги и разветвлениям ее для организации пунктов ЖЧК»[3]. Однако отсутствие на местах нужных работников затянуло процесс создания этих органов.

За месяц до принятия ТуркЦИКом «Положения о Чрезвычайных Комиссиях» в Туркестане был создан отдел для борьбы с контрреволюцией и шпионажем в армии и флоте, являвшийся в то время совершенно самостоятельным органом.

В центре страны Особый отдел был образован постановлением ВЧК и Реввоенсовета республики вместо Военного отдела ВЧК и отдела военконтроля Реввоенсовета. Особый отдел организационно входил в состав ВЧК, но выполнял и задания Реввоенсовета.

В Туркестане, до создания Особого отдела, его функции были возложены на службу Военного контроля. 20 сентября 1918 г. ТуркЦИК утвердил «Положение службы Военного контроля в Туркестанской республике», которое следующим образом определяло его задачи: «обнаружение, обследование всяких шпионских организаций и производство расследования по этим делам, выработка мер и способов общего характера по борьбе с шпионажем»[4]. Инструкция должностным лицам отдела Военного контроля предусматривала, что «законченное

---

[1] ЦГА, ф. 25, оп. 1, д. 140, л. 55.
[2] «Известия» ТуркЦИК, № 113, 4 июля 1919 г.
[3] Там же. № 150, 18 июля 1919 г.
[4] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 196, л. 58.

расследование... препровождается Чрезвычайной Следственной Комиссии или Революционному Трибуналу»[1]. Так решался вопрос о взаимоотношениях Военконтроля с ЧСК и ревтрибуналом.

Отдел военного контроля не сыграл сколько-нибудь положительной роли в борьбе с контрреволюцией и это объяснялось, главным образом, тем, что укомплектован он был, в основном, из бывших царских офицеров, ненавидевших Советскую власть.

Ранней весной 1919 г. в Ташкент из центра для организации Особого отдела прибыла группа работников во главе с тов. Воскиным. 22 марта ТуркЦИК заслушал доклад тов. Воскина по вопросу создания в Туркестане Особого отдела и принял следующее постановление: «предложение инструктора Центра о создании Особого отдела принять, организацию коего произвести немедленно»[2]. Начальником Особого отдела был утвержден тов. Воскин.

22 июля 1919 г. Коллегия ТуркЧК приняла «Положение об Особых отделах Туркестанской ЧК», которое полностью воспроизводило «Положение об Особом отделе при ВЧК», утвержденное 6 февраля 1919 г.[3] Положение предусматривало, что «органом, ведающим борьбой с контрреволюцией и шпионажем в армии и в тылу являются особые отделы при ОблЧК» и подчеркивало, что фронтовые и армейские особые отделы подчинены Особому отделу ТуркЧК и одновременно выполняют все задания Реввоенсовета республики[4].

К концу лета 1919 г. развернулись решающие бои за соединение Туркестана с центром страны. К этому времени Красная Армия разгромила Колчака на Урале, что позволило РСФСР оказать непосредственную помощь Туркестанской республике.

6 сентября 1919 г. в Ташкенте открылся VIII съезд Советов Туркестана. Образованные съездом секции заслушали доклады соответствующих комиссариатов, выработали практические мероприятия по улучшению их деятельности. 17 и 18 сентября административная

---

[1] ЦГА УзССР,ф. 25, оп. 1, д. 196, л. 57.

[2] Там же, д. 202, л. 20 и об.

[3] Положение об Особом отделе при ВЧК поступило в ТуркСНК 22 апреля 1919 г. См. ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 202, л. 42.

[4] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 196, л. 8.

секция съезда заслушала доклады председателя ТуркЧК Грикмана и начальника Особого отдела Воскина. Деятельность Чрезвычайной комиссии и ее местных органов подверглась тщательному обсуждению. В принятом постановлении секция отметила, что хотя работа ЧК «протекала в общем не вполне удовлетворительно, однако дефекты и упущения, допущенные ею, являются естественными и неизбежными при всякой новой организационной работе»[1]. Секция обсудила и утвердила проект «Положения о Чрезвычайных комиссиях», переданный затем съездом ТуркЦИКу для проведения его в жизнь.

В период работы VIII съезда Советов войска Туркестанского фронта под командованием М. В. Фрунзе одержали крупнейшую победу над белогвардейцами, и Туркестан окончательно был соединен с центром страны. Планы американо-английских империалистов оторвать Туркестан от Советской России потерпели полный провал. Соединение Туркестана с центром страны имело огромное политическое и экономическое значение. Советское государство получило возможность увеличить помощь народам и Коммунистической партии Туркестана в их борьбе за построение социализма на Востоке страны и приобщение всех трудящихся республики к строительству новой жизни.

8 октября 1919 г. правительство РСФСР приняло постановление о создании Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (Туркомиссия), которая уполномочивалась представлять ВЦИК и Совнарком РСФСР и действовать от их имени в пределах Туркестана[2]. В состав Туркомиссии вошли Ш. З. Элиава, В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе, Я. Э. Рудзутак, Ф. Н. Голощекин и Г. И. Бокий, причем обязанности между членами Туркомиссии были распределены так, что на Г. И. Бокия возлагалось руководство деятельностью не только органов по борьбе с контрреволюцией, но и управлением Особого Отдела Туркестанского фронта[3].

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 140, л. 62.

[2] *В. И. Ленин.* О Средней Азии и Узбекистане, Ташкент, 1957, стр. 102—103.

[3] Первым начальником специального отдела ВЧК, на который В. И. Ленин возложил задачу сохранения тайны в стране, был назначен старый большевик Глеб Иванович Бокий, член партии с 1900 г. Г. И. Бокий родился в 1879 г. в Тифлисе, учился в Петербурге, впер-

Г. И. БОКИЙ.

Как только Туркестан окончательно соединился с центром страны, ВЧК установила непосредственные связи с ТуркЧК и оказывала ей необходимую практическую помощь как путем инструктирования по отдельным вопросам, так и направлением работников для работы в ТуркЧК. В декабре 1919 г. по мандатам ВЧК в Ташкент прибыли 10 сотрудников Саратовской ЧК, которые были оставлены для работы в отделах ТуркЧК[1]. Как свидетельствуют архивные документы, ВЧК в конце 1919 г. и в начале 1920 г. запрашивала ТуркЧК о том, сколько отделов Чрезвычайной Комиссии имеется в крае и сколько комиссий намечается создать вновь[2], то есть ВЧК давала установку на расширение сети Чрезвычайных Комиссий в Туркестане.

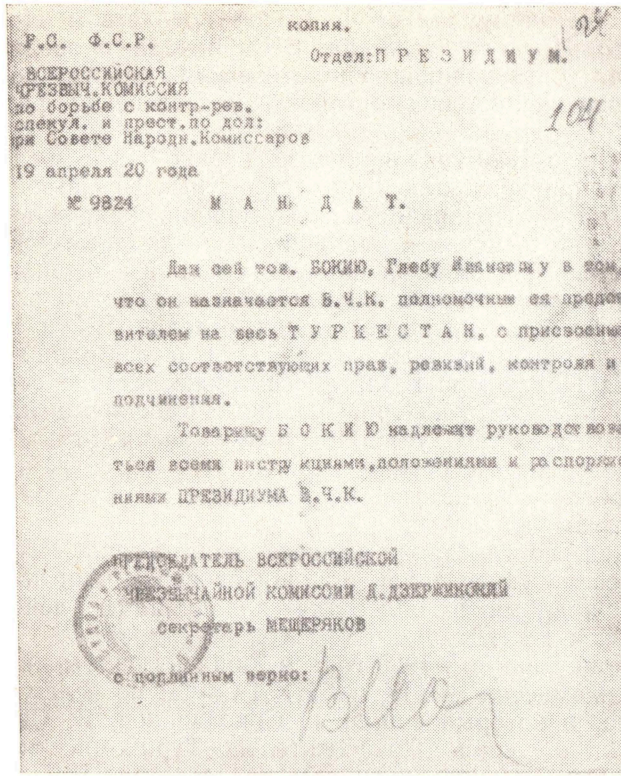
В начале апреля 1920 г. ВЧК приняла необходимые меры для налаживания работы ТуркЧК и особого отдела. Необходимость согласования работы органов ЧК в Туркестане с общим планом, выработанным ВЧК, потребовала создания специального органа, который должен был ликвидировать последствия длительного от-

---

вые был арестован царской охранкой в 1901 г. в Донецком бассейне. В 1902 г. Глеба Ивановича снова арестовывают и высылают на 3 года в Восточную Сибирь. Длительное время он был на подпольной работе, членом Петроградского Комитета партии. В 1917 г. Г. И. Бокий избирается членом бюро ЦК, а затем секретарем Петроградского Комитета партии. После создания Петроградской Чрезвычайной Комиссии Глеб Иванович был заместителем председателя, а потом председателем Петроградской ЧК, затем начальником Особого отдела Восточного фронта, Туркфронта и полномочным представителем ВЧК в Туркестане.

[1] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 4, д. 39, л. 152.

[2] См. напр. ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 4, д. 38, л. 45 об. и там же, л. 46 об.

копия.

Р.С. Ф.С.Р.

Отдел: П Р Е З И Д И У М.

ВСЕРОССИЙСКАЯ
ЧРЕЗВЫЧ. КОМИССИЯ
по борьбе с контр-рев.
спекул. и прест. по дол:
при Совете Народн. Комиссаров

104

19 апреля 20 года

№ 9824 М А Н Д А Т.

Дан сей тов. БОКИЮ, Гавбу Ивановичу в том, что он назначается Б.Ч.К. полномочным ея представителем на весь Т У Р К Е С Т А Н, с присвоением всех соответствующих прав, реавизий, контроля и подчинения.

Товарищу Б О К И Ю надлежит руководствоваться всеми инструкциями, положениями и распоряжениями ПРЕЗИДИУМА В.Ч.К.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВСЕРОССИЙСКОЙ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ Д.ДЗЕРЖИНСКИЙ

секретарь МЕЩЕРЯКОВ

с подлинным верно:

Мандат Г. И. БОКИЯ, подписанный председателем ВЧК Ф. Э. Дзержинским.

рыва Туркестана от ЦК РКП(б), от Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Этим органом явилось Полномочное Представительство ВЧК на территории Туркестана (сокращенно ПП ВЧК).

19 апреля 1920 г. Ф. Э. Дзержинский подписал Г. И. Бокию мандат о назначении его «полномочным представителем на весь Туркестан, с присвоением всех соответствующих прав ревизий, контроля и подчинения». В своей деятельности Полномочный Представитель ВЧК на территории Туркестана должен был «руководствоваться всеми инструкциями, положениями и распоряже-

ниями Президиума «ВЧК»[1]. Под руководством Полномочного Представительства ВЧК начала проводиться большая организационно политическая работа по укреплению чекистских органов Туркестанской республики.

6 апреля 1920 года приказом ТуркЦИКа в пределах Туркестана учреждались пять областных Чрезвычайных Комиссий — Сырдарьинская, Самаркандская, Ферганская, Семиреченская и Закаспийская[2]. Уездные ЧК упразднялись и взамен их на местах должны были быть созданы Политбюро, в задачу которых входило выполнение всех заданий вышестоящих отделов ЧК и представление политической информации о состоянии уездов. На Политбюро возлагалось также ведение борьбы со всеми формами контрреволюции и спекуляции на местах[3]. Вместе с тем ТуркЦИК признал необходимым ввиду отдаленности и особых местных условий сохранить в ряде областей уездные ЧК, перечень которых определялся этим приказом[4].

Такая реорганизация низшего звена органов ЧК способствовала укреплению милиции проверенными чекистскими кадрами и облегчала координацию действий ТуркЧК и НКВД.

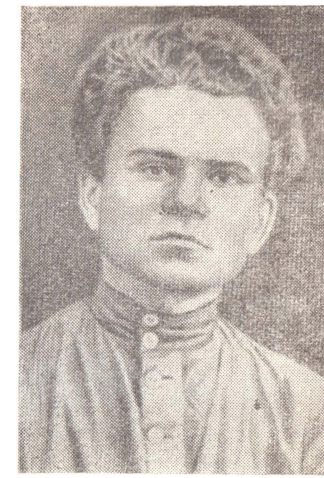
В конце августа 1920 года в Ташкент прибыл новый состав Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана, в который вошли Г. Сокольников, Я. Петерс, Сафаров и Суриц. Председателем Туркомиссии был утвержден Г. Сокольников, зам. председателя Я. Петерс. Одновременно Я. Петерс был назначен Полномочным Представителем ВЧК на территории Туркестана[5].

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 4, д. 40, л. 104.
[2] Там же, д. 38, л. 75.
[3] Там же, ф. 339, оп. 1, д. 400, л. 37.
[4] Там же, ф. 17, оп. 4, д. 38, л. 75.
[5] «Известия» Турк ЦИКа № 196, 1 сентября 1920 г.

Секретарем ВЧК, заместителем председателя ВЧК, полномочным представителем ВЧК в Туркестане был замечательный большевик Яков Христофорович Петерс. Родился Я. Х. Петерс 3 декабря 1886 г. в семье латышского батрака, в партию большевиков вступил в 1904 г., принимал активное участие в революции 1905—1907 гг. В период реакции Я. Х. Петерс на подпольной работе. Царской охранке удалось выследить активного революционера и бросить в тюрьму. Ему грозила виселица. Латышские, русские и другие товарищи — большевики организовали Я. Х. Петерсу побег из тюрьмы и он эмигри-

«Моя задача, как полномочного представителя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии на территории Туркреспублики,—заявил на вопрос корреспондента ТуркРОСТа Я. Петерс,—заключается в том, чтобы объединить борьбу, концентрировать все силы, все органы, ведущие на территории Туркреспублики борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, и дать им правильное направление»[1].

Я. Х. ПЕТЕРС
(снимок 1917 г.).

С приездом Я. Х. Петерса была произведена коренная реорганизация Особого Отдела, аппарат ТуркЧК и ее органов были усилены сотрудниками особого Отдела и работниками, приехавшими из центра по направлению ВЧК.

В сентябре 1920 г. объединенное заседание Туркомиссии, Президиума ТуркЦИКа и СНК приняло новое «Положение о Туркестанской Чрезвычайной Комиссии», которое обусловливало большую централизацию аппарата ТуркЧК, определяло взаимоотношения последней с ТуркСНК и ВЧК, устанавливало ответственность местных органов ЧК за свою деятельность также и перед исполкомами Советов[2].

ровал в Англию. Там Яков Христофорович вошел в бюро латышских большевистских заграничных групп и принял активное участие в социалистическом движении английских рабочих.

Февральская революция позволила Я. Х. Петерсу вернуться на родину и он со всей большевистской страстью включился в революционную работу. Партия поручила ему работу среди латышских стрелков. Петерс быстро завоевывает среди стрелков доверие и уважение. В канун Октябрьской революции они послали его своим делегатом на Всероссийский съезд Советов. Доверие партии и народа Я. Х. Петерс всегда с честью оправдывал. Это был подлинный интернационалист-ленинец.

[1] «Известия» ТуркЦИКа, № 203, 9 сентября 1920 г.

[2] ГА Ташкентской области, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 85.

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ и Я. Х. ПЕТЕРС (1919 г.).

Тогда же, в связи с расширением сети органов ЧК на местах в аппарате ТуркЧК был создан организационно-инспекторский отдел, который осуществлял организационное руководство и инструктирование всех подведомственных ТуркЧК органов. Впоследствии он был переименован в административно-организационный отдел[1].

Произведенный административно-организационным отделом учет всего личного состава Чрезвычайных Комиссий Туркреспублики позволил оздоровить и очистить их от всех, кто даже в самой незначительной мере порочил высокое звание чекиста или вообще являлся чуждым делу пролетарской революции. Такие меры, разумеется, принимались и ранее, но только в единичных случаях, теперь же, как отмечал Президиум ТуркЧК, вопрос решался так, что «лучше совсем упразднить ту или иную Чека или Политбюро, чем иметь в своем распоряжении органы, в корне дискредитирующие Советскую власть и вместо борьбы с контрреволюцией сами порождающие контрреволюцию»[2].

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 7, л. 61 об.
[2] Там же, л. 70 об.

В отношении работников Чрезвычайных Комиссий, допустивших малейшие злоупотребления по службе или нарушения революционной законности, ТуркЧК принимала самые беспощадные меры, широко оповещая об этом через газеты все население. В одном из таких сообщений указывалось, что «очищая Советскую Россию от всякой контрреволюционной нечисти, ЧК первым долгом очищает себя ... Чекисты за служебные и неслужебные преступления караются во много раз суровее, чем обыкновенные преступники»[1].

Докладывая в феврале 1921 года Совнаркому Туркреспублики о проделанной в этом отношении работе, ТуркЧК отмечала: «Беспощадной чисткой, самыми суровыми репрессиями по отношению к ответственным работникам ЧК, не выполнившим наши директивы в данном направлении, расстрелами преступного элемента, пробравшегося в ЧК, мы в конце концов добились того, что в настоящий момент имеем небольшие, правда, органы (не хватает 50% работников, предусмотренных штатом ЧК), но зато органы, которые гораздо чище любого другого советского учреждения».[2]

Для подготовки и укомплектования Чрезвычайных Комиссий проверенными кадрами административно организационный отдел приступил к созданию школы чекистских работников, которая начала функционировать в начале 1921 г.[3] По рекомендации отдела Коллегия ТуркЧК 6 декабря 1920 г. приняла решение о создании Ташкентской Чрезвычайной Комиссии, на которую также было возложено обслуживание Сырдарьинской области[4]. Тем самым ТуркЧК совершенно освобождалась от работы по г. Ташкенту и смогла полностью сконцентрировать свое внимание на руководстве и организации деятельности местных комиссий.

Энергичные меры, предпринятые административно-организационным отделом, позволили к концу 1920 г. во всех районах Туркреспублики создать органы Чрезвычайной Комиссии.

---

[1] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 80, 14 апреля 1921 г.

[2] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 7, л. 60. об.

[3] Там же, л. 63.

[4] Там же, ф. 17, оп. 1, д. 297, л. 3.

16 февраля 1921 г. конференция представителей облЧК, начальников Политбюро, особых отделов и РТЧК подвела итоги полугодовой организационной работы, обсудила и наметила пути решения всех наиболее важных задач работы чекистских органов в Туркестане.[1]

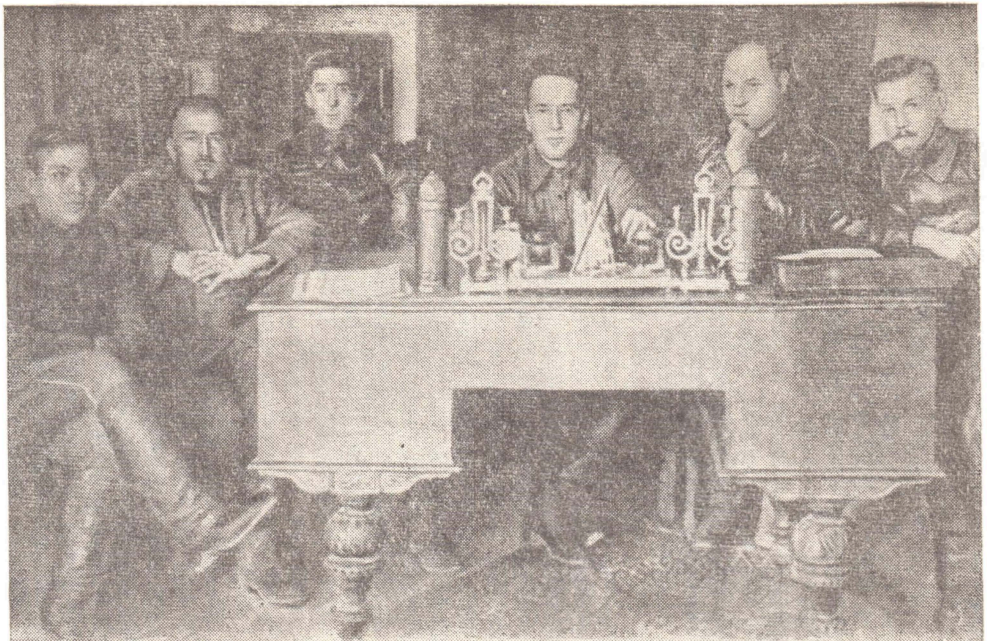
Органы Туркестанской ЧК существенно отличались от других местных органов государственного управления. Органы ТуркЧК на местах имели отличный, специфический характер взаимоотношений с местными органами государственной власти и управления; компетенция, структура и общая организация подведомственных ТуркЧК органов были многообразнее и сложнее по сравнению с местными учреждениями и организациями; местные органы ТуркЧК обладали более широкими и чрезвычайными полномочиями.

Таким образом, к началу 1921 г. Туркестанская Чрезвычайная Комиссия имела уже вполне сложившуюся стройную систему местных органов.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С окончанием гражданской войны обстановка, в которой приходилось действовать советским органам государственной безопасности, коренным образом изменилась. Советское государство приступило к решению новых политических и хозяйственных задач, изменились, в связи с этим, формы и методы классовой борьбы. Все это вызвало необходимость перестройки деятельности и системы органов государственной безопасности. Переход к новой экономической политике и укрепление советского государственного аппарата и, в частности, укрепление органов и учреждений, стоявших на страже революционной законности, требовали пересмотра функций органов ЧК. Всемерному укреплению во всех областях жизни строгих начал революционной законности и улучшению работы всех карательных органов Советской республики уделила внимание XI Всероссийская партийная конференция, проходившая в декабре 1921 г. В решении конференции указывалось, что «компетенция

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 7, л. 66 об., «Известия» ТуркЦИКа № 39, 20 февраля 1921 г.

Президиум ТуркЧК (1921 г.).

и круг деятельности ВЧК и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована»[1].

В новых исторических условиях, в условиях нэпа нужны были новые приемы борьбы за укрепление диктатуры пролетариата, новые приемы борьбы с ее врагами. В. И. Ленин, тогда же, в декабре 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов говорил: «...Необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими. Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота,— этого требует новая экономическая политика,— а это требует большей революционной законности. Понятно, что в обстановке военного наступления, когда хватали за горло Советскую власть, если бы мы тогда эту задачу себе поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но революции не делали бы. Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже ставится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков»[2].

По докладу В. И. Ленина съезд Советов 28 декабря, отметив героическую работу органов ВЧК, постановил: «...Ныне укрепление Советской власти вовне и внутри позволяет сузить круг деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее органов, возложив борьбу с нарушением законов советских республик на судебные органы. Исходя из этого, съезд Советов поручает Президиуму Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в кратчайший срок пересмотреть положение о Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее органах в направлении их реорганизации, сужения их компетенции и усиления начал революционной законности»[3].

Во исполнение постановления IX съезда Советов РСФСР, Президиум ВЦИК 6 февраля 1922 г. издал дек-

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7, ч. 1, М., 1953, стр. 593.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 328—329.

[3] Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Сб. документов, М., 1959, т. 1, стр. 184.

рет об упразднении ВЧК и ее местных органов. Подавление открытых контрреволюционных выступлений, в том числе бандитизма, принятие мер борьбы со шпионажем, охрана границ РСФСР, борьба с контрабандой, а также выполнение специальных поручений Советского правительства по охране революционного порядка было возложено на Народный комиссариат внутренних дел. Для осуществления этих новых для НКВД функций при нем образовывалось Государственное Политическое Управление (ГПУ) под руководством наркома внутренних дел, а на местах при ЦИК автономных республик и губисполкомах образовывались политические отделы[1]. В соответствии с утвержденным ВЦИК РСФСР Положением о Государственном Политическом Управлении Председателем ГПУ являлся народный комиссар внутренних дел или назначаемый Совнаркомом его заместитель. Коллегия ГПУ образовывалась при Председателе, с утверждением правительством ее членов. Для объединения руководства и координации работы органов государственной безопасности на местах, в автономных республиках создавались полномочные представительства.

В соответствии с телеграфным указанием ВЧК от 9 февраля 1922 г. Полномочное Представительство ВЧК на территории Туркестана было реорганизовано в Полномочное Представительство Государственного Политического Управления, а Туркестанская Чрезвычайная Комиссия преобразовывалась в Государственное Политическое Управление Туркестанской республики.

28 марта 1922 г. на территории Туркреспублики был создан Туркестанский отдел ГПУ, а в областях учреждались областные отделы ГПУ. Вместо политбюро был создан институт уездных уполномоченных областных отделов ГПУ. 3 августа 1922 г. отдел госполитуправления Туркестана был переименован в Государственное Политическое Управление при Туркестанском ЦИКе.

Партия и правительство возложили на ГПУ и его органы на местах ответственные задачи: подавление открытых контрреволюционных выступлений, борьбу с бандитизмом, шпионажем, охрану водных и железнодорожных путей сообщения, охрану границ, борьбу с контрабандой и незаконным переходом границ. Все дела,

[1] Из истории ВЧК, Сб. документов, М., 1958, стр. 471—472.

раскрытые и расследовавшиеся органами ГПУ как о преступлениях, направленных против существующего строя, так и иных преступлениях, подлежали рассмотрению исключительно в судебном порядке.

Только в отдельных случаях, предусмотренных специальными актами, органам ГПУ предоставлялись особые полномочия. Так, например, в целях ликвидации бандитизма и вооруженных ограблений, органам ГПУ предоставлялось право применять карательные меры, вплоть до расстрела. Меры эти, однако, могли применяться лишь в тех случаях, когда преступники были задержаны на месте преступления с поличным. Из соображений охраны государственной безопасности, органам ГПУ предоставлялось также право высылки в административном порядке сроком до трех лет, но только в отношении лиц, которые были причастны к совершению контрреволюционных преступлений.

Деятельность ГПУ в системе НКВД РСФСР продолжалась сравнительно недолго. В конце 1922 г. договором об образовании Союза Советских Социалистических Республик руководство охраной государственной безопасности, согласно постановлению Президиума ЦИК СССР от 2 ноября 1923 г., было отнесено к ведению Союза ССР, и был создан единый для всей страны орган охраны государственной безопасности — Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР.

Положение об ОГПУ, принятое 15 ноября 1923 г., возлагало на него руководство работой Государственных Политических Управлений Союзных республик и им подведомственных Особых Отделов военных округов, а также транспортных органов Государственных Политических Управлений на железных дорогах и водных путях сообщения на территории соответствующих Союзных республик; непосредственное руководство и управление Особыми Отделами фронтов и армий, организация охраны границ Союза ССР, непосредственная оперативная работа в общесоюзном масштабе. Система органов ОГПУ состояла из Государственных Политических Управлений Союзных и автономных республик, политических отделов при Исполкомах местных Советов. В Красной Армии органами ОГПУ являлись Особые Отделы. Новое положение четко регламентировало те средства и спосо-

бы, с помощью которых органы государственной безопасности должны были выполнять возложенные на них задачи.

Таким образом, к концу 1923 года завершилась принципиальная перестройка органов государственной безопасности. Аппарат ОГПУ был сокращен, но вместе с тем укреплен качественно.

Реорганизуя органы государственной безопасности, партия и правительство, как и прежде, уделяли самое пристальное внимание укреплению их проверенными и честными работниками. В мае 1922 г. ЦК партии, по ходатайству Коллегии ГПУ, в целях сохранения в рядах органов государственной безопасности старых, опытных работников, дал указание местным партийным организациям о том, что коммунисты, работающие в органах ГПУ на местах, могут перемещаться на другую работу только по согласованию с соответствующими органами государственной безопасности. Одновременно всем партийным организациям было предложено всемерно укреплять органы ГПУ стойкими и верными сотрудниками.

Реорганизация органов государственной безопасности и их деятельность в новой обстановке имели важное значение для Союза ССР. Хотя страна и вступила в полосу мирного развития, но оставалось еще много врагов, которые не оставили надежд на свержение Советской власти, и не разоружились. В Туркестанской республике, например, начало восстановительного периода характеризовалось оживлением басмачества. Внутренняя контрреволюция самым тесным образом была связана с иностранными империалистами, которые всячески поощряли и поддерживали ее антисоветские устремления.

Все эти обстоятельства и побудили Коммунистическую партию и Советское правительство принять необходимые меры к укреплению органов государственной безопасности.

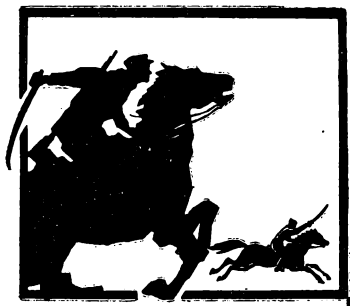
Новая обстановка изменила и методы борьбы контрреволюционных элементов. Они усиленно насаждали в нашей стране шпионаж, прибегали к провокациям, диверсиям и т. д. Но советские органы государственной безопасности, руководимые Коммунистической партией, опираясь на повседневную помощь широких масс трудящихся, наносили быстрые и меткие удары по вражеским происка м. Им принадлежит заслуга искоренения

политического бандитизма в стране, важное значение имела их деятельность на хозяйственном фронте при решении Советской страной ударных хозяйственных задач.

К концу 1924 г. партийные организации Туркестана, Хорезма и Бухары, под руководством ЦК РКП(б), опираясь на широкие слои трудящихся, успешно завершили подготовку к национально-государственному размежеванию республик Средней Азии. Учитывая волеизъявление народов Средней Азии, II сессия ЦИК СССР своим постановлением 27 октября 1924 г. одобрила решения и ходатайства Центрального Исполнительного Комитета Советов Туркестанской АССР, V Всехорезмского и V Всебухарского курултаев Советов об образовании новых социалистических республик и автономных областей.

Во вновь образованных Среднеазиатских республиках правопреемниками ГПУ Туркестанской АССР явились местные органы ОГПУ при СНК СССР — Государственные Политические Управления, организуемые при Совнаркомах каждой Союзной республики.

Славные боевые традиции органов государственной безопасности Туркестанской республики были восприняты и с честью продолжены Государственными Политическими Управлениями Советских Социалистических Республик Средней Азии.

На страже завоеваний Октября

БОРЬБА С ПОДРЫВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК И ВНУТРЕННЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

После победы Великой Октябрьской социалистической революции свергнутые эксплуататорские классы и международный империализм не имели реальных возможностей для открытого выступления против первой рабоче-крестьянской республики. Правительства воюющих государств боялись оттянуть с фронтов войсковые части и бросить их на подавление революции в России. Кроме того, империалисты не верили в прочность власти рабочих и крестьян, полагая, что с ней вполне справятся внутренние контрреволюционные силы в России. В свою очередь внутренняя контрреволюция сразу же после победы Октября не располагала сколько-нибудь значительными вооруженными силами, способными открыто выступить против пролетарского государства.

Тактика международного империализма на этом этапе состояла в попытках с помощью своих разведывательных служб объединить и поднять на борьбу с большевиками все антисоветские элементы внутри России. Но по мере упрочения Советской власти объединение контрреволюционных сил внутри страны принимало все более организованный характер. Не без участия иностранных разведчиков начали возникать различные «центры», вокруг которых стали группироваться политические партии и группы антисоветского направления. Происходила концентрация всех антисоветских сил, стремившихся дезорганизовать нормальную жизнь страны, всячески противодействовать всем мероприятиям, проводимым Советской властью.

Внутренняя и внешняя контрреволюция в Туркестане делала серьезную ставку на партии меньшевиков и эсеров, а также на различные мусульманские националистические организации, возникшие после Февральской революции и выражавшие интересы буржуазии, феодалов, крупных баев и духовенства. Они явились благодатной почвой для деятельности империалистических разведок. Небезынтересно в этой связи привести характеристику, которую дал партии эсеров матерый французский разведчик майор Пишон[1]. В конце 1917 г. он был направлен в Россию для подготовки интервенции. Пишон писал в своем отчете: «Достаточно нам прочесть внимательно программу партии социалистов-революционеров, их последующие решения и постановления, чтобы понять, что это партия, с которой мы могли бы сговориться, что это партия, которую мы можем приобрести»[2].

Подготовку к интервенции в Туркестане осуществляли разведки империалистических государств. При помощи своих разведывательных служб империалисты разжигали в Туркестане гражданскую войну, провоцировали мятежи и восстания, создавали заговорщические и террористические организации.

В исторической литературе, посвященной периоду интервенции и гражданской войны в Туркестане и Средней Азии, в основном, освещалась подрывная деятельность англо-американской разведок. Вместе с тем, как правильно отмечалось на проходившей в 1957 г. в г. Ташкенте Всесоюзной конференции востоковедов, в Туркестане имела место и замаскированная интервенция империалистической Германии. Имеющиеся документы показывают зловещую роль германской разведки в Туркестане, деятельность которой являлась ничем иным как одной из форм интервенции. В подобной деятельности германской разведки нет ничего необычного, ее активность объяснялась по крайней мере двумя причинами. Во-первых, германские империалисты не могли примириться с фактом существования в Туркестане Советской

---

[1] Пишон, уже будучи в России в 1919 г., за активную шпионскую деятельность получил внеочередное звание полковника.

[2] *В. Минаев.* Тайное становится явным, М., 1960, стр. 36.

власти; во-вторых, они хотели нейтрализовать захватнические притязания Англии с тем, чтобы использовать впоследствии Туркестан в качестве своей колонии. Но главным, конечно, было стремление покончить с Советской властью, успехи которой вызывали величайшую тревогу и бешеную злобу империалистов.

Наглядным подтверждением скрытно проводимой германскими империалистами подготовки интервенции может служить дело Герхарда Эппа, матерого шпиона и разведчика, чья подрывная деятельность в Туркестане была пресечена чекистами. Документы, обнаруженные у Эппа, не оставляют сомнений, что германские милитаристы уже в августе 1918 г. готовили вооруженное вторжение в Туркестан. Перед нами «Инструкция для отправляемого в Туркестан г-на Эпп». Составители ее — сотрудники секции «Политик» Генерального штаба верховного главнокомандующего германской армии, предупреждают, что «эта инструкция является строго секретной. Для осуществления этой инструкции должны быть привлечены вполне доверительные люди».

Второй пункт инструкции раскрывает подлинные намерения хозяев господина Эппа и делает понятным озабоченность немецкой разведки в сохранении их в строжайшей тайне. «Уже теперь необходимо,— читаем мы в этом документе,— подготовить почву для дальнейшей кампании (читай: интервенции — *Р. А., Н. М.*) путем: а) создания разведывательной службы; б) организации германских военнопленных».

Далее подробно расшифровываются способы осуществления этих задач.

«Разведывательная служба должна охватывать политическое, хозяйственное и военное состояние Туркестана. Отношение Туркестана к советскому правительству, к Турции и Афганистану, к Антанте». Немецких военнопленных предписывалось организовать и распределить в стране таким образом, «чтобы в случае, если будет предпринята Германией военная кампания через Баку и Красноводск, о сроке которой будет сообщено в дальнейшем, пункты, имеющие военное значение (железная дорога, радиостанция, электрические станции), могли бы быть заняты военнопленными».

По прибытии в Туркестан Эппу надлежало связаться с XIII комиссией обеспечения, то есть комиссией помощи

военнопленным, находящейся в Туркестане, которой уже даны были на этот счет военным министерством соответствующие указания. Официально же Эппу следовало выступать как представителю «Европейского торгового общества в Бремене», другими словами,— как лицу, прибывшему в Туркестан по торговым делам.

Добытые сведения Эпп должен был зашифровывать, пользуясь тайнописью и отправлять, адресуя «Европейскому торговому обществу в Бремене».

Организаторы «миссии» Эппа полагали, что ими предусмотрено все для обеспечения успеха в деятельности своего агента. Не учли лишь господа из секции «Политик», что Эппу пришлось действовать не в дореволюционном Туркестане — колонии царской России, в котором он, кстати, ранее бывал для выполнения поручений немецкой разведки, а в Туркестанской Советской Социалистической республике, где каждый рабочий, дехканин, красноармеец ясно сознавали, что разоблачение агентуры империалистических разведок — это дело не только ЧК, но и всех трудящихся.

После прибытия Эппа в Ташкент, он, действуя в строгом соответствии с преподанной ему инструкцией, попытался связаться с находившимся в Тифлисе так называемым шефом германской императорской делегации на Кавказе генералом Крессом, используя второй канал связи — Ташкентскую радиостанцию. В инструкции предусматривался и такой вариант связи, использование которого Эпп «должен был установить на основании своих свойств, как представитель немецкой фирмы, или же путем подкупа».

Попытки подкупить некоторых работников Ташкентской радиостанции показались им весьма подозрительными. Эпп был в скором времени разоблачен Туркестанской ЧК, как агент немецкой разведки.

Разветвленная шпионско-диверсионная сеть, созданная в Туркестане иностранными разведками, тесным образом была связана с различными дипломатическими и прочими представительствами. Всевозможные дипломатические, торговые и иные миссии ряда империалистических государств буквально наводнили Ташкент[1]. Боль-

[1] В 1918 г. в Ташкенте были следующие миссии, представительства и иностранные агенты: французские агенты Кастанье и Кандe-

шинство работников этих миссий фактически были шпионами, организаторами и вдохновителями контрреволюционных выступлений[1].

Какой «деятельностью» занимались миссии, можно судить по одному из докладов английского генерала Маллесона: «...Я был вызван в Симлу, где мне сообщили, что я назначен начальником миссии в Туркестане и должен немедленно отправиться в Мешхед, где миссия находилась в стадии формирования. Мне предлагалось войти в связь со всеми элементами, которые могли бы нам оказаться полезными. Таким элементам я должен оказывать всяческую поддержку. Финансовые ресурсы по смыслу данной мне инструкции были неограничены»[2].

После разгрома трудящимися Туркестана буржуазно-националистической «Кокандской автономии» и других контрреволюционных очагов иностранные империалисты перешли к новым формам борьбы в Средней Азии. Основная ставка делается на широкое насаждение подпольных заговорщических организаций, на консолидацию всех сил внутренней контрреволюции. Вдохновляемые англо-франко-американскими империалистами, белогвардейцы в союзе с буржуазными националистами, меньшевиками и эсерами готовили контрреволюционное выступление на территории Туркестана.

Направленный английской разведкой бывший царский генерал Джунковский, весной 1918 г. организовал в Ташкенте так называемую «Туркестанскую военную организацию» (сокращенно ТВО) с филиалами в крупных городах Туркестана — Ашхабаде, Коканде, Скобе-

---

виль, чехословацкий уполномоченный Готфрид, румынский агент для поручений лейтенант Балтариу, шведские представители Галль фон Шульман и Студен, датский делегат. капитан Браун, бельгийский консул де Стерк, немцы — Циммерман, Вольбрюк, представители американской ассоциации молодежи Девис и Бренинг и др.

[1] Некоторые из этих «дипломатов» прибывали в Ташкент, имея на руках «охранные грамоты» Троцкого. Так, например, французский разведчик Капдевиль получил 21 июля 1918 г. от Троцкого мандат следующего содержания: «Предъявитель сего, французский коммерческий агент лейтенант Капдевиль, командируется по делам французской Военной миссии в Ташкент. Предлагается всем военным и гражданским властям пропускать беспрепятственно вышеназванное лицо и оказывать ему всяческое содействие». ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 15, л. 184.

[2] Цит. по *С. Тимошкову.* Борьба с английской интервенцией в Туркестане. М., 1941, стр. 29.

леве, Самарканде, Андижане и других пунктах. Руководители ТВО вошли в соглашение с мусульманской националистической организацией «Улема», эмиром бухарским и с главарями басмаческих банд.

Эта антисоветская организация объединила значительное число офицеров, представителей русской и местной буржуазии, меньшевиков, эсеров и буржуазных националистов. Целью контрреволюционного блока, действовавшего по указке англичан, было поднять восстание и свергнуть Советскую власть в Туркестане.

В августе 1918 г. для руководства всеми антисоветскими силами в Ташкент прибыла специальная шпионская миссия, направленная английским правительством. В состав миссии вошли: майор Бейли, капитан Блеккер и бывший английский консул в Кашгаре Маккартней. О подлинных целях миссии начальник штаба ТВО полковник Зайцев впоследствии писал: «Официальной целью миссии было якобы восстановление связи с вновь образовавшимся Туркестанским правительством и ознакомление с новым общественным и государственным строем края. На самом деле истинной целью и намерениями миссии было подготовить и организовать вооруженное восстание в Туркестане против Советской власти, снабжать повстанческие отряды деньгами и оружием из ближайших к Туркестану английских баз (Мешхед, Кашгар, Афганистан). Миссия имела широкие права и полномочия по осуществлению этих задач»[1].

Серьезную опасность для Советской власти в августе 1918 г. представлял крупный контрреволюционный заговор, организованный послами иностранных государств в Москве. Возглавлял заговор глава английской дипломатической миссии Р. Локкарт. Осуществление плана заговора в Туркестане было возложено на «миссию» Бейли. На связь туркестанских контрреволюционеров с заговором послов указывал, в частности, председатель Турк-ЦИКа И. Тоболин, который докладывал ЦИКу: «В настоящее время (август 1918 г.— *Р. А., Н. М.*), в Москве раскрыт громадный, широко организованный контрреволюционный заговор... Отголоски этой организации

---

[1] *Зайцев.* Из недавнего пережитого. Журнал «Соловецкие острова», 1926, № 4, стр. 62.

были и здесь, в лице прибывшего из центра Лесицкого, который в настоящее время арестован»[1].

Планы английских империалистов и внутренней контрреволюции сводились к тому, чтобы, как писала официоз Закаспийского белогвардейского правительства газета «Голос Средней Азии», «уничтожить ташкентское гнездо», то есть свергнуть Советскую власть и превратить Туркестан в колонию английского империализма.

С прибытием «миссии» Бейли деятельность «Туркестанской военной организации» оживилась. Собираются совещания штаба организации, усиливается агитация среди населения, укрепляются и создаются новые филиалы ТВО, и одновременно, через генерала Джунковского, нелегально находившегося в Ташкенте, ведутся переговоры с Бейли, который обещал снабжать организацию всем необходимым через генерального английского консула в Кашгаре Эсертона.

В конце августа 1918 г. на совещании штаба «Туркестанской военной организации», которое происходило в одном из кишлаков под Ташкентом, был принят план вооруженного выступления, разработанный генералом Кондратовичем совместно с английской миссией. Но замыслы врагов потерпели крах.

Напав на след ТВО, Туркестанская Чрезвычайная Следственная Комиссия в Фергане и Ташкенте арестовала 50 человек, причастных к заговору, в том числе и ряд руководителей организации. 29 октября «Наша газета» опубликовала сообщение ЧК Туркреспублики о раскрытом заговоре. «Инициаторами и вдохновителями заговора,— отмечалось в сообщении,— являются английские империалисты и русская буржуазия, которые щедро сыпали деньги направо и налево, лишь бы свергнуть советский строй Республики... Организация эта очень мощная, имеет связь с сибирским правительством (то есть правительством Колчака — *Р. А., Н. М.*), Ашхабадским и Оренбургским фронтами, а также с Россией»[2].

Раскрытие «Туркестанской военной организации» было первым мощным ударом ТуркЧК по планам империалистических разведок. Оно явилось трудным экзаме-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 27, л. 107.

[2] «Наша газета» № 226, 29 октября 1918 г.

ном для молодой Чрезвычайной Комиссии, который она выдержала с честью, показав тем самым свою зрелость.

Раскрытие этого крупного заговора и арест значительной части руководящего ядра контрреволюционной организации имели для Туркестана решающее значение, ибо интервенты лишились своей внутренней опоры. Однако окончательно обезвредить заговорщическую организацию тогда еще не удалось: «левые» эсеры, занимавшие ряд ответственных постов в руководящих органах республики, помогли некоторым членам ТВО избежать ареста.

Оставшись неразоблаченными, ряд руководителей ТВО не прекратили своей антисоветской деятельности. Полковник Зайцев с группой членов организации (Корнилов, Арсентьев и др.) отправились в Фергану к главарю басмаческих шаек Иргашу, который принял их с распростертыми объятиями. Здесь, у Иргаша, были выработаны условия совместного выступления, организованы новые басмаческие шайки, установлена связь с английским консулом в Кашгаре М. С. Эсертоном.

После первых арестов руководство «Туркестанской военной организацией» перешло в руки полковника Цветкова, который остался в Ташкенте, но перешел на нелегальное положение. Изменилась и тактика организации. Оставаясь по-прежнему ярым сторонником английского вооруженного вмешательства для свержения Советской власти, ТВО делала ставку на вербовку в самом Туркестане не только офицерства и буржуазии, но и всех мелкобуржуазных контрреволюционных организаций — правых и левых эсеров, меньшевиков, дашнаков, бундовцев и др. Наряду с этим предпринимались попытки воздействовать на отсталые слои рабочих. Постепенно начали восстанавливаться нарушенные связи, создаваться новые филиалы, вербоваться новые члены. И, наконец, был установлен тесный контакт с другими контрреволюционными организациями: с армейской группой, состоявшей из бывших царских офицеров, находившихся на командных должностях в Красной Армии. Эту группу возглавлял английский шпион К. Осипов, обманным путем проникший в ряды большевистской партии и на должность военного комиссара республики; с меньшевистско-эсеровской группой Агапова и Попова, развернувшей рабо-

ту в главных железнодорожных мастерских и трамвайном депо.

В соответствии с новым планом 27 декабря 1918 г. все эти контрреволюционные группы объединились под руководством так называемого «Временного комитета» во главе с Осиповым.

«Временный комитет» устраивал регулярные заседания, на которых обсуждались детали мятежа, проекты законов, которые должны были быть изданы после свержения Советской власти, распределение портфелей в будущем правительстве и т. п. Этим же центром была создана подпольная типография, при помощи которой полковник Цветков совместно с Тишковским (один из главных руководителей восстания, служивший секретарем в комиссариате финансов Туркестанской АССР) выпустил несколько номеров своей газеты «Свободная пресса». Одновременно с этим происходит вербовка в члены организации среди военнопленных офицеров бывшей германской армии, находившихся в Ташкенте, а также среди кулаков, проживающих в пригородах. В старом городе руководители «Временного комитета» встретились на специально созванном совещании с представителями реакционных кругов ряда сопредельных стран, которые обещали поддержать восстание.

«Временный комитет» определил срок восстания — март-апрель 1919 г. с тем, чтобы приурочить его к началу наступательных операций белогвардейцев и интервентов на всех фронтах Туркестана. Такова была прямая установка англо-американских империалистов, ставивших цель одним ударом покончить с Советской властью в Туркестане.

К концу 1918 г. ТуркЧК стало известно об интенсивной подготовке к восстанию, в связи с чем были приняты меры к полному выявлению всех заговорщиков и ликвидации контрреволюционной организации. «Комиссией производилась энергичная работа, направленная к тому, чтобы в корне пресечь это, но ввиду того, что контрреволюционная организация охватывала своей деятельностью всю территорию республики, то работа эта не могла быть скоро завершена. В Ташкенте Комиссией было арестовано несколько лиц, принадлежавших к числу главных руководителей существовавшей организации и, ведя непрерывную работу, направленную к выявлению всех контр-

революционных деятелей и окончательной ликвидации[1] обнаруженной организации, комиссия подходила к главе этой организации, то есть к Осипову, последней ступенью к чему был арест личного адъютанта Осипова Ботта и был намечен арест личного секретаря Стремковского»[2]. Однако данными о предательской роли Осипова Комиссия к тому времени еще не располагала. Осипов же, опасаясь, что Ботт возможно на допросах сообщит чекистам сведения о его контрреволюционной деятельности, принял меры к освобождению Ботта.

Утром 16 января, к зданию ТуркЧК прибыл направленный Осиповым эскадрон. Блокировав здание, кавалеристы ворвались в помещение и потребовали выдачи им Ботта. Находившийся в это время в ЧК председатель Чрезвычайного революционного полевого суда А. В. Червяков выхватил револьвер и приказал немедленно освободить помещение. Командир эскадрона вынужден был подчиниться. Спустя некоторое время в ТуркЧК прибыл Осипов, который пытался загладить инцидент и, обманув чекистов, доверявших ему, как военному комиссару республики, освободил Ботта из-под стражи[3].

Однако руководители «Временного комитета» понимали, что организация накануне полного разоблачения и приняли решение о переносе и ускорении срока восстания. В ночь с 18 на 19 января 1919 г. в Ташкенте начался антисоветский мятеж. Мятежники расположили свой штаб в казармах 2 полка, куда Осипов вероломно заманил 14 руководителей партийных и советских органов Туркестана. Все они зверски были умерщвлены.

Ташкентские большевики организовали решительный отпор бандам Осипова. На борьбу с мятежниками по зову большевиков поднялся весь ташкентский пролетариат, все трудящиеся города. На помощь ташкентским рабочим спешили рабочие отряды Ферганы, Самарканда и других городов. 21 января мятеж был подавлен, коварные планы внутренней и внешней контрреволюции, на-

---

[1] В документе — «окончательному ликвидированию».

[2] Из доклада Туркестанской ЧК. ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 74, л. 72.

[3] Из воспоминаний И. И. Иванова и В. Ф. Богомолова, За Советский Туркестан, Сб. воспоминаний, Ташкент, 1963, стр. 397—398.

правленные на свержение Советской власти в Туркестане, провалились.

Потерпев ряд поражений в открытых выступлениях против Советской власти, контрреволюционные элементы внутри страны, вдохновляемые иностранными империалистами, меняют тактические приемы борьбы. По этому поводу Ф. Э. Дзержинский на заседании ВЦИК 17 февраля 1919 г. указывал, что «... теперь система борьбы и у наших врагов изменилась, теперь они стараются пролезть в наши советские учреждения, чтобы, находясь в наших рядах, саботировать работу и чтобы дождаться того момента, когда внешние наши враги сломят нас и тогда, овладев органами и аппаратами власти, использовать их против нас. Кроме саботажа, они подыскивают отдельных лиц, отправляя их как бойцов к нашим противникам, и посылают им необходимые сведения для того, чтобы предать нашу армию и выдать наши военные тайны... Мы знаем, что почти во всех наших учреждениях имеются наши враги, но мы не можем разбить наши учреждения, мы должны найти нити и поймать их»[1].

Чрезвычайная Комиссия проделала большую работу по чистке организаций и учреждений от проникших туда, враждебно настроенных против Советской власти, лиц. По приказу ЧСК все учреждения и организации обязаны были не позднее 10 февраля 1919 г. представить в Комиссию списки всех служащих «с непременным указанием поручившихся членов партий (большевиков и «левых» эсеров — *Р. А., Н. М.*) или пролетарских организаций»[2]. После получения списков ЧСК провела индивидуальную проверку каждого служащего, используя в этих целях также и оперативные средства. Это была большая и кропотливая работа, в результате которой Комиссии удалось выявить и обезвредить значительное число контрреволюционных элементов, пробравшихся в советский аппарат.

Чрезвычайной Следственной Комиссии предстояло полностью выявить и привлечь к строгой ответственности всех участников белогвардейского мятежа и всех тех, кто, воспользовавшись тяжелым положением, в котором находилась Республика, вредили ее экономике, совершали

---

[1] Из истории ВЧК, Сб. документов, М., 1958, стр. 254—255.
[2] «Наша газета» № 25, 7 февраля 1919 г.

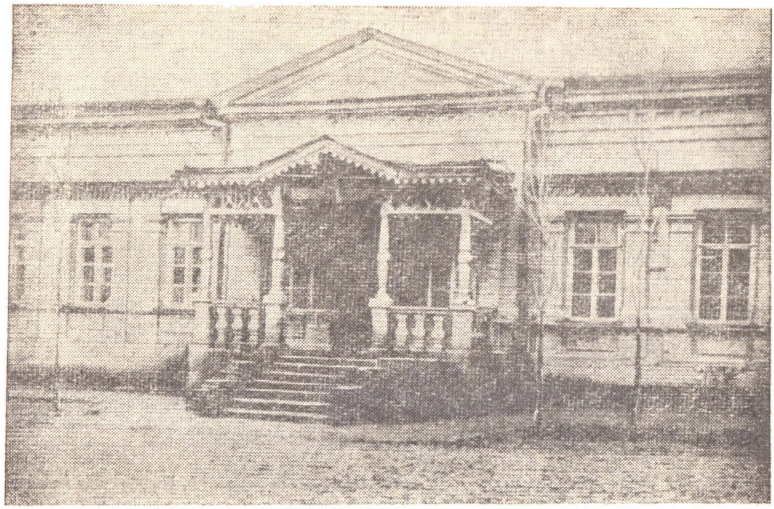
должностные преступления и занимались спекуляцией. Эта задача решалась как оперативно-розыскным путем, так и расследованием этой категории дел.

Несмотря на неблагоприятные внешние и внутренние условия, в которых пришлось работать ТуркЧК и Особому отделу, летом и осенью 1919 г. антисоветскому подполью был нанесен ряд серьезных ударов.

В борьбе за упрочение Советской власти большое значение имела продовольственная политика. Однако при ее проведении были допущены серьезные ошибки: беспорядочные реквизиции, уступки кулакам и баям и т. д. Во всем этом немалую роль сыграли английские шпионы, засевшие в Комиссариате продовольствия. В сентябре 1919 г. Чрезвычайная Комиссия разоблачила шпионов и вредителей во главе с Константином Поворовым, сумевшим пробраться на ответственный пост комиссара продовольствия республики[1].

Весной 1919 г. в Чрезвычайную Комиссию стали поступать сведения о существовании в Казалинском уезде какой-то подпольной организации, занимающейся шпионажем в пользу англичан и Колчака. Тщательно проанализировав все имеющиеся данные, сотрудники ЧК пришли к выводу, что нити шпионажа сосредоточиваются в Джусалах, в конторе английского общества Карсакпайских рудников, причем сведения в Джусалы попадают из Ташкента. Внимание чекистов привлек служащий конторы общества Матвей Сорвин, который по службе был связан с Карсакпаем, где жил управляющий рудниками англичанин Ярдлей. Последний, как было установлено, имел связь с Омском. Сорвин и Ярдлей каждые 10 дней обменивались письмами. В поддержании связи им помогал Прокофий Ефимов, бывший царский жандарм. После ареста Сорвина и Ефимова у них был произведен обыск и в руки чекистов попала обширная переписка, главным образом информационного характера, о положении Туркестанской республики, которая подтверждала шпионские связи К. Поворова с англичанами. Главный директор рудников Бейлдон, выполнявший роль резидента, обосновался в Омске и оттуда в одном из писем П рову высоко оценил его «продуктивную работу в пользу англичан».

[1] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 4, д. 37, л. 29—30.

Здание ЧК в Ташкенте.

В ходе расследования было установлено, что Поворов с 1911 г. работал управляющим конторой английского общества Карсакпайских рудников, где и был завербован английской разведкой. По ее заданию он пробрался на работу в советский аппарат и выполнял задания своих хозяев, собирая шпионские сведения и дезорганизуя продовольственное дело. Характерно, что до самого дня ареста Поворов числился в должности управляющего конторы и получал от англичан «за исполнение обязанностей» зарплату.

Разоблачение всей этой группы английских шпионов было серьезной победой Туркестанской ЧК.

1920 г. был для Туркестанской Чрезвычайной Комиссии годом не только организационного становления и укрепления ее органов в центре и на местах, но и отличался интенсивной деятельностью. Так, например, раскрытие в июле 1920 г. английской шпионской организации имело большое значение для борьбы с интервентами. Шпионский центр возглавлял инженер путей сообщения Б. С. Соколов, ранее служивший в Мешхедском белогвардейском отряде. За год до этого глава Туркестанской военной организации генерал Джунковский

свел Соколова с английской разведкой. В начале 1919 г. руководитель разведывательной службы в Средней Азии генерал Маллесон предложил Соколову отправиться в Ташкент для создания там шпионской организации и сбора сведений о боеспособности Красной Армии, дислокации ее частей и других данных. Получив от своих английских хозяев 500 000 рублей, Соколов летом отправился из Мешхеда в Мерв. Вместе с ним выехали агенты английской разведки, бывшие царские офицеры Челпанов, Вербов, Перфильев и Жуков, причем трое последних по дороге отделились. Приехав из Мерва в Бухару, Соколов оставил для связи Челпанова, а сам направился в Ташкент, куда прибыл в сентябре.

В Ташкенте Соколов принялся за вербовку агентуры. В начале 1920 г. шпионская организация Соколова имела уже свои отделения по всему Туркестану, была установлена тесная связь с басмаческими бандами. Некий Бархаш, завербованный в Фергане, в свою очередь завербовал ряд агентов и при их помощи поддерживал связь с главарями басмачей, а также с английским командованием в Кашгаре. В Мерве для этой же цели был завербован австрийский офицер Ярослав Сватый, собиравший шпионские сведения лично и через свою агентуру. Квартира Сватыя являлась своеобразной перевалочной базой: через нее проходили агенты, направлявшиеся в Мешхед и обратно. Документы для проезда доставлял сам Сватый. К шпионской деятельности Соколов привлек и свою жену, которую устроил на работу в госпиталь. У красноармейцев, находившихся на лечении, она узнавала данные о дислокации воинских частей.

По заданию Соколова его агент, бывший офицер А. В. Солонин, выкрал из инженерного управления, где он работал, секретные документы, которые Соколов должен был передать англичанам через завербованных им сослуживцев Азиза Сеид Хана и Аббаса Мухамедова. Сеид Хан и Мухамедов выполняли у Соколова роль связных и по его заданиям неоднократно пробирались в Мешхед в штаб генерала Маллесона, которому передавали шпионские сведения, полученные от Соколова.

В начале июля 1920 г. Соколову удалось добиться организации экспедиции по исследованию лесных богатств Нарына. Став во главе экспедиции, он лихорадочно готовился к отъезду. Соколов предполагал: достигнуть по-

граничной местности, наладить оттуда связь с английским консулом в Кашгаре для передачи собранных шпионских сведений и получить инструкции для дальнейшей деятельности.

Но плану этому не суждено было осуществиться. За членами шпионской организации чекисты вели наблюдение. Шпионов не арестовывали только потому, что необходимо было выяснить все связи, а также всех участников организации. За несколко дней до предполагавшегося отъезда Соколов был арестован. Чекисты арестовали и остальных членов шпионского центра. При обыске у них было изъято много документов, содержащих сведения о состоянии Красной Армии. У одного из шпионов была найдена спрятанная в порошке хины записка, написанная на папиросной бумаге. Записка эта была приготовлена к отправке «по месту назначения». В ней, в частности, содержалась подробная дислокация советских войск в пограничных с Персией местностях.

У Соколова был найден составленный им словарь английских слов. Несколько листков словаря содержали инструкцию по шпионажу, написанную генералом Маллесоном, отредактированную и зашифрованную в форме словаря лейтенантом английской армии Лейнером.

Никакие ухищрения не помогли английским шпионам, все они были разоблачены и в ходе следствия полностью признали свою вину. Враги Советской страны были осуждены к высшей мере наказания. Разгром английского шпионского центра сыграл значительную роль в достижении общей победы над силами контрреволюции в Туркестане.

К осени 1920 г. Туркестан был наводнен деклассированными элементами: спекулянтами, бандитами и явными врагами нового строя. Советские учреждения были засорены бывшими царскими чиновниками, приставами, полицейскими, жандармами, агентами царской охранки, а иногда даже и командными чинами полиции. Все они устраивались на работу с одной только целью: всеми доступными средствами дискредитировать в глазах трудящихся местных национальностей Советскую власть. И нужно отметить, что только одно их присутствие в советских учреждениях во многом достигало этой цели. Некоторые из «бывших людей» даже сумели пробраться в партию и занять ответственные посты в советском госу-

дарственном аппарате. Нужны были решительные меры по его очищению от сомнительных работников.

29 июня 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение, которое было выражено в документе «О наших задачах в Туркестане», предусматривающее ряд срочных мер по строительству социализма в Туркестане. В числе прочих важных мероприятий решение предписывало: «Выслать из Туркестана... всех бывших чинов полиции, жандармерии, охранки, тех из царских чиновников, использование коих в Туркестане политически неприемлемо, спекулянтов, бывших управляющих крупными российскими предприятиями, всех примазавшихся к партии, советским органам, Красной Армии и т. д.»[1].

Выполняя эту директиву партии, IX съезд Советов Туркестанской республики, состоявшийся в сентябре 1920 г. постановил выслать из пределов Туркреспублики бывших чинов царской администрации, возложив эту работу «исключительно на ТуркЧК и ее органы на местах»[2]. Приступив к исполнению указания ЦК РКП(б) и IX съезда Советов Туркестана, Чрезвычайная Комиссия республики 13 сентября 1920 г. издала приказ, предписавший всем бывшим крупным чинам царской администрации, а также владельцам фабрик, заводов, крупных землевладельческих и торговых предприятий в недельный срок пройти регистрацию в органах ЧК. Без ведома ТуркЧК этим лицам запрещалось право выезда[3]. Это была очень ответственная и вместе с тем крайне трудоемкая работа. В подавляющем большинстве случаев лица, подлежащие проверке, скрывали свое прошлое, уклонялись от регистрации. Не обошлось без применения к таким лицам самых суровых мер. Так, например, Семиреченская облЧК, выявив ряд бывших полицейских и жандармов, уклонившихся от регистрации, постановила расстрелять их, о чем широко, через печать, было оповещено все население области[4].

Успех регистрации мог быть обеспечен только при

---

[1] Цит. по *А. И. Зевелеву,* Из Истории гражданской войны в Узбекистане, Ташкент, 1959, стр. 449.

[2] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 437, л. 162.

[3] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 209, 16 сентября 1920 г.

[4] «Правда», орган Семиреченского обкома КПТ, № 244, 27 ноября 1920 г.

самой широкой поддержке и помощи всех трудящихся. В связи с этим через три дня после издания приказа о регистрации, Полномочное Представительство ВЧК на территории Туркестана и Туркестанская Чрезвычайная Комиссия издали приказ, которым подчеркивалось, что «регистрации обязан содействовать каждый гражданин Туркестанской республики»[1]. Опираясь на активное содействие трудящихся, используя свои оперативные возможности, Туркестанская ЧК успешно справилась с возложенной на нее Коммунистической партией задачей. Итоги проведенной регистрации показали насколько своевременны и необходимы были эти меры. Информируя ВЧК о проделанной работе, ТуркЧК писала: «Регистрация, проведенная ТуркЧК, дала полную картину чиновничьего засилия в советских учреждениях. Почти во всех органах обнаружены полицейские, приставы, жандармы, а в некоторых даже полицмейстеры и генерал-губернаторы. Например, в таком органе, как Рабоче-Крестьянская Инспекция (Краевой Комиссариат), оказались на ответственных должностях бывшие городовые, пристава и полицмейстеры»[2]. Только в одном городе Верном (Алма-Ата) чекистами было выявлено свыше 200 бывших приставов, уездных начальников, агентов охранки, многие из которых занимали ответственные должности[3].

В октябре 1920 г. ТуркЧК приступила к завершению операции по очищению Туркестана от колонизаторских элементов. Все они были арестованы и высланы. К началу 1921 г. всего было выслано из пределов Туркреспублики более 2000 человек[4]. Кроме того, в марте — мае 1921 г. было выслано около 300 человек[5].

Оценивая результаты принятых в отношении колонизаторских элементов мер, Чрезвычайная Комиссия отмечала: «Безусловно, подобная репрессивная мера, имеющая массовый классовый характер и обрушивающаяся целиком и полностью на наиболее колонизаторский элемент Туркреспублики, подействовала гораздо сильнее,

---

[1] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 211, 18 сентября 1920 года.
[2] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 9а, л. 141 обор.
[3] Там же, ф. 1704, оп. 1, д. 1, л. 22.
[4] Там же, ф. 25, оп. 2, д. 7, л. 68.
[5] Там же, ф. 17, оп. 4, д. 4, л. 296.

чем даже применение в самом широком масштабе высшей меры наказания»[1].

Борьба с колонизаторскими элементами приняла особенно резкие формы в Семиречье — и это не было случайностью: к лету 1920 г. в Семиречье возник крупный и опасный очаг кулацко-белогвардейской контрреволюции.

Белогвардейцы все время стремились превратить Семиречье в один из своих плацдармов для борьбы с властью Советов. Сюда давно протянули свои жадные щупальцы англо-американские империалисты. Широкую поддержку семиреченской контрреволюции оказывали бывшие царские консулы в пограничных городах Китая — Кашгаре, Кульдже и Чугучаке, тесно связанные с разведками империалистических государств.

В июне 1920 г. в самый разгар боевых операций против буржуазно-помещичьей Польши, а также во время июньского наступления врангелевской армии, иностранные империалисты организовали в г. Верном (Алма-Ата) мятеж ряда воинских частей. Дм. Фурманов, участник верненских событий, указывал на связь кулацко-белогвардейской верхушки мятежников с агентурой иностранных разведок, обосновавшихся на китайской территории. «Нити подготовлявшегося восстания,— писал Дм. Фурманов,— безусловно имелись и за китайскими пределами. Недаром на джаркентской границе еще 4—5 июня, то есть за неделю до мятежа, говорили о том, что в Верном уже восстание»[2].

Выбор империалистами Семиречья в качестве одного из опорных пунктов в борьбе с Советской властью во второй половине 1920 г. был не случаен. Ряд причин облегчал здесь подрывную деятельность англо-американской разведки, способствовал сколачиванию белогвардейских организаций, подготовке заговоров, восстаний и мятежей. Именно Семиречье явилось той национальной окраиной дореволюционной России, в которой царизм свою переселенческую политику тесно увязывал с проводимой после революции 1905 г. столыпинской земельной реформой. Царское правительство стремилось насадить в Семиречье, как и в других национальных

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 7, л. 68 об.
[2] *Дм. Фурманов,* Мятеж. М., 1955, стр. 463.

окраинах, русских кулаков. В Семиречье двинулось немало кулаков, захвативших землю и эксплуатировавших местное трудящееся население. Русские кулаки и зажиточное крестьянство являлись опорой колонизаторской политики царизма. По данным статистического обследования переселенческих поселков Лепсинского, Копальского, Верненского, Пишпекского и Пржевальского уездов, проведенного в 1910—1913 гг., было установлено, что 17,3% всех хозяйств широко применяли наемный труд. Они сосредоточивали в своих руках 41% всех плугов и 77% сельскохозяйственных машин. В этих хозяйствах работало 53% общей массы наемной рабочей силы, применявшейся в Семиречье[1]. Разумеется, эта часть населения Семиреченской области в своем большинстве отрицательно относилась к Советской власти, объективно тяготела к контрреволюции[2].

Весной 1920 г., в результате успешных боевых действий советских войск, Семиреченский фронт был ликвидирован. Белогвардейцы капитулировали. Этому во многом содействовал приказ Реввоенсовета Туркестанского фронта, гарантировавший «полную безопасность, забвение прежних вин» всем, прекратившим дальнейшее сопротивление, в том числе и командному составу»[3]. Приказ, в основном, был направлен к тому, чтобы сражавшиеся против рабоче-крестьянского государства, обманутые белогвардейской верхушкой, трудящиеся казаки пересмотрели свое отношение к Советской власти. Этой льготой не преминули воспользоваться белогвардейцы, и «в Семиречье хлынула огромная волна белогвардейского офицерства и казачества, нашедших весьма благоприят-

---

[1] *С. Н. Покровский*, Победа Советской власти в Семиречье, Алма-Ата, 1961, стр. 31—32.

[2] Это не значит, конечно, что именно эта группа населения играла решающую роль в судьбах Семиречья. Подавляющее большинство населения — переселенческая беднота и угнетаемое местное население, одним фронтом выступали против кулаков-колонизаторов и офицерско-кулацкой верхушки семиреченского казачества. Однако, оценивая классовую расстановку сил в Семиречье, нельзя сбрасывать со счетов эту зажиточную группу, в которой ведущую роль играли крупные кулаки.

[3] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов, М., 1941, стр. 290—292.

ную обстановку все сильнее волновавшегося кулацкого населения»[1]. Такова была вторая причина.

Остатки белогвардейских банд генералов Дутова, Анненкова и Бакича, разгромленные Красной Армией, бежали и, перейдя китайскую границу, обосновались в районе Чугучака. Китайские власти формально их интернировали, но практически белогвардейцы оставались хорошо вооруженными отрядами, постоянно угрожающими советскому Семиречью.

Дутов, Анненков и Бакич, тесно связанные с иностранными империалистами, выполняя задания своих хозяев, готовили вторжение на советскую территорию, сколачивали при помощи своей агентуры контрреволюционные группы, организовывали антисоветское выступление в Семиречье. Это была третья причина, способствующая возникновению в Семиречье крупного контрреволюционного очага.

Все это заставило ТуркЧК принять неотложные меры по укреплению аппарата Семиреченской ОблЧК и ее местных органов, в связи с чем в начале ноября 1920 г. был утвержден новый состав Коллегии Семиреченской ЧК, а отделы ее укомплектованы, в основном, за счет присланных из Ташкента чекистских кадров[2].

Новый состав Коллегии во главе с Ф. И. Эйхмансом[3] прежде всего тщательно изучил политическую и экономическую обстановку в Семиречье и наметил основные меры по очищению области от контрреволюционных элементов. Были изменены некоторые тактические приемы борьбы с контрреволюцией. В частности, временно было прекращено вылавливание отдельных белогвардейских агитаторов, а за осмелевшим кулачеством и офицерско-казачьей верхушкой усилилось наблюдение.

Проанализировав и сопоставив все полученные данные, Чрезвычайная Комиссия пришла к выводу о наличии в области подпольных белогвардейских организаций. В результате принятых чекистами оперативных мер,

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 1704, оп. 1, д. 1. л. 18. Из доклада Семиреченской ОблЧК.

[2] Там же, л. 22.

[3] Эйхманс Федор Иванович (1897—1938 гг.), член КПСС с 1918 г., в органах госбезопасности с 1918 по 1938 г., председатель Семиреченского областного ЧК (1920—1921 гг.), активный участник борьбы с контрреволюцией в Семиречье.

ряд контрреволюционных организаций, вынашивавших планы свержения Советской власти, был раскрыт и разгромлен. В процессе их ликвидации было установлено, что контрреволюция уходит в подполье, применяет конспирацию, новые формы борьбы. Это потребовало от чекистов более гибких мероприятий в борьбе с подрывной деятельностью антисоветских сил.

Ф. И. ЭЙХМАНС.

Большое значение для окончательного разгрома семиреченской контрреволюции имела ликвидация «молостовской», «ниловской» и некоторых других контрреволюционных организаций.

Еще весной 1920 г. бывший дворянин, владевший крупными поместьями в Казанской губернии, полковник царской армии, командир бригады в анненковской дивизии, Л. В. Молостов был завербован английской разведкой. Незадолго до ликвидации Семиреченского фронта он получил задание уйти в отставку, скрыть свое прошлое и поступить на службу к Советской власти. Легализовавшись, Молостов должен был приступить к сколачиванию контрреволюционной организации.

Характерны методы, к которым прибегал Молостов, вербуя участников антисоветского заговора. Перед уходом из дивизии Анненкова Молостов вызвал подчиненных ему офицеров и предложил вступить в организацию для борьбы с Советами. При этом он предупредил, что неподчинившиеся будут немедленно расстреляны. Как и следовало ожидать, часть офицеров, в политических убеждениях которых под влиянием последних событий произошел определенный перелом, отказалась от предложения Молостова. Тогда он, при помощи своих единомышленников, тут же у себя в доме расстрелял офице-

ров, посмевших не согласиться продолжать борьбу против Советской власти.

Для осуществления своих контрреволюционных замыслов Молостов дал указания членам организации проникнуть на работу в советские учреждения, всячески подрывать авторитет Советской власти, дезорганизовывать хозяйственное строительство. Сам Молостов, устроившись заведующим государственными конюшнями в г. Верном, принял все меры к тому, чтобы погубить лошадей. Один из членов белогвардейской организации Попков, поступив на работу в Верненский военный госпиталь в качестве заведующего хозяйством, создал невыносимые антисанитарные условия для находящихся там красноармейцев. Раненые бойцы Красной Армии плохо снабжались, страдали от вшей и клопов, не получали необходимого питания и т. п. При помощи завербованной им агентуры, Молостов распространял всевозможные провокационные слухи о действиях и намерениях Советской власти, подготавливая почву для антисоветского выступления.

Арестованный органами ЧК Молостов на допросе заявил, что он своей деятельностью добивался «вернуть обратно поместья и дома, отнятые у него революцией». По постановлению Коллегии Семиреченской КП Молостов, Попков, Кубышкин и другие члены белогвардейской организации были расстреляны[1].

Одновременно Чрезвычайной Комиссией была обезврежена и другая контрреволюционная организация, созданная на озере Балхаш полковником Ниловым, который еще в 1919 г. во главе 50 офицеров был направлен Колчаком в Семиречье для поднятия там восстания[2].

Нилов и его единомышленники ставили цель поднять во всем Туркестане восстание против Советской власти. Они были тесно связаны с сибирским правительством, которое, например, одному из членов организации Канину в случае успеха восстания обещало назначение начальником Пишпекского уезда. В организацию входили контрреволюционеры всех рангов — от жандармов до духовенства. Нилов терроризовал местное население,

---

[1] «Правда», орган Семиреченского обкома КПТ, № 244, 27 ноября 1920 г.

[2] ЦГА УзССР, ф. 1704, оп. 1, д. 1, л. 44.

особенно рыбаков. Этим преследовалась вполне определенная цель: показать местным жителям, что Советская власть не имеет достаточных сил для обеспечения безопасности населения, следовательно, эта власть непрочная. Все это подкреплялось провокационными слухами и распространением антисоветских листовок.

Установив участников организации, чекисты решили ликвидировать ее сразу в тот момент, когда все они соберутся для обсуждения дальнейшего плана своих действий. Заговорщики оказали вооруженное сопротивление, трое из них были убиты, а около 40 человек арестованы. При обыске были обнаружены склад оружия и большое количество антисоветских прокламаций. Все участники белогвардейской организации по приговору ЧК были расстреляны.

В мае 1920 г. белогвардейский офицер Демченко, амнистированный в связи с ликвидацией Семиреченского фронта, прибыл в Нарын, имея задание объединить всех, настроенных против Советской власти, для подготовки вооруженного выступления. Подпольные центры были созданы в Нарынской таможне и в штабе батальона 5 погранполка[1]. Работники таможни использовались для связи с Кашгаром, а также внутри области — с Пржевальском, Пишпеком и Токмаком, где Демченко завербовал некоторых служащих почтово-телеграфного ведомства.

Первоначально восстание намечалось начать в августе 1920 г., но передислокация частей Красной Армии, предпринятая в это время, заставила заговорщиков перенести срок выступления. Они направили связных к Дутову и Анненкову, чтобы отрегулировать окончательно срок восстания и договориться о помощи. Агенты были направлены также и в Фергану для установления связи с басмачами.

Но действия ЧК, которая начала операцию по выявлению и высылке колонизаторских элементов, нарушили планы заговорщиков. Предпринятые ЧК меры грозили выхватить центральные фигуры организации, поэтому решено было начать восстание, не ожидая ответа от басмачей и из Кашгара. В ночь с 5 на 6 ноября 1920 г.

[1] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 67, 29 марта 1921 г.

батальон 5 пограничного полка, под командой Д. Кирьянова, снялся с границы и двинулся к Нарыну. Захватив Нарын, мятежники прежде всего освободили всех арестованных контрреволюционеров, а заведующего Политбюро тов. Оразбекова зверски убили[1].

В результате решительных мер, предпринятых партийными органами, Чрезвычайной Комиссией и военным командованием, умелого сочетания политических и военных мероприятий, мятеж был быстро подавлен.

Разгромленные банды восставших бежали в Кашгар, где были обезоружены и интернированы. Однако 11 декабря под давлением англичан китайские власти возвратили нарынским мятежникам оружие, выдали 100 пудов муки, приказав покинуть территорию Китая. Белогвардейцы сформировали конный отряд в 135 сабель, с тремя пулеметами, и, перейдя государственную границу, двинулись Аксайской долиной в сторону Пржевальска, где они должны были соединиться с отрядом полковника Сидорова.

Чекисты устроили засаду на пути следования отряда и при перестрелке пленили 15 вооруженных мятежников, одновременно были предприняты меры к ликвидации всей банды.[2]

ТуркЧК, докладывая Совнаркому о событиях в Нарыне, отмечала, что инициатива и энергия, проявленные работниками Семиреченской Чрезвычайной Комиссии, во многом способствовали тому, что «восстание было с корнем ликвидировано успешно и быстро»[3].

В район нарынского мятежа выехала выездная сессия Семиреченской ОблЧК во главе с председателем Ф. И. Эйхмансом. Чекисты полностью раскрыли белогвардейскую организацию, подготавливавшую и осуществлявшую восстание[4]. Были выявлены и арестованы все его организаторы и руководители. Классово-враждебные элементы, принимавшие участие в мятеже, понесли суровое наказание.

В ходе следствия по делу о нарынской белогвардейской организации были обнаружены нити, ведущие к но-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 8, л. 398.
[2] Там же, л. 462.
[3] Там же, оп. 2, д. 7, л. 69.
[4] Там же, ф. 1704, оп. 1, д. 1, л. 11 обор.

вому, еще более крупному контрреволюционному заговору. Серия оперативных мероприятий, осуществленных Чрезвычайной Комиссией, позволила полностью выявить и обезвредить заговорщиков, ждавших лишь удобного момента для открытого выступления против Советской власти.

В мае 1920 г. бывшие офицеры из дивизии Анненкова — Александров, Воронов, Покровский, Сергейчук и Кувшинов, пользуясь амнистией, примененной к белогвардейцам при ликвидации Семиреченского фронта, прибыли в г. Верный. Устроившись на работу в облвоенкомат, они стали вынашивать планы создания подпольной организации для подготовки восстания против Советской власти.

В конце мая в секретный отдел облвоенкомата, а затем инспектором для поручений был принят С. Е. Бойко — казачий полковник, бывший командир Приилийского полка на Семиреченском фронте.

Александров, зная Бойко еще с 1918 г., в течение нескольких дней тщательно к нему присматривался с целью выяснить его политические взгляды. Убедившись, что Бойко настроен антисоветски, заговорщики посвятили его в свои планы и Бойко принял активное участие в деятельности организации. Так была создана инициативная группа, взявшая на себя руководство созданной организацией.

На первых же заседаниях инициативной группы были определены организационная форма восстания и план дальнейших действий после переворота. Ближайшей целью заговорщиков было установить связь с Дутовым и Анненковым. Когда такая связь была установлена, организация регулярно информировала Дутова и его английских хозяев о положении дел в области и о своих планах и в свою очередь — получила подробный инструктаж для дальнейшей деятельности. Тем самым деятельность верненской контрреволюционной организации включилась в общий план борьбы с Советской властью, выработанной иностранными империалистами.

Основой заговора являлась подготовка одновременного выступления антисоветских элементов города и деревни. Это, в свою очередь, обусловило и распределение обязанностей между членами инициативной группы. На Бойко, как хорошо знающего семиреченское казаче-

ство и пользующегося среди него определенным авторитетом (после Февральской революции Бойко занимал ответственные выборные должности), была возложена задача вовлечения в организацию казаков и русских кулаков. Один из членов инициативной группы Мальцев был направлен в Джаркент для объединения и развертывания деятельности имевших в уезде контрреволюционных групп. Остальные принялись за вербовку новых членов в учреждениях и воинских частях Алма-Аты. К осени 1920 г. в Алма-Ате ими было завербовано свыше 50 человек. Организация имела свою агентуру в наиболее важных по своему значению органах: полевом и общем телеграфе, радиостанции, облревкоме, кавалерийских курсах, штабе 3 погранбригады, батальоне ВОХР и т. д., всего в 31 учреждении и воинской части. Это показывает, насколько широко распространили свою деятельность заговорщики, которые постоянно были в курсе всех мероприятий, проводимых и намечаемых к проведению Советской властью[1].

В начале июня к Бойко из станции Надеждинской (Иссык) приехал его старый знакомый Яков Алексеев с братом Анисимом. Они быстро нашли общий язык с Бойко и сообщили ему, что в Надеждинской существует сильная контрреволюционная организация, готовящаяся к восстанию против Советской власти. Алексеев познакомил Бойко с неким Бутурлакиным, который информировал Бойко о том, что в станице Больше-Алмаатинской подготовлены и вооружены около 80 человек, готовых присоединиться к восстанию.

Было решено, что Бойко должен выехать на места для подчинения единому плану всех имеющихся в области антисоветских групп и организаций, пополнения их и необходимого инструктирования.

18 августа 1920 г. Бойко выехал из Алма-Аты и направился в Надеждинскую, где встретился с руководителями местной организации братьями Яковом и Анисимом Алексеевыми, Романом Шустовым, Антоном Есютиным и Павлом Устиновым. Бойко подробно информировал их о планах организации, сообщил о связях с Дутовым, предложил продолжать подготовку к выступлению и ожидать от него сигнала.

[1] ЦГА УзССР, ф. 1704, оп. 1, д. 1, л. 25.

Из Надеждинской Бойко направился в Талгар (Софийскую), крупнейшее селение Алма-Атинского уезда, с 12-тысячным населением, состоящим главным образом из зажиточных казаков и кулаков[1]. В Талгаре еще в 1919 г. под руководством Т. Легостаева, Н. Исаева, М. Артамонова, П. Кишканова и Г. Федорова была создана крупная контрреволюционная организация, усвоившая необходимые приемы конспирации. Организаторы и наиболее активные участники заговора вели усиленную агитацию среди односельчан, но не привлекали их пока в основное ядро, насчитывавшее около 200 человек.

Ознакомившись с толгарской организацией, Бойко дал ее руководителям задание охватить своим влиянием всю восточную часть области с целью связать воедино все имевшиеся там белогвардейские группы и принять меры к созданию таких групп там, где их не было. Выполняя это указание, Исаев, Михайлов и Антонов направились в Тюрген (Михайловское), Маловодное и Чилик (Зайцевское), Федоров поехал в богатейшую станицу Дисаланаш — опорный пункт белогвардейских восстаний 1918—1919 гг.; Вечкуткин поддерживал связь с Джаркентом, а Байбулин был делегирован в Китай, к Дутову, для координации всех действий[2].

Сам Бойко направился в Джаркент, где провел аналогичную работу, объединяя все контрреволюционные силы вокруг станции Голубовской (Борохудзар). 21 сентября Бойко возвратился в Алма-Ату. Доложив результаты поездки, он подвел итоги: в станице Б. Алма-Атинской имелось до 80 хорошо вооруженных участников организации, в Талгаре — 250, в Надеждинской — 200, в Тюргене (Михайловском) — 80, в Чилике (Зайцевском) — 1000 и Джаланаше — 50[3].

В соответствии с этими силами заговорщики разработали следующий план выступления: ночью, на подводах и верхом, вооруженные казаки и кулаки направляются на сборный пункт в станицу Надеждинскую, находящуюся в 50 километрах от Алма-Аты. Затем через станицы Талгар, Б. Алма-Атинскую и М. Алма-Атинскую к ним присоединяются остальные белогвардейцы. Сводный от-

[1] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 69, 31 марта 1921 г.

[2] ЦГА УзССР, ф. 1704, оп. 1, д. 1, л. 28.

[3] Там же, л. 25 об.

ряд двинется к Алма-Ате[1]. Ворвавшись в город, восставшие захватывают крепость со всеми артиллерийскими складами, разоружают учебный батальон, дунганский полк и кавалерийские курсы, громят ОблЧК и Особый Отдел, после чего переворот заканчивается, ибо по мысли заговорщиков успех в Алма-Ате должен всколыхнуть все антисоветские силы в области и восстание распространится повсеместно[2].

Вскоре после разработки плана выступления, Бойко получил от Дутова письмо с конкретными заданиями по обеспечению дутовских банд, которые перейдут границу тотчас же после начала восстания. «Продовольствие нужно на первое время, — писал Дутов. — Хлеб по расчету на 1000 человек на три дня должен быть заготовлен в Варухадзиле и Джаркенте. Нужен и клевер, овес, также мясо; такой же запас в Чилике... Сообщите точное число войск на границе»[3].

Однако тщательно разработанный план контрреволюционеров был обречен на провал. Чрезвычайная Комиссия получила данные о том, что в станице Надеждинской у Романа Шустова и Антона Есютина собираются тайные сборища, которые несколько раз посетил Бойко. Чекисты установили тщательное наблюдение и вскоре начали выявляться и другие связи Бойко. Спустя некоторое время перед ЧК ясно вырисовывались контуры хорошо законспирированной, разветвленной и крупной контрреволюционной организации. В середине декабря 1920 г., перед предполагавшимся выступлением контрреволюционеров, Чрезвычайная Комиссия приступила к осуществлению плана их ликвидации. На места выехала специальная экспедиция ОблЧК, облеченная чрезвычайными полномочиями. В результате оперативно-следственной работы, проведенной экспедицией, было выявлено около 1800 участников контрреволюционной организации Бойко, у заговорщиков обнаружены и изъяты большие запасы оружия и боеприпасов[4]. Было возбуж-

---

[1] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 69, 31 марта 1921 г.

[2] ЦГА УзССР, ф. 457, оп. 1, л. 34 об.

[3] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 118, 31 мая 1921 г.

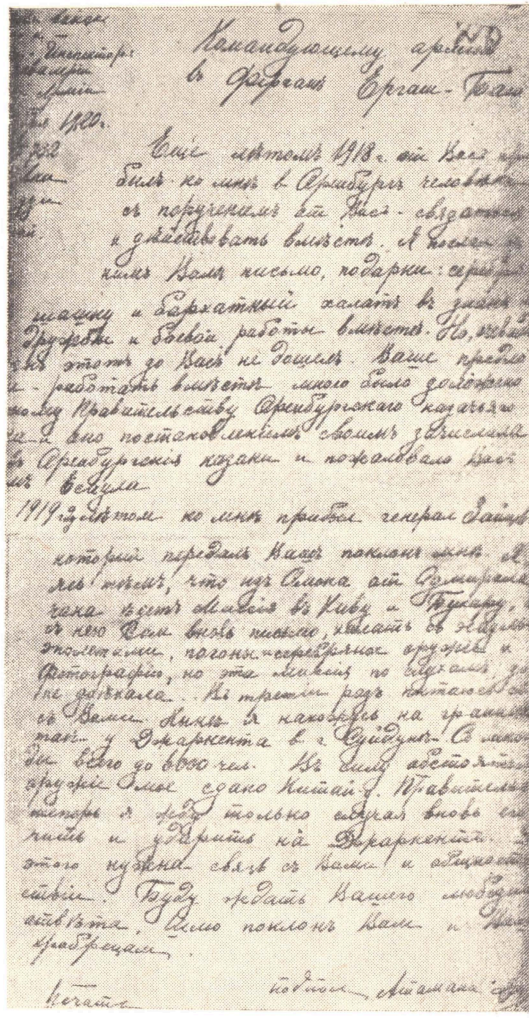
[4] ЦГА УзССР, ф. 1704, оп. 1, д. 1, л. б/н.

дено свыше 1000 уголовных дел, из которых к концу марта 1921 г. расследовано больше половины.

Оперативно-розыскные и следственные мероприятия, проводимые экспедицией ОблЧК, тесно сочетались с полным подавлением сопротивления кулачества советскому строительству. Большая работа была проведена по обеспечению выполнения кулаками продразверстки. Если из 200 тыс. пудов хлеба, положенных по разверстке, в восточной части Алма-Атинского уезда в течение пяти месяцев было сдано лишь 28 тыс. пудов, то только за один месяц работы чекистской экспедиции кулаками было сдано 84 тыс. пудов хлеба. Принятыми мерами был произведен также учет транспортных средств, в результате чего было выявлено около 60% этих средств, спрятанных кулаками[1]. И все же семиреченский контрреволюционный очаг полностью не был ликвидирован. Предстояла еще большая и кропотливая работа.

В начале 1921 г. в белогвардейских кругах Синьцзяна было замечено значительное оживление. Разрабатывались планы вооруженного вторжения на советскую территорию, распространялись антисоветские листовки, призывавшие к походу против Советской России[2]. Возглавлял эту деятельность небезызвестный своими кровавыми злодеяниями атаман Дутов. Выполняя волю своих зарубежных хозяев, этот заклятый враг Советской власти стремился нанести объединенный удар и настойчиво искал связей с ферганскими басмачами. В октябре 1920 г. в письме к одному из главарей басмаческих шаек, так называемому «командующему армией» в Фергане, Иргашу — Дутов писал: «Еще летом 1918 года от Вас прибыл ко мне в Оренбург человек с поручением от Вас— связаться и действовать вместе. Я послал с ним Вам письмо, подарки: серебряную шашку и бархатный халат в знак нашей дружбы и боевой работы вместе. Но, очевидно, человек этот до Вас не дошел. Ваше предложение — работать вместе, мною было доложено Войсковому правительству Оренбургского казачьего войска и оно постановлением своим зачислило Вас в оренбургские казаки и пожаловало Вас чином есаула. В 1919 году летом ко мне прибыл генерал Зайцев, который передал

[1] ЦГА УзССР, ф. 1704, оп. 1, д. 1, л. 30.
[2] «Военная мысль», № 3, 1921 , Ташкент, стр. 90.

Копия письма атамана Дутова главарю басмачей Иргашу.

Ваш поклон мне. Я, пользуясь тем, что из Омска от адмирала Колчака едет миссия в Хиву и Бухару, послал с нею Вам вновь письмо, халат с есаульскими эполетами, погоны и серебряное оружие и мою фотографию, но эта миссия, по слухам, до Вас не доехала. В третий раз пытаюсь связаться с Вами. Ныне я нахожусь на границе Китая у Джаркента в г. Суйдуне. Со мной отряды всего до 6000 человек. Теперь я жду только случая ударить на Джаркент. Для этого нужна связь с Вами и общность действий. Буду ждать Вашего любезного ответа».

Готовясь к новому походу, Дутов выпустил обращение к населению, в котором излагались цели и задачи борьбы с большевиками, приправленные обещаниями всеобщего благоденствия и процветания.

Но трудящиеся хорошо знали, что представляет из себя дутовщина. Трудно перечислить все преступления, которые совершили банды Дутова. Приход Дутова сопровождался массовыми арестами и избиениями рабочих. Свистели казачьи нагайки, полосовал спины атаманский клинок. Рабочими переполнялись тюрьмы. Днем и ночью работал дутовский военно-полевой суд[1].

Именно в дни активизации деятельности белогвардейского атамана чекисты решили организовать похищение Дутова и предать его за совершенные им перед народом злодеяния, суду Революционного Трибунала. Это был смелый и дерзкий план, но выполнение его было по плечу чекистам — лучшим сынам Коммунистической партии и советского народа, не жалевшим жизни своей в суровой и опасной борьбе с врагами.

Совершенно очевидно, что реализация намеченного плана могла быть поручена лишь тем, кто имел известную близость к Дутову и пользовался его полным доверием. В противном случае было бы практически невозможно организовать похищение атамана: он был очень подозрителен, как правило, из крепости Суйдун никуда не отлучался и тщательно охранялся верными ему казаками.

Поэтому план операции подразделялся на два этапа: первый — проникновение в ближайшее окружение Дутова, второй — похищение. Осуществление разработанного

[1] Из воспоминаний Ф. Горшкова. Гражданская война в Оренбургском крае, Чкалов, 1939, стр. 160.

плана было поручено группе чекистов, возглавляемой Касымханом Чанышевым. Выбор Чанышева был не случаен. У него в Кульдже имелись родственники и знакомые. Это обстоятельство было использовано Чанышевым для объяснения причин перехода границы.

Спустя несколько дней после прибытия Чанышева в Кульджу, он встретил на улице бывшего городского голову Джаркента Миловского, который бежал в Синьцзян, спасаясь от ожидавшего его суда Революционного Трибунала. Миловский всячески поносил Советскую власть. Чанышев согласно данному ему заданию поддакивал Миловскому и доверительно сообщил ему, что в Джаркенте знает ряд лиц, имеющих оружие, которых, если объединить, можно совершенно безболезненно поднять на восстание. Надо только, чтобы их действия были поддержаны.

Сообщение Чанышева заинтересовало Миловского и он тут же предложил ему познакомиться и переговорить с попом Ионой—доверенным лицом Дутова. В этот же день вечером Миловский привел попа на квартиру родственников Чанышева, у которых тот остановился.

После длительного разговора и изучения друг друга, священник сказал: «Я человека узнаю по глазам. Вы — наш человек и вам необходимо познакомиться с атаманом. Он человек хороший и, если вы будете помогать ему, то он вас никогда не забудет». В заключение поп предложил вечером следующего дня приехать в Суйдун, где был штаб Дутова, пройти к казарме и у часового спросить попа Иону, после чего его проводят к нему. Но Чанышев хотел встретиться с Ионой не в казарме, а в квартире Дутова и поэтому приехал в Суйдун лишь через день. Здесь он случайно встретил полковника Аблайханова, которого знал еще с детства. Чанышев пригласил полковника пообедать в харчевне. Разговорились. Аблайханов сказал, что служит переводчиком у Дутова. Рассказав Аблайханову о желании работать на Дутова, Чанышев просил помочь встретиться с атаманом. Аблайханов обещал и вскоре встреча состоялась, причем Дутов принял Чанышева одного, предварительно выслав всех из комнаты.

Обстоятельная беседа с подозрительным Дутовым закончилась тем, что он предупредил Чанышева, что в случае измены, найдет его даже на дне моря и расстре-

ляет. В ходе беседы договорились, что Чанышев вернется в Джаркент и приступит к подготовке восстания. Чанышев должен был информировать Дутова о военно-политическом положении в уезде, подобрать верных людей, которые будут осуществлять связь с Дутовым. После получения первых сведений Дутов обещал направить в Джаркент своего человека в качестве помощника Чанышеву. Через несколько дней после возвращения Чанышева в Джаркент, к Дутову в качестве связного был направлен чекист Махмуд Ходжамиаров с письмом, в котором излагались сведения военно-политического характера. Сведения эти, естественно, были ложными. Получив письмо, Дутов направил к Чанышеву некого Нехорошко в качестве помощника. Это явилось первым признаком доверия, оказываемого Чанышеву.

Последующие свои «донесения» Чанышев направлял Дутову, чередуя связных. Это дало возможность сформировать группу чекистов, которые, пользуясь правом беспрепятственного доступа лично к Дутову, должны были осуществить намеченную операцию. Кроме того, установившаяся переписка позволила чекистам быть в курсе основных планов атамана. Вот, что отвечал, например, Дутов на вопрос Чанышева о положении дел, о времени и возможности выступления против Советской власти: «Письмо ваше получил. Теперь сообщаю новости. Анненков уехал в Хами. Все находящиеся теперь в Китае мною объединены. Имею связь с Врангелем. Наши дела идут отлично. Ожидаю на днях получения денег, они уже высланы. Сообщите точно число войск на границе, как дела под Ташкентом и есть ли у Вас связь с Иргашбаем».

Дутов периодически высылал Чанышеву воззвания и антисоветские листовки, которые просил распространять среди населения. В конце ноября 1920 г. Дутов отправил с Ходжимиаровым большую партию воззваний и просил Чанышева сообщить, получены ли воззвания, так как он намерен продолжать их высылку. Чанышев сообщил атаману, что его поручение выполнено.

В одном из писем Дутов, в знак своего особого расположения и доверия к Чанышеву, послал ему свою фотокарточку с теплой надписью. Все это давало основание полагать, что первый этап операции выполнен успешно. В первых числах января 1921 г. было решено

полностью завершить намеченный план. Однако этому помешало вспыхнувшее в маньчжурском полку восстание. Въезд в крепость Суйдун в связи с этим был запрещен.

В конце января подготовка к операции была завершена, а само похищение Дутова решено было провести 6 февраля. К этому дню в Суйдун съехались участники операции. Все они были тщательно проинструктированы, каждый четко знал свои обязанности. У ворот крепости с лошадьми наготове должны были находиться Азиз Ашурбакиев, Кудек Баймысаков и Юсуп Кадыров. Баймысаков должен был «убрать» часового, стоявшего у дверей квартиры Дутова, тотчас же после того, как к нему пройдет Ходжамиаров с письмом от Чанышева. Ходжамиаров же, оглушив Дутова, должен был позвать Баймысакова и вместе с ним втиснуть атамана в мешок и вынести его. В случае, если кто-нибудь заинтересуется содержанием мешка, сказать, что несут полученные воззвания. Сам Чанышев должен был находиться неподалеку от дверей караульного помещения и, в случае возникшей в том необходимости, открыть огонь по окну и двери помещения и задержать конвой.

Войдя к Дутову, Ходжамиаров передал ему письмо следующего содержания: «Господин атаман, хватит нам ждать, пора начинать. Все сделал. Готовы. Ждем только первого выстрела, тогда и мы спать не будем. Ваш Чанышев». В ту минуту, когда Дутов начал читать письмо, Ходжамиаров ударом оглушил его и сразу же позвал Баймысакова. Но тут в комнату неожиданно зашел адъютант Дутова, который проходил мимо и обратил внимание на отсутствие часового. Увидев в комнате Ходжамиарова и Баймысакова, которые склонились над оглушенным атаманом, адъютант выхватил оружие, но был убит успевшим выстрелить раньше Баймысаковым.

Конвоиры пытались выбежать из караульного помещения, но путь им преградил Чанышев. Ходжамиаров, видя, что похитить в такой обстановке Дутова невозможно, выстрелом в упор убил атамана. Убедившись, что Дутов мертв, Ходжамиаров и Баймысаков выпрыгнули через окно во двор и бросились к воротам крепости. К ним присоединился и Чанышев. Все трое вскочили на коней и, отстреливаясь, галопом помчались к границе. Вскоре они были в безопасности.

Хотя чекистам и не удалось полностью осуществить задуманную операцию, но сам факт ликвидации Дутова—руководителя контрреволюционных сил в Синьцзяне, готовившего поход против Советской власти, имел важное значение. Синьцзянский контрреволюционный очаг был обезглавлен в период его наибольшей активности.

Белогвардейские вожаки возлагали большие надежды на север Семиречья, где их агентам удалось создать ряд подпольных организаций, имевших цель поднять восстание против Советской власти.

В марте 1921 г. чекистами в Копальском уезде были раскрыты две антисоветские организации, все участники которых были арестованы[1], а в первых числах апреля была ликвидирована контрреволюционная группа, возглавлявшаяся матерым белогвардейцем Мухрановым[2].

В конце марта 1921 г. Джаркентским Политбюро были получены данные о том, что в Джаркент из Китая тайно прибыл некто Дмитриев, который имеет задание подготовить выступление против Советской власти. За Дмитриевым было организовано тщательное наблюдение, давшее возможность установить его связи, которые подтвердили предположения о том, что в Джаркенте орудует довольно крупная подпольная белогвардейская организация. Политбюро приступило к ее активной разработке. Вскоре на границе были захвачены три члена этой организации, посланные для связи в Китай. Связные подтвердили, что джаркентские контрреволюционеры связаны с генералом Щербаковым, осуществлявшим руководство организацией[3]. Одновременно были получены сведения о готовящемся выступлении сподвижника Анненкова—белогвардейского полковника Белянина, в распоряжении которого имелось до 1000 вооруженных винтовками и 8 пулеметами бойцов[4].

В апреле 1921 г. контрреволюционеры начали активные действия: часть отряда Белянина примерно 250 хорошо вооруженных бандитов проникла в Лепсинский уезд. Тем временем крупная банда есаула Гноева, состоящая из двух кавалерийских, двух стрелковых полков

[1] ЦГА УзССР, ф. 457, оп. 1, д. 1, л. 31.
[2] Там же, ф. 17, оп. 3, д. 10, л. 50.
[3] Там же, л. 14
[4] Там же, ф. 1704, оп. 1, д. 1, л. 31.

и пулеметной команды, начала оперировать на китайской границе у перевала Хабара-Су. Характерно, что банда выступала под лозунгом «Да здравствует Советская власть, долой коммунистов»[1].

Это был элемент новой тактики контрреволюции на данном этапе. Убедившись в исключительной популярности Советов, контрреволюционеры вынуждены были отказаться от старого лозунга «Долой Советы». Они прекрасно понимали, что Советы это только форма государственной власти, главным же является то — кто будет направлять деятельность Советов. Выдвигая лозунг «Советы без коммунистов», контрреволюционеры направляли основной удар против Коммунистической партии, как руководящей и направляющей силы диктатуры пролетариата.

Вскрывая классовую сущность этого лозунга, В. И. Ленин указывал: «Милюков прав против Черновых и Мартовых, ибо выдает *действительную* тактику *действительной* белогвардейской силы, силы капиталистов и помещиков: давайте поддерживать кого угодно, даже анархистов, какую угодно Советскую власть, *лишь* бы свергнуть большевиков, *лишь* бы осуществить *передвижку власти!* Все равно, вправо или влево, к меньшевикам или к анархистам, лишь бы передвижку власти от большевиков; а остальное,—а остальное «мы», Милюковы, «мы», капиталисты и помещики «сами» сделаем, анархистов, Черновых, Мартовых мы шлепками прогоним»[2].

Крайне осложнившееся положение побудило Чрезвычайную Комиссию приступить к немедленной ликвидации контрреволюционной организации в Джаркенте. Было арестовано 30 ее активных участников, изъято много оружия[3]. Одновременно облЧК выслала экспедицию в Лепсинский уезд для ликвидации банды Белянина. Белогвардейцы Белянина были полностью разбиты, а сам он взят в плен. Вскоре была разгромлена и банда Гноева.

Разгром Чрезвычайной Комиссией контрреволюционных гнезд в Семиречье сорвал план иностранных империалистов и усилил разложение среди контрреволю-

[1] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 3, д. 10, л. 3 обор.
[2] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 239.
[3] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 3, д. 10, л. 5.

ционной эмиграции в Синьцзяне. Однако наличие на территории Синьцзяна остатков вооруженных белогвардейских банд создавало постоянную угрозу вражеского вторжения в советское Семиречье. Необходимо было раз и навсегда покончить с белогвардейцами.

Достигнув соглашения с китайскими властями о ликвидации белогвардейских банд и получив от них официальное письменное приглашение, 24 мая 1921 г. наши части перешли китайскую границу и в двух направлениях двинулись на лагерь, в котором находились банды Бакича. В ходе военных действий белогвардейские банды были окончательно разгромлены. Оценивая значение этих операций, Полномочный Представитель ВЧК на территории Туркестана Я. Петерс писал: «Разгром белогвардейских банд вблизи нашей границы имеет колоссальное значение для семиреченской бедноты. При проведении земельной реформы в Семиречье, надежда обнаглевшего кулачества была помощь Бакича, теперь же эта помощь не существует и семиреченская беднота смело может стать на путь ликвидации всех остатков царской колонизаторской политики в Семиречье»[1].

Разгром остатков белогвардейских банд на территории Китая был последним звеном в цепи мероприятий, осуществленных по ликвидации контрреволюционного очага в Семиречье.

Поражения армий белогвардейцев и интервентов вынудило заправил капиталистического мира и их разведки изыскивать новые способы борьбы с Советской властью. В этот период цель империалистических разведок, наряду с широким использованием экономического вредительства, заключалась в том, чтобы сколотить сохранившиеся на советской территории кадры внутренней контрреволюции, организовать и оживить их деятельность, установить прочную связь между ними и зарубежными контрреволюционными центрами. Говоря на X съезде партии о продолжении империалистами вооруженной борьбы против Советской власти, В. И. Ленин отмечал, что «их военные действия против нас приняли форму менее военную, но в некоторых отношениях более тяжелую и более опасную для нас»[2].

---

[1] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 118, 31 мая 1921 г.
[2] *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 4.

Однако все планы иностранных империалистов и внутренней контрреволюции в Туркестане проваливались один за другим. Органы ЧК, накопившие большой опыт борьбы с контрреволюцией, своевременно рвали шпионско-заговорщическую паутину, как бы искусно она ни была сплетена.

Мервская уездно-городская Чрезвычайная Комиссия ликвидировала в начале ноября 1920 г. контрреволюционный заговор технического персонала Гиндукушских сооружений. Заговорщики — заведующий гидротехнической станцией Сугробов, техники Правосудов и Сахаров, намечали организовать взрыв моста на плотине гидроэлектростанции и Иолотанской плотины. План ими был тщательно разработан, они ожидали только подходящего момента для осуществления своих преступных замыслов. После осуществления диверсии заговорщики должны были бежать в Афганистан под крылышко своих хозяев[1].

В 1921 г. английская разведка особенно активизировала свою деятельность. По этому поводу ТуркЧК сообщала в информационной сводке, что «в Закаспии отмечается работа английского шпионажа, главное место сосредоточения которого персидское и афганское консульства[2]. Закаспийская Обл. ЧК проделала большую работу по обезвреживанию английских шпионов.

В начале мая в г. Полторацке два английских шпиона занимались вербовкой агентуры среди преступных элементов, которых они затем рассылали по городам для сбора сведений и распространения ложных провокационных слухов о Советской власти. Получив оперативным путем эти сведения, Закаспийская облЧК приняла меры к полному выявлению всех связей и явок шпионов. Уже к середине мая шпионская сеть, насчитывавшая 50 человек, была полностью ликвидирована[3].

Тогда же, в мае 1921 г. в Чарджоу и Полторацке, в результате умелой организации, правильного взаимодействия Закаспийской ОблЧК и окружной транспортной Чрезвычайной Комиссии, была раскрыта крупная подпольная контрреволюционная организация, насчитывавшая около 200 человек.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 7, л. 18.
[2] Там же, ф. 17, оп. 3, д. 10, л. 41.
[3] Там же, л. 5 об. и 17.

За месяц до ее ликвидации ряд рабочих судоремонтных мастерских в г. Чарджоу сообщил в ЧК о подозрительных, на их взгляд, тайных собраниях, устраиваемых некоторыми бывшими царскими офицерами совместно с анархиствующими матросами Амударьинской флотилии, которая базировалась в Чарджоу. Сообщение рабочих заинтересовало чекистов и, по личному указанию Полномочного Представителя ВЧК Я. Х. Петерса, в Чарджоу был направлен чекист Абдулла Кадыров.

В Чарджоу Кадыров случайно познакомился с капитаном парохода «Самсон» неким Туювым, который принял Кадырова за спекулянта наркотиками. Кадыров не стал разубеждать своего нового знакомого и даже обещал принести ему 20 ампул наркотиков, но при этом заметил, что это будет стоить недешево. Туюв, посмеявшись над опасениями Кадырова, хвастливо заявил, что в скором будущем у него будет прекрасное положение и в неограниченном количестве деньги.

Хвастливое заявление Туюва заинтересовало Кадырова и он попытался выяснить у капитана, каким образом тот может разбогатеть. Во время последующих встреч Туюв проникся доверием к Кадырову и в одной из бесед рассказал что здесь у них есть организация и все, кто в ней участвует, скоро станут очень богатыми людьми, и, если Кадыров хочет, то он поможет ему вступить в эту организацию, так как по всему видно, что он свой парень.

Договорились с Туювым о встрече 24 апреля у штаба флотилии. Точно в назначенное время чекист пришел к месту встречи. Вскоре подошел Туюв и они вошли в штаб. У дверей одного из кабинетов стоял часовой, которому Туюв тихо сказал пароль и добавил, показывая на Кадырова: «Этот со мной». В большой комнате было уже до десятка матросов. Все время входили новые участники собрания. Находившийся здесь же комендант штаба Чернецкий вел учет присутствовавших. Скоро собралось около ста человек и было решено начать собрание.

Туюв встал и представил Кадырова как разделяющего взгляды членов организации и попросил разрешить ему принять участие в собрании. Некоторые из присутствующих стали возражать, говоря, что Кадыров никому не известен, но Туюв заявил, что Кадыров «свой

человек». Большинство голосов было за разрешение Кадырову присутствовать, тем более, что за него ручался Туюв.

Началось собрание. Первым выступил начальник флотилии Калинин. Он призывал участников заговора к сплочению и предложил план захвата склада с оружием. Калинин заверил всех в успехе намечаемого восстания, так как «Чарджоу в наших руках». Сменивший Калинина комендант штаба флотилии Чернецкий информировал заговорщиков о том, что оружие имеется в достаточном количестве и в нужный момент можно будет быстро вооружить всех восставших.

Кадыров понял, что он попал на собрание той подпольной организации, о которой сообщили в ЧК рабочие. Успешное проникновение его в ряды организации было лишь началом кропотливой и опасной работы, которую должны были провести чекисты для полной ликвидации контрреволюционного гнезда.

Тщательно проанализировав добытые Кадыровым данные, руководство Туркестанской ЧК приняло решение направить в Чарджоу оперативную группу опытных чекистов. Одновременно Я. Х. Петерс обязал все органы ЧК, находившиеся в Чарджоу (Особый Отдел, окружную транспортную и территориальную ЧК) координировать свою деятельность с оперативной группой.

Тщательно разработанные мероприятия позволили чекистам проникнуть не только в среду заговорщиков, но и в руководящее ядро организации, установить процесс ее создания, цели, которые ставили перед собой заговорщики, и методы, которыми они пытались осуществить намеченные планы.

Еще в марте 1921 г. по заданию подпольного эсеровского центра, в Чарджоу для подготовки восстания прибыли 17 активных участников контрреволюционного Кронштадтского мятежа, сумевших избежать ареста. Попустительство, а зачастую и прямая поддержка командования Амударьинской флотилии позволили мятежникам сколотить анархо-эсеровскую организацию под весьма примечательным названием «Лови момент». Ее руководители разработали специальные вступительные анкеты, развернули агитационную работу по вовлечению в ряды организации новых членов и деятельно готовились к активным действиям против Советской власти.

Подрывная деятельность «Лови момент», хотя и была пресечена чекистами, которые сумели установить, арестовать и предать суду Революционного Трибунала инициативную группу кронштадтских мятежников, однако организация окончательно ликвидирована не была и часть ее членов сумела скрыться. Этим обстоятельством и воспользовалось контрреволюционно настроенное белогвардейское командование флотилии. Заговорщики привлекли на свою сторону уцелевшую от разгрома часть анархистов и стали усиленно готовиться к восстанию. Во главе заговора стали: начальник штаба флотилии Витте — родственник бывшего царского министра, бывшие деникинские офицеры — военком штаба флотилии Попов, начальник музыкантской команды Назаров, комендант штаба Чернецкий, капитан парохода «Самсон» Туюв и некоторые другие.

Контрреволюционеры разработали строго законспирированную схему связи, установили места секретных явок, сборов и приняли меры к налаживанию и укреплению сотрудничества с другими контрреволюционными организациями для нанесения совместного удара. В начале мая они направили своих представителей в Москву, Баку и ряд других городов, намереваясь получить помощь оружием и людьми, а также инструктаж по координации объединенных действий. В Чарджоу заговорщики развернули интенсивную антисоветскую деятельность. Их агенты проводили контрреволюционную агитацию на базарах, в ремонтных мастерских и частях флотилии. Пытаясь спровоцировать антисоветские выступления рабочих Чарджоуского порта, подпольный центр дал задание членам организации — заведующему мастерских Вилантеру и инженеру порта Рейнгользену (бывшему царскому морскому офицеру) всячески тормозить ход ремонтных работ и ставить рабочих в заведомо невыносимые условия труда, угрожая им в случае неповиновения арестами и тюрьмой.

Основную ставку заговорщики делали на выступление моряков флотилии, из которых почти половина (100 чел.) входила в контрреволюционную организацию. В ведении флотилии находился артиллерийский склад, а на вооружении она имела 27 орудий и 35 пулеметов. Кроме того, в тайниках заговорщики хранили 10 пулеметов и большое количество винтовок. Выступление плани-

ровалось на середину мая, уточнение даты восстания ставилось в зависимость от получения пополнения, за которым выехал в Москву начальник флотилии Калинин.

Получив через проникших в стан врага чекистов все эти сведения, руководство оперативной группы приняло решение провести операцию по ликвидации заговора и заговорщиков. Положительно характеризуя проделанную чекистами работу, Я. Х. Петерс 7 мая 1921 г. направил заместителю председателя ВЧК И. С. Уншлихту следующую телеграмму: «В результате всего этого нами раскрыт контрреволюционный заговор среди Амударьинской флотилии в г. Чарджоу. Заговоре замешан весь командный состав, во главе начштаба и комиссара, участвуют около 100 человек. При неудаче решено с пароходами отступить в Афганистан. Нами приняты все меры к предотвращению заговора, а также и бегства. Из Ташкента высланы лучшие силы чекистов. Воскресенье выезжает для ликвидации начальник ОО[1] тов. Кевейша».

13 мая руководители заговора собрались на секретное совещание в помещении городской аптеки для установления точной даты выступления и разработки деталей плана восстания.

Когда участники совещания собрались, дом был окружен. По условному сигналу чекисты ворвались в аптеку. Заговорщики настолько растерялись, что даже не спрятали лежавшие на столе документы. Одновременно чекистские группы произвели аресты других участников заговора и изъяли спрятанное оружие. Заговор был сорван, а подпольная антисоветская организация ликвидирована.

Одновременно с борьбой против шпионско-белогвардейских заговоров и экономической контрреволюции туркестанские чекисты в 1920—1921 гг. нанесли мощные удары по так называемому «левому крылу» контрреволюции. После своего полного политического банкротства партии эсеров и анархистов не отказались от борьбы против Советской власти, они лишь изменили тактические приемы. Эсеры, например, стали внедрять свою агентуру в советские органы, с целью подрыва Советской власти изнутри. Большие надежды возлагались ими на разрыв союза рабочего класса и крестьянства, то есть на расшатывание классовой основы пролетарского государства.

Ряд оперативных мер, принятых чекистами, позволил

[1] Особого Отдела.

установить в Ташкенте подпольную право-эсеровскую организацию, насчитывающую около 150 членов. Характеризуя их деятельность, ТуркЧК сообщала в Совнарком: «Подпольно подзуживают рабочие массы, используя каждое затруднительное положение Советской власти или недостатки наших советских аппаратов... Проникают под видом коммунистов в наши партийные организации с целью их разложения»[1]. Право-эсеровские организации развили подпольную работу не только в Ташкенте, но и в г. Аулиэ-Ате и в Закаспии[2].

Своевременность предпринятых ЧК Туркреспублики мер по ликвидации право-эсеровских подпольных групп подтвердила изъятая при ликвидации аулиэатинской эсеровской организации, у некоего Бонке, инструкция о методах и формах борьбы против Советской власти. Вот некоторые выдержки из этой инструкции:

«§ 1. Организация против большевиков;

§ 2. Вербовка безусловно надежных членов;

§ 18. Организация имеет связь с Англией;

§ 23. Приобрести точные сведения о наличности оружия и сил противников (то есть у большевиков — *Р. А., Н. М.).*

§ 25. Весьма важно и необходимо завербовать члена из Совдепа, дабы иметь возможность узнать точное содержание его распоряжений.

§ 26. Установить связь с почтой, дабы знать содержание партийных телеграмм.

§ 31. Агитационный отдел должен обратить внимание на то, *чтобы крестьяне относились к рабочим враждебно»* (подчеркнуто нами — *Р. А., Н. М.).*

Надеждам врагов революции не суждено было сбыться — они были разгромлены Туркестанской Чрезвычайной Комиссией.

В конце 1921 г. были ликвидированы в Ташкенте и Алма-Ате подпольные террористические организации анархистов. Раскрывая цели ташкентской организации анархистов, циркулярное письмо ЦК РКП(б) указывало, что «в Ташкенте организована группа с целью взрыва телеграфа и проведения личного террора»[3].

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 9а, л. 137 об.
[2] Там же, ф. 17, оп. 3, д. 10, л. 194.
[3] Там же, д. 18, л. 17.

В Алма-Ате действовала группа анархистов-«черепановцев»[1]. Накануне 1 мая 1921 г. они разбросали по городу прокламации, в которых сообщали, что скоро ими будет устроена «Варфоломеевская ночь»[2]. Они пытались также вести агитационную работу в воинских частях и среди крестьянской молодежи. Выявив всех членов этой организации, Семиреченская ОблЧК в октябре 1921 г. провела операции по ее ликвидации[3]. Анархо-эсеровскому подполью был нанесен сокрушительный удар.

Наряду с разоблачением и ликвидацией шпионско-диверсионных и вредительских организаций, чекисты Узбекистана вели успешную борьбу с буржуазными националистами, которые, потерпев поражение в открытой борьбе с Советской властью, перешли к подпольным методам борьбы. Маскируясь громкими фразами о национальном движении, они вступили в союз с иностранными империалистами, в надежде с их помощью уничтожить завоевания социалистической революции, даже, если для этого потребуется отдать страну на разграбление капиталистическим хищникам.

Разведывательные службы империалистических государств и их генеральные штабы всячески поощряли деятельность буржуазных националистов и использовали их для реализации своих планов, направленных на организацию новых походов против Советского Союза.

Органам государственной безопасности Узбекистана удалось ликвидировать контрреволюционную буржуазно-националистическую организацию «Милли-Истиклял», которая была раскрыта следующим образом.

Внимание чекистов привлекла попытка некоторых лиц, известных своими буржуазно-националистическими взглядами, установить связь с дипломатическими представителями одного из иностранных государств. Вскоре чекисты располагали очень любопытным документом, из которого явствовало, что в Ташкенте существует

---

[1] Член ЦК партии левых эсеров Донат Черепанов вместе с лидером «анархистов подполья» К. Ковалевичем создали бандитско-террористическую организацию под громким названием «Всероссийский штаб революционных партизан». Они-то организовали взрыв в зале заседаний Московского комитета партии 25 сентября 1919 г. (подробнее об этом см. *П. Г. Софинов,* Очерки истории ВЧК, М., 1960, стр. 194—196).

[2] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 3, д. 10, л. 61.

[3] Там же, д. 26, л. 60.

контрреволюционная буржуазно-националистическая организация, возглавляемая Абдурашитовым. Прощенный Советской властью за преступления, совершенные им как одним из руководителей «Комитета национального объединения», Мунавар Кары Абдурашитов не прекратил своей подрывной деятельности. Вновь сколотил он антисоветскую подпольную организацию «Милли-Истиклял».

Лелея мечту о создании «независимого» буржуазного узбекского государства, националисты проникали во все поры советского и хозяйственного аппаратов Узбекистана, в научные учреждения, учебные заведения, всюду, где можно было вести подрывную работу против советского строя. Националистическая организация считала, что основным средством, могущим обеспечить достижение ее цели — ликвидацию Советской власти, является интервенция. В связи с этим перед членами организации была поставлена задача подготовить и сколотить враждебные Советам силы для выступления внутри страны и тем самым облегчить нападение интервентов. В своей звериной ненависти к Советскому государству националисты соглашались превратить Узбекистан в английскую колонию.

Контрреволюционеры активизировали антисоветскую деятельность на идеологическом фронте, они стремились захватить советский аппарат, насаждая в него националистически настроенные элементы, для чего использовали лозунг о коренизации государственного аппарата. Значительное внимание, наконец, уделялось связям с эмигрантскими центрами.

Следствием было установлено, что руководители «Милли-Истиклял» через дипломатические представительства некоторых иностранных государств установили связь с главарями тюркской эмиграции Чокаевым и Валидовым и получали от них конкретные «установки» на проведение контрреволюционной деятельности. Вот, например, одна из таких директивных установок Чокаева: «Организация в массах духа пассивного сопротивления. Для этого не следует создавать организации по примеру прошлых лет, ибо организация неизбежно обречена на провал, нужно же организовать пропаганду идей пассивного сопротивления в массах, как, например, в вопросе о посевах хлопка, переселения».

Абдурашитов в ходе следствия признался, что после получения директивы Чокаева, он дал членам организации указание организовать в широких масштабах вредительство в области хлопководства. Органы государственной безопасности установили, что обострение советско-китайских отношений во время известных событий на Китайско-Восточной железной дороге было воспринято нашими врагами как начало интервенции, в связи с чем Абдурашитов потребовал приступить к уничтожению посевов хлопка.

Установив связь с эмигрантским центром, буржуазные националисты направляли туда различную информацию о внутриполитическом и экономическом положении Узбекистана. Если учесть при этом, что круг вопросов, по которым представлялась информация, устанавливался разведывательными службами ряда империалистических государств, то становится совершенно очевидной контрреволюционная направленность деятельности членов «Милли-Истиклял».

Наступление на капиталистические элементы города и деревни, предпринятое в связи с социалистической индустриализацией страны и коллективизацией сельского хозяйства, сопровождалось, как известно, обострением классовой борьбы внутри страны и активизацией деятельности империалистических держав, направленной против Советского Союза. Империалисты всячески поддерживали внутреннюю контрреволюцию, усилили шпионско-диверсионную и иную подрывную деятельность против СССР. Эта новая обстановка возлагала на органы государственной безопасности новые серьезные задачи. Именно в этот период чекисты разоблачили и ликвидировали ряд новых подпольных контрреволюционных центров и вредительских организаций, а также шпионских и диверсионных групп иностранных разведок, попрежнему успешно справляясь с возложенными на них задачами по охране государственной безопасности Советского Союза.

Значительный вклад в это всенародное дело борьбы за социализм внесли и органы государственной безопасности Узбекистана, которым, главным образом, пришлось вести борьбу с происками английской разведки.

Не желая примириться с успехами социалистического строительства в Средней Азии, английские империали-

сты через свои разведывательные службы пытались насадить в республиках Советского Востока шпионско-диверсионные гнезда, максимально активизировали подрывную деятельность. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы убедительно свидетельствуют о том, что чекисты Узбекистана успешно обезвреживали агентуру империалистических разведок, разоблачали коварные планы империалистов.

...Темной-сентябрьской ночью, при попытке перейти государственную границу, пограничниками был задержан нарушитель. При обыске у него были обнаружены документы на имя Смирнова, пистолет, шифр и ключ к нему, а также зашифрованная запись условных адресов для связи и 5880 рублей советских денежных знаков.

Первые же допросы доставленного в Ташкент Смирнова раскрыли всю глубину морального падения этого белоэмигранта, вставшего на путь предательства. Бежав за границу, Смирнов поселился в Мешхеде, где был завербован английской разведкой. В течение трех месяцев он под руководством английского военного атташе майора Хамбера проходил обучение для последующей разведывательной деятельности на территории Советского Союза. В конце августа Хамбер устроил Смирнову экзамен и, оставшись доволен его результатами, сказал, что на следующих занятиях Смирнов будет проинструктирован по поводу своей конкретной работы в СССР. Перечень вопросов, выяснение которых должно было явиться для шпиона основой его деятельности, занимал восемь машинописных страниц и носил, главным образом, военно-разведывательный характер.

После перехода границы Смирнову надлежало в соответствии с полученными инструкциями пробраться в Ташкент и обосноваться там на постоянное местожительство. При успешном выполнении этой части задания, он должен был по одному из имеющихся у него адресов дать условную телеграмму. В Ташкенте Смирнов должен был завербовать нескольких агентов, в основном, из военных, которые смогли бы давать необходимые сведения по Среднеазиатскому Военному округу, Полученные сведения следовало зашифровать и тайнописью изложить на бланках накладных. По мнению Хамбера, обнаружение в случае задержания чистых бланков накладных не должно было вызвать никаких подозрений.

Связь Смирнова с Хамбером предполагалось осуществлять через связного, которого Смирнов не знал. Все материалы, предназначенные для передачи Хамберу, Смирнов, в соответствии с разработанным вариантом связи, должен был положить в тайник у одного из телеграфных столбов, вдоль линии железной дороги, а номер столба сообщить Хамберу зашифрованным письмом по условному адресу. Дальнейшие указания от Хамбера будут поступать аналогичным образом. Таковы были задания, полученные Смирновым, и каналы связи его с английской разведкой.

Данные допросов Смирнова чекисты решили использовать для установления других агентов английской разведки, действовавших в Узбекистане, и перехватить каналы связи с ними. Они совершенно правильно предполагали, что Хамбер не станет посылать связника только к Смирнову и тем более дважды, так как переход границы был связан с величайшими трудностями. Значит Хамбер возложит на связника, который должен будет взять из тайника материалы, подготовленные Смирновым, одновременно сбор материалов и у других агентов. Поэтому тщательное наблюдение за связником дало бы возможность выявить и тех агентов, к которым он был направлен. В том же случае, если связник будет направлен только для изъятия из тайника Смирнова, собранных им материалов, то имелось в виду его не задерживать, а, наоборот, дать возможность передать сведения, «добытые» Смирновым, по назначению. Если бы удалось установить подобную связь, чекисты получали канал для дезинформации английской разведки. Все эти моменты были учтены при разработке намеченной операции.

Ее осуществление началось с отправления по условному адресу в Мешхед телеграммы: «С курорта прибыл благополучно устроился зпт в старой квартире номер изменен вместо одного сорок три Валий». Это означало, что Смирнов благополучно перешел границу и добрался до Ташкента. Совокупность цифр, указанных в тексте телеграммы, давала номер 143, который был присвоен Смирнову.

В ноябре, когда прошло уже достаточно времени для «устройства», от имени Смирнова Хамберу отправляется зашифрованное письмо следующего содержания: «В Ташкент прибыл благополучно. На второй день по при-

бытии послал Вам телеграмму. Пока все идет хорошо. С квартирой устроился в старом городе, хотя и неважная, но на первое время подойдет. Главное, она очень удобна для работы. Налаживаю связи среди военных. С большим трудом, но удается. При помощи своих новых знакомых и личных наблюдений парада на Октябрьском празднике выяснил, что в Ташкенте расположены: полк ГПУ, два артиллерийских полка (номера их не узнал пока), ленинская школа, батальон связи, радиобатальон. Артполки на параде участвовали неполностью, из них прошло только десять орудий с механической тягой. Затем проходило 15 легких танкеток, входят ли они в какие-либо части или это отдельная танковая часть, пока не выяснил. Кроме этого, в параде принимали участие автомобильная часть и семь самолетов. Думаю, что недели через три соберу больше материалов. Условное место для закапывания материалов избрал от Ташкента в сторону Ашхабада вблизи 126 разъезда. Чтобы его найти, нужно ехать со ст. Кауфманской до 126 разъезда. Далее идти вдоль железной дороги по правой стороне. Железнодорожный столб № 115 будет условным. Если ехать из Ташкента, то столб будет по левую сторону. Место это для меня очень удобно, так как к нему я буду ездить на дачном поезде, а около Ташкента подходящих мест нет. Дней за 5—10 до того, как будут приготовлены для Вас сведения, я сообщу письмом. 143».

Место, выбранное для тайника, было действительно удобным: холм у самого полотна дороги зарос густым кустарником и деревьями, позволявшими организовать наблюдение за путями подхода к тайнику.

Прошло еще полтора месяца. Хамберу от имени Смирнова было направлено второе сообщение, написанное тайнописью. В нем говорилось, что в тайник положены материалы с обширной информацией по интересующим Хамбера вопросам. Отправив такое письмо, чекисты, в предварительно оборудованный тайник у столба № 115, положили документы, сводки, донесения и другие материалы, полностью дезинформирующие английскую разведку, и установили наблюдение.

Потянулись долгие дни ожидания. Однажды вечером чекисты обратили внимание на шедшего со стороны разъезда неизвестного мужчину, который как будто что-

то искал. Поровнявшись со столбом, где был тайник, неизвестный на мгновение остановился и затем продолжал свой путь к близлежащему населенному пункту. На следующий день, едва забрезжил рассвет, неизвестный снова появился у столба. На этот раз он снял верхний слой дерна у его основания и вынул из тайника металлическую коробку, в которой находились «добытые» Смирновым шпионские сведения.

Неизвестный доехал на дачном поезде до станции Кауфманской и там пересел на подошедший вскоре почтовый поезд Ташкент — Красноводск. Следующая остановка в Самарканде. В течение нескольких дней связник вел себя как турист, приехавший ознакомиться с историческими памятниками города. Лишь поздно вечером четвертого дня пребывания в Самарканде он с соблюдением мер предосторожности направился на улицу Регистан и вошел в один из домов. Здесь он пробыл около двух часов, а затем отправился на вокзал. Взяв билет в кассе, связник сел в поезд и до Ашхабада из вагона не выходил.

Удостоверившись, что связник, находясь в Ашхабаде, не делает никаких попыток для встречи с кем-либо, а, наоборот, готовится к переходу государственной границы, чекисты задержали его. Результаты произведенного обыска были таковы: обнаружены и изъяты кроме материалов, взятых в тайнике, еще и другие документы, содержавшие сведения разведывательного характера. Значит их он получил от агента, орудовавшего в Самарканде.

Между тем, события в Самарканде развивались следующим образом. Чекисты выяснили, что в доме, куда заходил посланный Хамбера, проживает некто Багрецов, поселившийся там около года назад. Наблюдение за ним позволило выявить, что Багрецов периодически в разных местах города встречается с двумя лицами — Борисовым и Шухатовичем. Последние довольно часто под разными предлогами появлялись около военного городка, завязывали знакомство с военнослужащими, следили за прохождением поездов на близлежащих к Самарканду станциях. Поведение Борисова и Шухатовича давало основания полагать, что они занимаются разведывательной деятельностью. Что касается Багрецова, то он выпол-

нял функции резидента, аккумулируя и обрабатывая сведения, получаемые им от агентов.

Арест Багрецова, произведенный обыск и допросы дали в руки чекистов неоспоримые доказательства его шпионской деятельности. Из тайника, обнаруженного в квартире Багрецова, были изъяты подготовленные для передачи сведения о дислокации воинских частей. Шпион признался, что эти сведения он собрал при помощи завербованных им Борисова и Шухатовича.

В 1928 г. органы государственной безопасности разработали и приступили к осуществлению ряда мероприятий, направленных на нейтрализацию деятельности английской разведки и белогвардейской эмиграции в Средней Азии. Более шести лет длились эти операции, позволившие чекистам полностью контролировать деятельность английской разведывательной службы и белоэмигрантского центра, делавших ставку в борьбе с Советской властью на сколачивание внутри среднеазиатских республик различных контрреволюционных групп.

Это были поистине невидимые сражения в той тайной войне, которую навязали нашей стране иностранные империалисты. Умело маневрируя, чекисты сумели отвлечь внимание и силы врагов на развертывание подрывной работы, искусно имитируемой органами ГПУ подпольной «антисоветской организации». Эта «организация» служила своеобразной отдушиной, позволившей длительное время срывать заговоры, террористические акты и диверсии, подготавливаемые английской разведкой и белой эмиграцией.

С описываемой операцией тесно переплеталась и другая, длившаяся также вплоть до 1934 г. В процессе ее осуществления чекисты все эти годы не только контролировали все планы английской разведки, но и почти полностью ограничили ее деятельность в период особой активности в Средней Азии[1].

---

[1] Поскольку упомянутые операции были осуществлены в период, выходящий за хронологические рамки данной книги, авторы сочли целесообразным лишь кратко остановиться на их значении. Подробному же освещению этих операций предполагается посвятить отдельную работу.

РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЛИКВИДАЦИИ БАСМАЧЕСТВА

Чекисты Туркестана внесли достойный вклад в дело борьбы с контрреволюционным басмачеством, представлявшим собой одну из форм классовой борьбы свергнутых эксплуататорских классов против трудящихся масс, впервые взявших власть в свои руки.

Характеризуя классовое лицо басмачества, VI съезд КПТ в резолюции по ферганскому вопросу указывал: «В настоящем своем виде басмачество является движением мелкобуржуазно-анархической стихии, в котором в качестве руководящей и организующей силы выступают байство и деклассированные элементы, профессионального бандитизма, наряду с белогвардейцами других наций»[1]. В басмаческих рядах, отмечал М. В. Фрунзе, объединились «те, кому нет возврата в ряды трудящихся, те, которые привыкли к грабежам и насилиям, привыкли за счет беспощадно обираемого населения строить себе праздную и привольную жизнь, те, наконец, кто, опираясь на собравшиеся под их знаменем шайки, мечтал стать властителем»[2].

Роль идейных вождей басмачества взяли на себя буржуазные националисты, которые, прикрываясь флагом защиты «общенациональных» интересов, фактически выражали интересы эксплуататорских классов.

Басмачество не было изолированным, случайным явлением. Оно являлось одним из важных звеньев в цепи объединенных сил контрреволюции. Иностранные империалисты поддерживали басмачей морально и материально, стремясь при их помощи осуществить свои планы по отторжению Туркестана от Советской России. Басмаческое движение направлялось и всеми средствами поддерживалось англо-американскими империалистами. Через свои консульства и военное командование в Кашгаре и Мешхеде, через эмирскую Бухару и широкую

---

[1] Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана, 1918—1924 гг. Ташкент, 1958, стр. 121.

[2] *М. В. Фрунзе.* Избранные произведения. М., 1950, стр. 102.

разведывательную сеть в самом Туркестане, интервенты были в постоянном контакте с басмаческими главарями и буржуазно-националистическими организациями, направляли их деятельность. Все видные главари басмачей были наемными агентами иностранных разведывательных служб.

Тактические особенности действий басмачей заключались в том, что они избегали открытых столкновений с отрядами и частями Красной Армии. Вероломные и неожиданные нападения на небольшие и безоружные города, малочисленные советские гарнизоны, сопровождавшиеся диким и безудержным грабежом, насилиями и изуверством — вот характерная для басмачей тактика.

Басмачи имели многочисленную агентуру из числа мулл и торговцев, и как правило, всегда были в курсе мероприятий, проводимых Советской властью. При помощи осведомителей басмачи знали дислокацию и передвижение советских воинских частей, что давало им возможность свободно ориентироваться в обстановке. Классово чуждые элементы доставляли басмачам продовольствие, а оружие и боеприпасы они зачастую приобретали в некоторых советских учреждениях у должностных лиц, вставших на путь преступлений против Советской власти.

Все это, естественно, и предопределяло задачи органов ЧК в борьбе с басмачеством. В числе задач, стоявших перед чекистами, были следующие: должным образом организовать разведывательную работу и своевременно и точно информировать партийно-советские органы и военное командование о состоянии и местонахождении басмаческих банд; выявить и закрыть каналы снабжения басмачей оружием и боеприпасами; принять решительные меры к поимке и обезвреживанию басмаческой агентуры и, наконец, разработать и осуществить мероприятия по разложению басмаческих банд изнутри. Решение этих задач в свою очередь требовало углубления и расширения информационной работы и усиления связи с широкими массами трудящихся.

Туркестанские чекисты находились в несколько особых условиях работы, ибо кроме общей для всех органов ЧК деятельности им приходилось «вести постоянную

чрезвычайно напряженную борьбу со шпионами басмачей и особенно с продавцами и скупщиками оружия»[1].

Опираясь на повседневную помощь трудящихся, ЧК выявила большинство агентов басмачей, вербовщиков и поставщиков оружия. Чрезвычайно сложная и напряженная внутриполитическая обстановка, сложившаяся в результате басмаческого движения, вынудила органы Советской власти применять к басмаческим ставленникам самые строгие меры наказания, вплоть до расстрела, о чем регулярно сообщалось в печати для всеобщего сведения. Так, по постановлению Особого Отдела были расстреляны: агент басмачей М. Рахимов, поставщики оружия и военного снаряжения А. Атаджанов, У. Умурзаков[2], скупщики оружия С. Алланазаров, Джумабаев, Магомедов[3], шпион Мулла Баба Ташмухамедов, сообщавший басмачам о местонахождении и численности отрядов Красной Армии[4] и другие. Лица, сотрудничавшие с басмачами, в меньшей степени, по постановлению ЧК или Особого Отдела заключались в концентрационные лагеря на все время гражданской войны.

В Маргилане и Андижане чекистами было обезврежено несколько групп бывших офицеров, пробравшихся в Красную Армию, которые похищали оружие и патроны для снабжения басмачей[5]. В Фергане также были разоблачены две крупные шайки, снабжавшие басмачей оружием[6]. Насколько эффективны были предпринятые Чрезвычайной Комиссией в этом отношении меры, может свидетельствовать следующий факт. 29 января 1920 г. на сторону Советской власти перешел ближайший помощник одного из басмаческих главарей Мадаминбека — Акбар Али. Объясняя причины своего перехода, «он, между прочим, заявил, что очень трудно стало скупать патроны в советских учреждениях»[7]. Начиная с конца

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 7, л. 170. Из доклада ТуркЧК.
[2] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 101 от 9 мая 1920 г.
[3] Там же, № 157 от 16 июля 1920 г.
[4] Там же, № 115 от 27 мая 1921 г.
[5] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 3, д. 10, л. 41 об., 42 и 66.
[6] Там же, ф. 25, оп. 2, д. 7, л. 70 об.
[7] Из беседы В. В. Куйбышева с представителем ТуркРОСТа. «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 26, 5 февраля 1920 г.

1919 г., органы ТуркЧК разоблачили и ликвидировали ряд заговорщических и шпионских организаций, державших связь с басмаческими бандами.

Осенью 1919 г. басмаческие банды Мадаминбека объединились с кулацкой «Крестьянской армией» Монстрова и повели наступление на Андижан и другие города Ферганской области. Захватив Ош и Джалалабад, басмачи в сентябре осадили Андижан. В дни обороны города органы ЧК, при помощи трудящихся, раскрыли и ликвидировали подпольную организацию, поддерживающую связь с басмачами. Контрреволюционеры готовили мятеж в Андижане, чтобы облегчить захват басмачами города[1]. Своевременное разоблачение заговорщиков во многом способствовало успеху операций советских войск под Андижаном.

В последних числах сентября Андижанской уездногородской Чрезвычайной Комиссией была раскрыта шпионская организация, работавшая на басмачей[2]. Как показало расследование, басмачи, вместе со сведениями военно-политического характера, через эту организацию получали от своих хозяев инструкции, определяющие направление их деятельности. Характерна одна из инструкций, которая предлагала басмачам усилить экономические диверсии: уничтожать запасы хлопка и продовольствия[3]. Это была уже новая установка иностранных империалистов, которые, в связи с поражением основых сил контрреволюции на фронтах гражданской войны, решили изменить тактику. Руками басмачей они пытались нанести удары по экономике нашей страны.

В это же время Сырдарьинская ОблЧК раскрыла заговор в Киргизской бригаде. Командный состав бригады, состоявший главным образом из бывших царских офицеров, пытался организовать переход личного состава бригады на сторону басмачей[4].

После соединения Туркестана с центром страны начинается качественно новый этап в борьбе с басма-

---

[1] «Воспоминания участников гражданской войны в Андижанской области», Андижан, 1957, стр. 39.

[2] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 9а, л. 139.

[3] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 228 от 8 октября 1920 г.

[4] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 9а, л. 139.

Группа сотрудников Особого Отдела ЧК.

чеством. 28 ноября 1919 г. на заседании Туркомиссии был разработан план борьбы с этим контрреволюционным движением. План предусматривал не только изменение тактики военных действий (удар по опорным пунктам басмачей), но главное — усиление политической работы среди местного населения. Проведение широкой разъяснительной работы должно было изолировать басмачей.

Немалую роль в решении этих задач сыграли «тройки», создаваемые в каждом областном центре, в составе председателя ОблЧК, председателя Облисполкома и начальника областной милиции, а на местах в составе — представителя комитета партии, начальника Политбюро, председателя исполкома. Функции «троек» по борьбе с басмачеством заключались в следующем:

«Широкая агитация среди гущи населения против басмачей. Широко объяснять населению, что Советская власть всегда говорила и доказывала на деле, что она чутко прислушивается к вытекающим из бытовых и разнообразных национальных особенностей нуждам и воле широких масс. Привести население к убеждению, что настоящий момент требует подавления басмаческого движения, терроризирующего грабежами мирное население, показавшее широким массам истинное лицо свое, потерявшее уже давно идеал борьбы за ислам»[1].

Таким образом, Коммунистическая партия поставила перед чекистами задачу — в борьбе с басмачеством тесно сочетать карательные меры с широкой агитационно-массовой работой. Уже в конце 1920 г. результаты такой политики стали сказываться. Сочетая военные операции и политические мероприятия, последовательно проводя ленинскую национальную политику, Советская власть нанесла контрреволюционному басмачеству сокрушительный удар.

Буржуазно-националистические элементы не желали примириться с поражением. Они предприняли новые попытки возродить басмаческое движение. К этому времени относится широко задуманная авантюра ставленника международной реакции — бывшего военного министра Турции Энвера-паши.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 3, д. 25, л. 143.

Будучи ярым пантюркистом, Энвер-паша делал ставку на пантюркистские и панисламистские группы буржуазных националистов Туркестана. Как известно, главной целью панисламистского и еще более суженного национальными рамками пантюркистского движения — являлось объединение всех мусульман, независимо от национальности, в одно мусульманское государство. Так как культ отечества составляет существенную часть ислама, то мусульмане, не имеющие отечества, должны стремиться к слиянию с мусульманами, имеющими свое отечество.

Выступая с лозунгами «священной войны» («газават» или «джихад») против неверных, возбуждая религиозный фанатизм, туркестанские панисламисты и пантюркисты, в блоке с другими внутренними контрреволюционными силами, фактически выступали против Советской власти. На эти силы и рассчитывал Энвер-паша, предпринимая попытку свергнуть Советскую власть в Средней Азии.

После разгрома младотурецкого «Иттихада»[1] Энвер 3 января 1918 г. бежал в Германию, но и там продолжал строить планы объединения мусульманских государств. В 1920 г. Энвер-паша, якобы как представитель турецкого национально-освободительного движения, приехал в Москву, но здесь его миссия не имела успеха. Тогда Энвер-паша выехал в Баку, где в это время проходил съезд народов Востока, и выступил на нем с псевдореволюционной речью. Фактически, свое присутствие на съезде он использовал для объединения пробравшихся на съезд в качестве делегатов буржуазных националистов.

На конспиративной квартире Энвер-паша собрал закоренелых панисламистов и пантюркистов. Он призвал их объединиться и создать особую организацию, которая должна стать центром руководства басмаческим движением. Себя Энвер-паша объявил руководителем этой организации в Средней Азии. Каждый участник совещания был тщательно проинструктирован и получил конкретные задания.

---

[1] Организация «Иттихад ва тараки» («Единение и прогресс») была создана в 1900 г. в Турции и преследовала пантюркистские цели. Разгром Турции в мировой войне явился одновременно концом этой организации. Она была распущена, а вожди ее объявлены вне закона.

Вскоре после возвращения в Туркестан участники тайного совещания у Энвера-паши — Джанузаков, Абдурашитов и другие создали специальный «Комитет национального объединения», призванный активизировать басмачество. Центральными фигурами организации явились ярые пантюркисты и панисламисты, заклятые враги трудящихся — Садретдин Ходжа Шарифходжаев — ташкентский муфтий (высшее духовное лицо) и Гариф Каримов — один из руководителей «младобухарцев», представителей национальной буржуазии. В «Комитет национального объединения» вошли и такие матерые буржуазные националисты, как Юсупбек Курбанов, Мухамедяр Мухамед-Умаров, Рустамбек Ниязбеков и Абдулладжан Зия Мухамедов. В Ташкенте был создан центральный комитет организации во главе с Шарифходжаевым и разработан специальный шифр для связи.

Большое внимание уделялось созданию филиалов организации в крупных городах Туркестана и привлечению в нее новых сторонников. С этой целью центральный комитет направлял на места своих уполномоченных, которые и осуществляли вербовку. При этом каждый уполномоченный вербовал не более 5—6 человек, которые затем составляли ядро местной организации. Каждый из завербованных обязывался в свою очередь завербовать трех новых членов и т. д. При вступлении в организацию приносилась присяга на коране и пистолете. Присягавший обязывался всеми силами помогать организации, выполнять ее любое задание, а также хранить секреты организации.

Несмотря на строжайшую конспирацию о существовании организации вскоре стало известно Туркестанской ЧК.

Пытаясь завербовать в члены организации ответственных советских работников, руководители «Комитета национального объединения» (КНО) дали указание попытаться завербовать отдельных сотрудников ЧК. При помощи завербованных чекистов контрреволюционеры надеялись обезопасить себя на случай возможного провала.

Выполняя это указание, руководитель аулиэатинского филиала КНО бывший торговец галантерейными товарами, Шукур Мухамедов попытался завербовать в

члены организации сотрудника уездно-городской ЧК Хамида Расулькариева.

17 октября 1920 г. вечером Шукур Мухамедов пригласил к себе домой Расулькариева. За традиционным пловом завязалась беседа. После обыденных разговоров и «прощупывания» Мухамедов предложил гостю принять участие в организации, которая ставит цель объединить всех мусульман в одно государство.

Необычность приглашения насторожила чекиста и он решил при разговоре не возражать Мухамедову. Сообщение о наличии подпольной организации крайне заинтересовало Расулькариева, так как в ЧК поступали отдельные разрозненные сведения о существовании подпольного центра. Расулькариев попросил Мухамедова рассказать подробнее о целях и задачах организации, чтобы он мог решить, стоит ли в нее вступать. Мухамедов согласился, но при условии, что Расулькариев принесет присягу и поклянется сохранить услышанное и увиденное в величайшей тайне. Пока же, он ничего больше ему сообщить не может.

Расулькариев попросил три дня на обдумывание предложения и получил согласие Мухамедова.

Руководство Чрезвычайной Комиссии, обсудив сообщение Расулькариева, поручило ему войти в состав подпольной организации, выяснить ее подлинные цели и задачи, а также всех участников.

Через три дня, как было условлено, Расулькариев пришел к Мухамедову и сказал, что согласен принести присягу и вступить в организацию. Обрадованный Мухамедов тут же привел его к ритуальной присяге на коране и пистолете, поздравил и сказал, что им нужны такие люди как Расулькариев, который является и коммунистом и чекистом. Тут же Расулькариев получил свое первое задание от КНО: он должен был сообщать обо всем, что делается в ЧК и по возможности изымать документы, которые в той или иной степени разоблачают заговорщиков.

Однажды Мухамедов дал Расулькариеву более конкретное поручение — изъять из ЧК заявление граждан, которые сообщали, что Мухамедов является руководителем какой-то подпольной организации. Чекисты «помогли» Мухамедову, и Расулькариев вскоре принес ему это заявление. Выполнение этого поручения еще более упрочило положение чекиста в организации. В одной из

бесед Мухамедов рассказал, что оружие басмачи получают от англичан. Так постепенно вырисовывались зловещие контуры «Комитета национального объединения».

ЧК решила пока повременить с ликвидацией комитета и окончательно выявить все связи контрреволюционеров. Но план этот, к сожалению, не был выполнен из-за того, что у семнадцатилетнего Расулькариева не хватило достаточной выдержки в сложной обстановке.

В ночь с 9 на 10 марта 1921 г. на квартире Мухамедова состоялось заседание «Комитета национального объединения», на котором было решено обратиться за помощью к английскому и японскому правительствам. Садретдин Ходжа Шарифходжаев, как глава организации, написал два письма в адрес английского и японского консулов в Кульдже. В письмах, наряду с характеристикой положения в Туркестане, у английского и японского правительств испрашивалась помощь в борьбе с Советской властью в виде снабжения басмаческих банд оружием, деньгами и всем необходимым.

Подчеркивая контрреволюционную деятельность «идейных» организаторов басмачества, М. В. Фрунзе писал: «не имея оплота в местном населении, они ищут его за рубежом, в английском, афганском золоте и оружии»[1].

Весьма характерно, что для придания письмам большей значительности, Умаров, Мухамедов и Курбанов подделали подписи так называемого «Командующего ферганской национальной армией», «Председателя Бухарского национального движения» и «Председателя Хивинского самостоятельного комитета»[2]. Оба письма были скреплены печатью «Общего центрального комитета национального объединения». Продавая Родину иностранным империалистам, буржуазные националисты, как видим, шли на все.

Письма должны были доставить в Кульджу Каримов и Курбанов, которые выехали из Ташкента 10 марта. Ходжаев снабдил их деньгами и фиктивными, заранее

---

[1] *М. В. Фрунзе.* Избранные произведения, М., 1950, стр. 102.

[2] Подделка была установлена проведенной по делу графической экспертизой.

приготовленными, удостоверениями со штемпелем и печатью Наркомпроса Туркреспублики.

15 марта Расулькариеву стало известно, что в Аулиэ-Ату прибыли из Ташкента два члена «Комитета национального объединения».

Поздно вечером Мухамедов вызвал Хамида и сообщил о приехавших из Ташкента, поручив оказать им содействие для беспрепятственного проезда к границе, так как они везут в Кульджу очень важные документы английскому и японскому консулам. Не доложив об этом руководству ЧК, Хамид решил действовать самостоятельно. Рано утром 16 марта он пришел в дом, где остановились гонцы из Ташкента. Сказав, что он будет сопровождать прибывших до границы, Расулькариев выехал с ними на лошадях. В городе он избрал путь, пролегающий мимо здания, где разместилась ЧК. У здания ЧК Расулькариев остановился, велел спутникам спешиться и арестовал их. При обыске были извлечены оба письма, изобличающие антисоветскую деятельность «Комитета национального объединения».

Поспешные, ни с кем не согласованные действия Расулькариева, хотя и предоставили в руки чекистам очень важные документы о деятельности КНО, но вместе с тем позволили значительной части членов организации, узнавших об аресте Каримова и Курбанова, скрыться и продолжать контрреволюционную деятельность. Один из руководителей КНО Джанузаков перебежал к басмачам, ряд других — скрылись в Бухаре. Буржуазные националисты продолжали вынашивать планы возрождения басмаческого движения, которое они стремились использовать как вооруженную силу в борьбе с Советской властью.

Особое оживление деятельности буржуазных националистов в 1921—1922 гг., делавших основную ставку на басмачество, в известной степени объяснялось тем, что контрреволюционеры расценили переход страны к новой экономической политике как возврат к старым буржуазным отношениям. Отмечая влияние нэпа на рост националистических настроений в ряде национальных республик, XII съезд Коммунистической партии в резолюции по национальному вопросу отмечал: «Шовинизм узбекский (в Бухаре и Хорезме), направленный против туркмен и киргизов; шовинизм армянский и пр. все эти

виды шовинизма, поощряемые к тому же условиями нэпа и конкуренции, являются величайшим злом, грозящим превратить некоторые национальные республики в арену грызни и склоки»[1].

К этому периоду относится кульминационный момент осуществления Энвер-пашой своего плана свержения Советской власти. И здесь немаловажную роль сыграл «Комитет национального объединения». Как выяснилось впоследствии, эта контрреволюционная организация приняла ряд мер по оживлению басмачества и объединению басмаческих шаек под руководством Энвер-паши. Последний же во второй половине 1921 г. пробрался в Бухару, где с помощью английской разведки возглавил басмачество.

Документы, изъятые у одного из руководителей «Комитета национального объединения» Джанузакова, свидетельствуют о связи КНО с Энвером, об оказании ему помощи в борьбе против Советской власти, а также о тесной связи этой организации с басмачеством. Незадолго до своего прибытия в Бухару Энвер-паша, ознакомившись с присланным ему докладом КНО о положении дел в Туркестане, дал следующие указания: «Хлопка не сеять, а если посеют, то не давать большевикам... Защитникам ислама (читай басмачам — *Р. А., Н. М.*) пока прекратить всякие бои, укрепиться и выжидать время».

Один из руководителей «Комитета национального объединения» Мунавар Кары Абдурашитов признался на следствии: «Организация вела нелегально борьбу с Советской властью, содействуя усилению и развитию басмачества, особенно в Фергане, Самарканде и Бухаре». «Иттихадисты» не только поддерживали связи и снабжали оружием и добровольцами банды Исраила, Курширмата, Хамракула и других басмаческих курбашей, но и принимали меры к объединению их под руководством Энвер-паши. Об этом, в частности, свидетельствуют обнаруженные у ряда курбашей документы, в которых давалась прямая установка на подчинение их Энверу. Установлено также, что когда один из предводителей басмачей в Восточной Бухаре Ибрагим-бек

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. седьмое, ч. 1, М., 1953, стр. 715.

отказался выполнять указания Энвера, то последний апеллировал именно к руководству КНО.

Таким образом, подрывная деятельность «Комитета национального объединения», созданного, как отмечалось, по непосредственному указанию Энвер-паши, являлась составной частью начавшейся в конце 1921 г. энверовской авантюры. Это, в свою очередь, означало, что ликвидация КНО должна была нанести серьезный удар по замыслам империалистов, чьей марионеткой фактически являлся Энвер.

Указанные обстоятельства и определили деятельность чекистских органов в период осуществления Энвером своего «стратегическго плана». Умело проведенные оперативные мероприятия позволили полностью выявить и окончательно обезвредить «Комитет национального объединения», что сорвало планы буржуазных националистов и их зарубежных хозяев на возрождение в широких масштабах басмачества. Это был существенный вклад органов государственной безопасности в осуществление намеченных решением ЦК РКП(б) «О туркестано-бухарских делах» (май 1922 г.) мероприятий, направленных на усиление борьбы с энверовской авантюрой и дальнейшее упрочение Советской власти в Средней Азии.

В июне 1922 г. развернулись решающие бои. Басмаческие банды Энвера были разгромлены, а сам он, при попытке бежать в Афганистан, был убит 4 августа 1922 г. в стычке с пограничным отрядом.

Хотя крах авантюры Энвера серьезно расстроил планы иностранных империалистов и внутренней контрреволюции, антисоветские силы не оставили попыток изменить военно-политическую обстановку в Туркестане, Бухаре и Хиве.

Мощные удары Красной Армии привели к разгрому многих басмаческих банд. В стане басмачей началось разложение. Курбаши враждовали между собой, соперничали, пытаясь подчинить своему влиянию более мелких предводителей шаек. Ряд курбашей перешел на сторону Советской власти. Пытаясь приостановить прогрессирующий процесс разложения басмачества, «главнокомандующий» Курширмат назначил объединенное совещание всех крупных курбашей в кишлаке Горбуа, в 30 км северо-восточнее Маргилана. На этом совещании Курширмат хотел примирить враждующих курбашей и

объединить их силы для продолжения борьбы с Советской властью. В назначенный срок к месту совещания стали прибывать курбаши с подчиненными им басмачами. Все они расположились в районе Горбуа и Кара-Тюбе. Общая численность сосредоточившихся здесь басмачей достигала 600 человек.

Ферганские чекисты, которым стало известно о готовящемся совещании, решили устроить достойную встречу бандитам. В день открытия совещания они вместе с красноармейцами нанесли по собравшимся басмачам стремительный удар. Многие бандиты были уничтожены в этом бою, а часть взята в плен.

В августе 1922 г. органам государственной безопасности Туркестана стало известно, что в конце месяца в Кабуле должно состояться секретное совещание представителей реакционных кругов Афганистана, басмаческих банд Ферганы и Восточной Бухары с участием свергнутого народом эмира бухарского. Его участники должны были обсудить вопросы активизации борьбы с Советской властью в Туркестане. Хотя подготовка и проведение совещания проходили в строжайшей тайне, чекистам удалось не только быть в курсе самого хода совещания, но и получить материалы с принятыми решениями. Оказавшиеся в распоряжении ГПУ документы позволили установить, что враги Советской власти разработали детальный план антисоветского восстания, намеченного на раннюю весну 1923 г. Ставя своей целью «освобождение» всей территории Туркестана, Бухары и Хивы «от русских и туземных большевиков, не давая никому пощады», участники совещания приняли решение «установить тесную связь с какими бы то ни было врагами большевистского правительства и совместно с ними приготовить необходимое количество военного и личного состава».

Совещание наметило конкретные мероприятия для подготовки и успешного проведения восстания. Прежде всего предполагалось разобрать железнодорожный путь на участках Керки—Бухара, Самарканд—Ташкент. В Ташкенте предполагалось устройство тайных складов оружия. Такие же склады создавались и в Бухаре. Большое значение придавалось изданию и распространению антисоветских листовок и газет, выпуск которых возлагался на представителей реакционных кругов Афганистана.

Группа пленных бандитов из басмаческой шайки Ходжа Кулиева. Некоторые из басмачей одеты в английское обмундирование.

Особое внимание было уделено организации новых басмаческих банд, которые должны были комплектоваться на территории Афганистана, а затем в начале весны 1923 г. двинуться по трем направлениям: Бухара—Самарканд, Чарджоу — Хива, Мерв — Ашхабад для соединения с восставшими. Для получения тайно доставляемого англичанами через Пешавер оружия и переправки его басмачам, находящимся в Афганистане, была создана специальная группа.

Не забыли участники августовского тайного совещания произвести заодно и раздел территории Средней Азии.

Получив все эти данные, чекисты приняли необходимые меры для срыва намеченного врагами Советской власти восстания. Фактически все действия организаторов восстания находились под непосредственным наб-

людением органов государственной безопасности. Незадолго до намеченного срока восстания чекисты, выявив основных руководителей и их связи, установив тайные склады оружия, приступили к ликвидации контрреволюционных гнезд: были арестованы главари, изъяты коды для связи с заграницей, расшифрованы явки, пароли, изъято много оружия и т. д. Умелые действия органов ГПУ вновь сорвали замыслы иностранных империалистов и внутренней контрреволюции.

Органы ГПУ проделали большую работу по организации внутренней и внешней разведки в стане басмачества. Добывая сведения о составе, целях и передвижении басмаческих шаек, чекисты своевременно информировали об этом полевое командование, давая возможность наносить внезапные и точные удары по басмачам.

Особое внимание уделялось органами государственной безопасности внутреннему разложению басмаческих банд. В течение 1922 г. ТуркГПУ удалось разложить помимо нескольких десятков сравнительно мелких банд, объединяющих 30—50 басмачей, три крупные басмаческие шайки. Окончательно были ликвидированы шайка Муитдина, охватывавшая своими действиями весь горный район Ферганской области, а также банда Рахманкула, действовавшая в Наманганском уезде. Кроме того, было покончено и с шайкой Ходжа Кулиева, терроризовавшей жителей Туркменской области. Работа по разложению басмаческих шаек во многом способствовала тому, что начался массовый переход басмачей, а также мелких курбашей на сторону Советской власти. Только с 1июня 1922 г. по 1 января 1923 г. в Ферганской области на сторону Советской власти перешли 88 курбашей и 1495 рядовых басмачей. В Самаркандской области добровольно сдались нашим частям 21 курбаши и 549 басмачей. Всего же по всем областям за этот период на сторону Советской власти перешло 137 курбашей и 2420 рядовых басмачей, которые передали все имевшееся у них оружие и боеприпасы.

Бесстрашно проникая в стан врага и проводя среди рядовых басмачей и некоторых курбашей разъяснительную работу, объясняя им — что дала народу Советская власть и почему трудящиеся массы считают басмачей врагами,— туркестанские чекисты, жертвуя нередко

своей жизнью, выполняли важную задачу по ликвидации басмачества.

В начале 1923 г. в Восточной Бухаре появился новый империалистический наймит, объявивший себя «главнокомандующим всеми силами ислама», турецкий полковник Селим-паша. Международная реакция возложила на него объединение остатков басмаческих банд в Средней Азии. Попытки Селима-паши завязать связь с ферганскими басмачами, некоторые успехи в отдельных столкновениях с отрядами Красной Армии несколько оживили остатки ферганского басмачества. Но решительные меры, предпринятые Коммунистической партией, сорвали и эту авантюру.

Состоявшийся в начале марта 1923 г. VII съезд Коммунистической партии Туркестана призвал коммунистов и всех трудящихся окончательно покончить с басмачеством в 1923 г. и наметил конкретные мероприятия по выполнению этой ответственной и сложной задачи. И опять, как и прежде, на переднем крае борьбы были славные туркестанские чекисты.

Верные своей тактике, басмачи продолжали избегать открытых столкновений с частями Красной Армии, действовали они, в основном, по ночам, нападая на населенные пункты с малочисленными гарнизонами, поджигая важные объекты, разрушая средства связи, убивая партийных и советских работников. Такая тактика требовала от чекистов исключительной находчивости, изобретательности и гибкости. Успех целого ряда операций против басмачей, проведенных регулярными частями Красной Армии и отрядами добровольческой милиции, был обеспечен, главным образом, благодаря умело поставленной чекистской работе.

Неоценимую помощь оказали сотрудники органов государственной безопасности в ликвидации последнего басмаческого гнезда в Самаркандской области, так называемого Матчинского бекства.

Матчинская волость, окруженная трудно доступными горами, служила прибежищем остатков многих басмаческих шаек. Здесь они укрывались от преследований Красной Армии, перегруппировывались и вновь совершали свои набеги. Проникнуть туда можно было двумя путями. Первый путь — непосредственно через горы, был очень труден: в центр бекства — Обурдон можно было

проникнуть через перевалы на высоте 3 –4 тыс. метров. Ведение там военных действий было под силу лишь частям, имевшим опыт горной войны. Проникнуть в Матчу можно было и по другому пути: со стороны Самаркандского уезда, через Фальгарскую волость, вверх по реке Зарафшан. Но и этот путь был не менее трудным. Почти все время дорога представляла собой узкие тропинки над пропастями, во многих местах они были так узки, что всадник, избегая опасности свалиться вместе с лошадью в пропасть, должен был вести ее на поводу. В таких условиях доставлять даже не для очень многочисленного отряда оружие, боеприпасы, продовольствие и фураж практически не представлялось возможным. Правда, имелись удобные для передвижения, горные тропы и проходы, но не было надежных проводников. Наконец, не было известно точное расположение басмаческих банд, что осложняло проведение боевых операций.

Только чекистские органы, с присущими им методами работы, могли обеспечить успех выполнению принятого весной 1923 г. командованием Туркестанского фронта решения о ликвидации матчинского очага басмачества.

Группа сотрудников Особого Отдела 4 стрелковой дивизии, получившей приказ уничтожить басмаческие банды в Матче, за три недели до начала экспедиции была направлена в разведку в логово врага. Добытые чекистами сведения позволили провести тщательную подготовку операции и способствовали ее успешному завершению, причем во время развернувшихся боев с басмачами чекисты уничтожили пытавшегося бежать главаря басмаческих банд Холбуту.

Стремительный натиск красноармейских частей, широко поддержанный трудящимися массами, уже к лету 1923 г. почти полностью ликвидировал басмачество в Самаркандской и частично в Ферганской областях. Крупные банды распались на мелкие шайки. Басмачи по несколько человек, а нередко и в одиночку, стали скрываться под видом мирных жителей, хотя часть из них не сложила оружия. Они выжидали, когда снова можно будет сорганизоваться в банды и при возможности грабили население.

Хотя сами по себе эти одиночки были лишены какой-либо боевой мощи, однако потенциально представляли собой известную угрозу, так как при благоприят-

ных для них условиях, снова могли быть организованы в боевые единицы — басмаческие шайки.

Курбаши распавшихся шаек прятали имевшееся у них оружие в тайниках или у сочувствующих им баев, торговцев, мулл и проч.

В этой обстановке чекисты провели операции по выявливанию неразоружившихся курбашей и басмачей, а также розыску и изъятию спрятанного оружия. Опираясь в этой борьбе на всемерную поддержку и содействие широких масс трудящихся, органы государственной безопасности успешно справились с поставленной перед ними задачей.

Крупный тайник оружия и боеприпасов был обнаружен чекистами при помощи дехкан кишлака Колтай в Джума-Базарской волости Самаркандской области. Всего же в течение 1923 г. в Самаркандской области чекистами было обнаружено и изъято 888 винтовок, 6 пулеметов, 270 шашек и 6645 патронов. Было выловлено 8 курбашей и 292 рядовых басмача, у которых имелось 512 винтовок, ружей и пистолетов, 10 бомб и 2446 патронов. Сотрудники Особого Отдела 13 стрелкового корпуса, действовавшего в Восточной Бухаре в течение 1923 г., изъяли 700 винтовок, 60 револьверов, 300 шашек и свыше 6000 патронов. Умело проведенные оперативные мероприятия позволили им выловить около 400 басмачей и курбашей.

Решительные мероприятия, проведенные органами государственной безопасности Туркестанской республики, во многом содействовали успешному выполнению поставленной партией задачи — окончательно ликвидировать басмачество в 1923 г.

Немалую роль в ликвидации басмачества сыграли войска ВЧК (ГПУ), обслуживавшие органы государственной безопасности Туркестанской республики. Создание войск ВЧК в Туркестане относится к началу 1921 г., когда Совет Труда и Обороны принял постановление о формировании специальных войск ВЧК. До издания этого постановления «в Туркестане для обслуживания органов ЧК никаких отдельных отрядов или батальонов не существовало»[1].

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 27, л. 12.

На войска ВЧК Туркестана было возложено проведение операций органов ЧК, охрана границ Туркреспублики (с Китаем, Афганистаном и Персией) и борьба с бандитизмом. Каждой областной ЧК был придан отдельный батальон особого назначения. Кроме того, непосредственно при ТуркЧК имелся отдельный батальон, а при Полномочном Представительстве ВЧК на территории Туркестана — отряд особого назначения[1]. Вместе с частями Красной Армии бойцы войск органов государственной безопасности непосредственно участвовали в боевых операциях против басмачей, показав при этом образцы выдержки, мужества и героизма.

13 сентября 1921 г. кавалерийская группа отряда особого назначения ПП ВЧК в составе лишь одного экскадрона и конно-пулеметного взвода внезапным налетом выбила из кишлака Кокан-Аманчура Самаркандской области банду курбаши Исраила, насчитывавшую 1200 человек. Не ожидавшие нападения басмачи в панике бежали, оставив много убитых и раненых[2].

В боях в районе кишлаков Яка-Тут и Кудаш-Дам, недалеко от Коканда, сводный отряд 68 отдельного батальона особого назначения Ферганской ОблЧК из 230 бойцов разгромил банду численностью около 1000 басмачей. Четыре с половиной часа длился этот неравный бой. Несмотря на численное превосходство басмачей, чекистский отряд вышел победителем[3].

В мае 1922 г. кавалерийский взвод этого же батальона в количестве 35 всадников получил приказание двинуться в г. Ош на соединение с находящимися там красноармейскими частями. В пути следования на чекистский отряд напала банда Муитдина (около 600 басмачей). Чекисты не растерялись и, спешившись, заняли круговую оборону. В течение нескольких часов длился кровопролитный бой. Проявив исключительную отвагу и героизм, взвод успешно отразил все атаки бандитов и вышел на соединение с нашими частями.

Рука об руку с частями Красной Армии героически сражались с басмачами славные чекисты-пограничники, пресекавшие попытки ухода за кордон разгромленных

[1] При реорганизации органов ЧК в 1922 г. эти же подразделения обслуживали и органы ГПУ в центре и на местах.

[2] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 27, л. 17.

[3] Там же, л. 25.

шаек и отражавшие вылазки на нашу территорию ранее бежавших за границу остатков басмаческих банд. В течение многих лет пограничникам приходилось вести жестокие схватки с басмачами, которые совершали бандитские набеги на пограничные районы.

Неувядаемой славой покрыла себя в боях с басмачами 37 пограничная бригада, командовал которой чекист-пограничник Василий Степанович Сахно.

В конце декабря 1921 г. конная банда басмачей численностью в 750 сабель захватила г. Ширабад, имевший важное значение для снабжения многих районов Средней Азии. 37 бригаде была поставлена задача — разгромить банду и освободить город и его окрестности.

Основные силы бригады в это время вели упорные бои с другими бандами. Командир бригады сформировал из вспомогательных подразделений отряд и лично руководил им в боях за город. В результате умело организованной операции, самоотверженности и героизма пограничников банда была разгромлена. Остатки ее бежали за кордон. В этом бою пограничники уничтожили около 100 бандитов, захватили обоз с продовольствием и 20 лошадей.

Пограничная бригада под командованием В. С. Сахно в последующих боях с басмачами нанесла им тяжелые поражения, захватив только пленными около двух тысяч бандитов.

Коллегия ОГПУ наградила командира бригады В. С. Сахно именным пистолетом «Маузер» с надписью: «За успешную борьбу с басмачеством в Средней Азии».

Когда основные силы басмачей были разгромлены, остатки банд бежали в Персию и Афганистан, с территории которых снова совершали дерзкие набеги на наши населённые пункты, грабили, убивали и угоняли дехкан. 23 декабря 1923 г., совершив очередной налет, 200 басмачей разграбили кишлак Бага-Чакал и захватили с собой часть населения. Получив сообщение об этом, командир эскадрона Климов, имея в своем распоряжении всего 15 конных пограничников, организовал преследование банды, и, настигнув ее, повел своих конников в атаку. Схватка была ожесточенной и проходила с переменным успехом. Каждый пограничник вел бой больше, чем с десятью басмачами, но никто из воинов-чекистов не дрогнул. В самый критический момент рядовой Донских

с ручным пулеметом бросился в контратаку, расстреливая басмачей в упор. Этот бесстрашный поступок внес замешательство в ряды бандитов и они отступили, оставив на месте боя несколько десятков убитых и раненых, оружие, продовольствие и лошадей. Небольшая горстка пограничников в этой неравной схватке вышла победителями.

За умелое руководство боем и личную храбрость Советское правительство наградило командира эскадрона Климова орденом Красного Знамени, а красноармейцы Кравченко, Донских, Черевенко, Кравцов и другие приказом ОГПУ награждены именными серебряными часами.

Командир пограничного эскадрона КЛИМОВ.

Чекисты Андрей Сидоров, Яков Бердников, Владимир Ахапкин, Иван Ватник, Валерий Свищевский, Николай Жуков и Иосиф Шаган, умерли со словами: «Да здравствует коммунизм!». Десять суток отважные воины в апреле 1927 г. вели неравный бой с врагом, они сгорели, но не сдались.

Начальник заставы Ф. Свирин получил сообщение, что банды объединились и решили разгромить пограничный пост, забрать оружие и уйти за кордон. Ф. Свирин приказал начальнику поста А. Сидорову забрать все ценное имущество, документы и оружие, сняться с поста и двигаться на соединение с заставой.

В пути пограничники попали в окружение басмачей. А. Сидоров решил задержать банду, чтобы застава могла подготовиться к обороне и вызвать подкрепление из комендатуры. Пограничники четыре раза отражали нападение басмачей из засад, но вскоре встретились с бандой численностью свыше сотни человек.

Воины-чекисты заняли оборону в небольшом здании зимовки, сложенном из еловых бревен. Восемь суток 7 человек отбивали атаки озверелых басмачей, не под-

пуская их к заставе. На девятый день вышла вся вода и кончились патроны. Басмачи побежали к зимовке, стали бить прикладами дверь. «Сдавайтесь, будем пускать огонь...». В ответ — молчание. Враги стреляли в окна, но взять зимовку не могли. Они подожгли ее, но пограничники не сдавались.

К полудню одиннадцатых суток к месту боя прибыл отряд пограничников и разгромил банду. Из-под обугленных развалин пограничники извлекли 7 трупов, 7 винтовок, 1 винчестер с погнутыми стволами и пулемет без замка. И в горящем здании чекисты продолжали неравную борьбу с врагом. Они сделали все, что было в их силах, отдав свои жизни за Родину. На замке пулемета, который они тщательно спрятали, чем-то острым было нацарапано: «IV—1927 г., да здравствует коммунизм» и подписи: «Андрей Сидоров, Яков Бердников, Владимир Ахапкин, Иван Ватник, Валерий Свищевский, Николай Жуков, Иосиф Шаган».

Велика роль органов государственной безопасности в ликвидации басмачества. Раскрывая замыслы и планы басмаческих главарей, чекисты оказывали большую помощь партийно-советским органам в разработке мер по искоренению басмачества, содействовали командованию Красной Армии в успешном осуществлении операций против бандитских шаек. Обезвреживая басмаческую агентуру, закрывая каналы снабжения банд оружием, боеприпасами и военным снаряжением и, наконец, участвуя непосредственно в боевых операциях, сотрудники и войска органов государственной безопасности были верными исполнителями воли Коммунистической партии и трудящихся.

НА ХОЗЯЙСТВЕННОМ ФРОНТЕ

Трудно сказать была ли та упорная борьба со спекулянтами, взяточниками, саботажниками, вредителями и диверсантами, которую вели органы государственной безопасности, менее важной, ответственной и опасной, чем ликвидация заговорщиков, мятежников и шпионов.

С первых же дней своей деятельности Туркестанская Чрезвычайная Комиссия придавала серьезное значение

борьбе со спекуляцией. В обращении к гражданам республики 14 сентября 1918 г. ЧК заявила, что ею «объявлена открытая беспощадная борьба с контрреволюционерами и спекулянтами»[1].

Уже одно из первых распорядительных заседаний Комиссии — 26 сентября 1918 г. установило «какие операции определяются спекулятивными». Было принято решение считать спекуляцией: «а) сокрытие товаров с целью поднятия цен на них; б) тайно производящаяся торговля, без надлежащих торговых документов; в) торговля по ценам сверх установленных таксой норм; г) торговля несоответствующими с официально значащимися товарами»[2].

В конце сентября и в октябре 1918 г. чекисты провели несколько операций и обнаружили тайные склады с крупными запасами различных товаров, которые предназначались к сбыту мелким спекулянтам. На транспортных складах, например, сотрудником ЧК С. Дорожкиным было обнаружено в тайниках много обмундирования, оружия, золота, серебра и других товаров[3].

Следует отметить, что в этот период ТуркЧК проявляла известную мягкотелость, применяя к крупным спекулянтам лишь штрафные санкции. На различные суммы, например, были оштрафованы матерые спекулянты — владелец табачной фабрики «Тамерлан» Роговер[4], подрядчик Рагинский, владелец аптекарского магазина Рейнов и другие[5].

Отрезанный фронтами от центра страны, Туркестан испытывал большие экономические затруднения, которыми не преминули воспользоваться враги Советской власти, развившие в крупных масштабах спекуляцию предметами первой необходимости. ТуркЧК повела решительную борьбу со спекулянтами. В беседе с представителем ТуркРОСТА председатель Чрезвычайной Комиссии Домбровский отметил, что «ввиду угрожающих размеров спекуляции ТуркЧК, в основном, направляет свою

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 2, л. 30.
[2] Там же, оп. 4, д. 35, л. 74.
[3] Там же, оп. 1, д. 15, л. 7.
[4] Там же, оп. 4, д. 35, л. 75.
[5] «Коммунист», орган Наркомнаца Туркреспублики, № 45, 16 ноября 1918 г.

деятельность на борьбу с преступлениями по должности и спекуляцией»[1].

С мая до конца 1920 г. деятельность органов ЧК была направлена на пресечение распространившейся в то время спекуляции медикаментами, техническим оборудованием и денежными знаками. Было раскрыто несколько крупных спекулятивных групп, при этом наиболее злостные спекулянты по приговору ЧК расстреливались, а остальные заключались в концентрационный лагерь на все время гражданской войны. По постановлению ТуркЧК 2 сентября 1920 г. был расстрелян некто И. Грошев, бывший агент крупных торговых фирм. Сумев пробраться на работу в комиссариат здравоохранения, Грошев спекулировал медикаментами и другими товарами. При обыске у него, кроме крупной партии медикаментов, было обнаружено 1000 аршин мануфактуры. Участь Грошева разделили злостные спекулянты медикаментами А. Калмыков — фармацевт Ташкентского военного госпиталя и Б. Пинхасов[2].

Кокандской ЧК была изобличена группа крупных спекулянтов медикаментами, оружием и денежными знаками. Возглавлял группу уполномоченный кокандского совнархоза И. Лель. При помощи своих агентов эта группа поддерживала связь с Москвой и Бухарой. Не ограничиваясь спекулятивной деятельностью, Лель и его подручные решили заняться изготовлением фальшивых денежных знаков. С этой целью они вступили в переговоры с известным фальшивомонетчиком Дангофиером, намереваясь открыть «производство» фальшивых кредитных билетов в Бухаре. В самом разгаре переговоры были прерваны сотрудниками ЧК, арестовавшими всю преступную группу[3].

В сентябре 1920 г. ТуркЧК разослала на места «Инструкцию — письмо для ОблЧК», которой намечался ряд мер, призванных обеспечить должную борьбу со спекуляцией. Прежде всего предлагалось увеличить число сотрудников ЧК для борьбы со спекуляцией. При этом два

---

[1] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 80, 15 апреля 1920 г.

[2] Там же, № 201, 7 сентября 1920 г.

[3] Там же, № 166, 27 июля 1920 г.

сотрудника должны были быть закреплены специально для борьбы с рыночной спекуляцией, на них же возлагалось наблюдение за базарами, торговыми рядами и теми предприятиями, в которых происходили всевозможные закупочные операции.

К этому времени широкий размах приняла спекуляция государственными запасами товаров, когда на «черный рынок» выбрасывались товары целых складов советских предприятий и организаций. Указанные выше меры позволили ТуркЧК в короткий срок раскрыть ряд крупных спекулятивных шаек, при этом работа по их раскрытию производилась, главным образом, путем оперативного наблюдения.

Были, в частности, разоблачены спекулянты в центральном рабочем кооперативе, возглавляемые бухгалтером Н. Леви, которые продали по спекулятивным ценам на сторону 42 тыс. штук каракулевых шкурок[1].

Долго орудовала в кожотделе ЦСНХ большая группа спекулянтов. Чека установила, что огромное количество кож на верблюдах систематически переправляется в Бухару, где происходит их реализация. Было решено задержать очередной транспорт. Вскоре поступили данные, что из Чиили должен выйти верблюжий караван, направляющийся в Бухару. Транспорт из 18 верблюдов, груженных кожевенным сырьем, был задержан, а владелец верблюдов Сали Хасанов арестован. Кроме Хасанова в Ташкенте и на местах было арестовано 60 человек, выполнявших различные роли в этой преступной спекулятивной группе. Все они были преданы суду Верховного Революционного Трибунала[2].

Для изучения всех источников спекуляции и связанных с ней должностных преступлений, для постоянного наблюдения и борьбы с этими преступными проявлениями, а также для координирования всех мер по борьбе со спекуляцией, при ТуркЧК 9 ноября 1920 г. была создана Особая междуведомственная комиссия. В нее входили: председатель ТуркЧК (председатель комиссии), зам. наркома РКИ и зам. наркома юстиции[3].

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 9а, л. 140.

[2] Там же, 141 об., «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 47, 3 марта 1921 г.

[3] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 237, лл. 20, 29.

21 ноября Особая междуведомственная комиссия приняла «Инструкцию Межкомам при ЧК Туркестанской республики», которой предусматривалось создание междуведомственных комиссий (Межкомов) при областных Чрезвычайных Комиссиях. Межкомы обязывались незамедлительно «взять на учет, рассмотреть, дать заключение свое по всем важным делам, возбужденным Рабоче-Крестьянской инспекцией и находящимися в производстве обчека, уездных Политбюро и нарсудов». В Инструкции далее указывалось, что «все свои соображения принципиального характера о мерах борьбы с должностными преступлениями и спекуляцией в советских производственных и распределительных органах, Межкомы препровождают в Особую междуведомственную комиссию при Туркчека»[1].

С 17 ноября 1920 по 5 февраля 1921 г. из РКИ в Особую междуведомственную комиссию при ТуркЧК поступило 112 дел, из которых 60 были направлены для расследования в органы ЧК, 12 непосредственно в трибунал, 23 дальнейшим производством было прекращено, а 16 дел, представляющих особое значение с точки зрения источников спекуляции, были заслушаны на заседании Особмежкома, которая наметила дополнительные меры, закрывающие каналы приобретения и сбыта дефицитных товаров[2].

Разгромив объединенные силы внутренней и внешней контрреволюции и отстояв завоевания Октября, народы Советской страны, под руководством Коммунистической партии и Советского правительства во главе с В. И. Лениным, приступили к мирному хозяйственному строительству.

Гражданская война и военный коммунизм становились достоянием истории. Началось главное — хозяйственное строительство, и от его успехов зависело все: будущность революции, свобода и счастье грядущих поколений. В результате глубокого анализа положения в стране В. И. Лениным была разработана программа построения экономического фундамента социализма. X съезд РКП(б), состоявшийся 8—16 марта 1921 г., принял ленинскую программу новой экономической политики.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 41, оп. 1, д. 1377, лл. 4—5.
[2] Там же, д. 1187, лл. 18—34.

Введение новой экономической политики, свободный товарооборот даже в ограниченных государством рамках неизбежно должен был вызвать и вызвал некоторое оживление частнокапиталистических элементов в городе и деревне. Допущение концессий в свою очередь создавало возможность проникновения в нашу страну вражеской агентуры. «Но у нас,— подчеркивал В. И. Ленин,— на это есть соответствующие учреждения: ВЧК, МЧК, Губчека и т. д. и мы уверены, что одержим победу»[1].

ДУСТ МУХАМЕДОВИЧ УСТАБАЕВ.

(1886—1964), член КПСС с 1918 г. Председатель ЧК — ГПУ Туркреспублики (1921—1922), награжден орденом Красного Знамени, именным оружием и грамотами.

Практическое претворение новой экономической политики вызвало необходимость перестроить работу не только государственного аппарата и общественных организаций, но и органов ЧК. Самым важным для чекистов в этот период было быстро и четко изменить как организационные формы, так и методы работы.

Задача заключалась в том, чтобы, не ослабляя борьбы против спекулянтов, расхитителей и взяточников, тщательно изучить и проанализировать причины и условия, способствующие совершению этих преступлений, и принять меры к их устранению. В связи с этим на заседании Особой междуведомственной комиссии при Турк ЧК, состоявшемся 24 апреля 1921 г., принимается следующее решение: «С переходом республики на хозяйственный фронт и остро ощущаемой необходимостью оживить деятельность Особмежкома Туркчека и экономического сектора, на которые возлагаются чрезвычайно важные задачи не только по обнаружению отдельных

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 45.

преступлений, а главным образом по изучению и уяснению причин экономической разрухи в Советском государстве и изысканию радикальных мер борьбы с нею, считать необходимым превратить сектор Туркчека по борьбе с экономической контрреволюцией в рабочий орган Особмежкома, присвоив ему наименование «Экономического управления Туркчека».[1]

В соответствии с этой основной задачей, утвержденное СНК Туркреспублики «Положение об Экономическом управлении» регламентировало функции последнего.

Экономическое управление должно было руководить борьбой с экономической контрреволюцией, изучать преступления, возникающие в результате товарообмена, при допущении свободной торговли, вырабатывать на основании изучения этих материалов предложения, которые после обсуждения их с заинтересованными ведомствами вносить на рассмотрение в высшие органы государственной власти и управления[2].

Для проведения этой работы в Экономическом управлении создавался институт уполномоченных, которые специализировались по комиссариатам и главкам с целью детального изучения их деятельности и принятия мер по устранению условий, порождающих преступления.

Одновременно была произведена и реорганизация Особой междуведомственной комиссии, состав которой был расширен за счет введения представителей Наркомпрода, Наркомзема, ЦСНХ и Туркбюро ВЦСПС[3].

Особая междуведомственная комиссия при ТуркЧК и Экономическое управление сыграли важную роль в налаживании хозяйственной жизни края. Многие недостатки государственного аппарата и хозяйственных органов, способствовавшие спекуляции и должностным преступлениям, были устранены благодаря деятельности Особмежкома и Экономического управления ТуркЧК. Установив, в частности, что совершению указанных преступлений во многом способствует сложность аппарата, особенно снабженческого, а также отсутствие надлежащего учета материальных ценностей, комиссия и управление

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 2, л. 9.
[2] Там же, оп. 1, д. 577, л. 141.
[3] Там же, оп. 2, д. 2, л. 29.

поставили вопрос об этом перед правительством республики. СНК были приняты меры по устранению этих недостатков[1].

Борьба по восстановлению народного хозяйства, развитию торговли и денежного обмена определили и круг мероприятий в области финансовой политики, особенно укрепление валюты, прекращение падения курса советских денежных знаков, стабилизацию рубля. Особую остроту приобретала борьба со спекуляцией золотом, драгоценностями и другими валютными ценностями. В 1921 г. этот вид спекуляции принял буквально угрожающие размеры. Валютчики переплавляли скупленное золото за границу, наживая на этом миллионы. Так, например, Закаспийская Областная Чрезвычайная Комиссия сообщала в ТуркЧК, что «по области развита спекуляция золотом и бриллиантами. Скупка производится по области и в Бухаре, направляется все в Персию»[2]. Во всем этом чувствовалась рука иностранных империалистов, которые умышленно сокращали валютные запасы советского государства, обескровливали его хозяйственный организм[3].

Проведенный ТуркЧК и ее местными органами ряд оперативных мероприятий позволил разоблачить несколько крупных групп спекулянтов валютой.

В августе 1921 г. в Ташкентскую Чрезвычайную Комиссию поступили сведения о том, что Юнай Исхаков, в прошлом представитель торгово-промышленной буржуазии, скупает в крупных размерах валюту, золотые изделия и бриллианты. Для проверки указанных сведений за Исхаковым было установлено тщательное наблюдение. Вскоре чекисты убедились, что квартира Исхакова по существу является притоном, где совершаются различные валютные сделки с разветвленной сетью спекулянтов. Ценности Исхакову поставляли завербованные

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 8, л. 38; «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 125, 9 июня 1921 г.

[2] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 3, д. 10, л. 204.

[3] Неурожай, охвативший в 1921 г. широкую полосу по рекам Каме и Волге и в губерниях украинского берега Черного моря, вынудил Советское правительство закупить за границей хлеб, что требовало дополнительных затрат золота. Легко себе представить, какой вред наносила «утечка» ценностей, когда каждый рубль был на учете.

им для этой цели: В. Ципиков, Н. Цигельбаум, М. Михайлов, С. Жук, А. Прихожан, А. Хаперский, К. Плаумер, Г. Цириков и Р. Исхаков. Все эти лица по заданиям Ю. Исхакова закупали в Ташкенте и его окрестностях золото в монетах и изделиях на значительные суммы, получая вознаграждение в виде комиссионных.

Скупленные валюту и ценности Исхаков различными способами переправлял за границу, в чем ему оказывали активное содействие ряд представителей крупной торговой буржуазии. Центральную роль среди этой группы сообщников Исхакова играл А. Перельман, посвященный во все детали деятельности Исхакова. Незадолго до разоблачения Исхаков вручил Перельману аванс в сумме тридцати миллионов рублей для закупки валюты.

Установив таким образом полностью преступную группу Исхакова — Перельмана, способы приобретения и каналы сбыта ими валютных ценностей, Чрезвычайная Комиссия арестовала ее активных участников. 24 сентября Коллегия ТуркЧК, рассмотрев материалы этого дела, по которому проходило 19 обвиняемых, приговорила главарей преступной группы Исхакова, Перельмана, Надырбаева и братьев Ягудаевых к расстрелу, а остальных — к различным срокам заключения[1].

В июне 1921 г. в г. Коканде Ферганской областной Чрезвычайной Комиссией была разоблачена группа спекулянтов-валютчиков, возглавляемая Афиной Мандалак, муж которой, крупный домовладелец, фабрикант и миллионер был расстрелян за антисоветские выступления. Приобретая золото у расхитителей, Мандалак через подставных лиц — австрийских граждан Прагера и Кляйна — перепродавала его на «черном рынке». При обыске у Мандалак было обнаружено и изъято два килограмма золота в слитках, шесть килограммов серебра в слитках, на которых имелись государственные штампы, а также много бриллиантов и других драгоценностей. Коллегия Ферганской ОблЧК приговорила Мандалак к расстрелу, а ее соучастников, как австрийских подданных, выслала из пределов Туркестана[2].

---

[1] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 219, 30 сентября 1921 г.

[2] «Красная Фергана», № 62, 19 июня 1921 г.

Много спекулянтов-валютчиков было выловлено чекистами во время проводимых ими систематических облав на рынках Ташкента и других городов[1].

«С этой сволочью,— писал В. И. Ленин о спекулянтах,— надо расправляться так, чтобы на все годы запомнили»[2]. И чекисты Туркестана своей повседневной деятельностью неуклонно претворяли в жизнь это ленинское указание.

Спекуляция тесно была связана с другими опасными преступлениями: хищениями социалистической собственности, взяточничеством, подлогами и другими должностными преступлениями. Поэтому борьба со спекуляцией в первую очередь предполагала усиление борьбы и с этими преступлениями. Ограждая интересы Советского государства, ВЦИК и СНК 1 июня 1921 г. издали декрет «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям»[3]. Выполняя указания партии и правительства, органы ЧК Туркреспублики развернули усиленную борьбу с хищениями и другими злоупотреблениями. Очередной сессии Верховного Революционного Трибунала в первой половине 1921 г. ТуркЧК передала крупные дела, имеющие большое политическое и общественное значение. В числе их было и дело о злоупотреблениях в отделе снабжения ЦСНХ. Характеризуя процесс по этому делу, председатель ТуркЧК Домбровский в беседе с представителем ТуркРОСТА отметил: «На скамью подсудимых попали спецы в количестве 21 человека. Эта компания занималась различного рода «махинациями», благодаря которым они снабжали, главным образом, себя, превратив таким путем отдел снабжения в отдел «самоснабжения»[4].

В конце 1921 г. чекисты разоблачили группу взяточников, засевших в комиссариате продовольствия. Преступники Дроздовский, Данилов, Сергеев, Губе и другие, занимая ответственные должности в наркомпроде, за крупные взятки давали незаконные разрешения на вывоз из Туркестана большого количества хлеба. Ими даже бы-

[1] См., например, «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 88, 26 апреля и № 106, 17 мая 1921 г.

[2] Ленинский сборник XXXIV, стр. 65.

[3] СУ, 1921, № 49, стр. 262.

[4] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 47, 3 марта 1921 г.

ла установлена такса: за вывоз каждого вагона хлеба — 1,5—2 миллиона рублей. Преступники были пойманы с поличным в момент получения взятки от уполномоченного Самгубсоюза Кислова, которому выдали разрешение на вывоз 40 вагонов хлеба[1]. Дело о взяточниках из наркомпрода было рассмотрено Верховным Революционным Трибуналом. Преступники получили по заслугам по всей строгости революционных законов.

Буржуазия и мелкобуржуазные элементы боролись против Советской власти не только путем заговоров, восстаний, клеветы, но также и путем усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса в государственном аппарате. Буржуазная интеллигенция и чиновничество, используемые на советской службе ввиду недостатка подготовленных работников из среды самих рабочих и крестьян, являлись носителями волокиты и бюрократизма. Используя приобретенные ими навыки в организации и управлении, они сознательно затрудняли работу советского аппарата, вызывая этим недовольство широких трудящихся масс. Информируя Совнарком Туркреспублики о положении на этом участке деятельности ЧК, ее председатель писал: «Канцелярская волокита и бюрократизм почти всех советских учреждений достигли невероятных размеров. Заметны случаи грубости и вообще недопустимого отношения со стороны администрации того или иного учреждения к приходящим посетителям или просителям, особенно, если последние принадлежат к пролетарскому классу. В канцеляриях невероятная небрежность, халатность; бумаги совершенно исчезают и теряются, справки нельзя получить по целым дням и т. д.»[2]

Отсутствие трудовой и государственной дисциплины, хаос и расхлябанность были ничем иным, как проявлением саботажа со стороны буржуазной интеллигенции и старого чиновничества, попытками сорвать намеченную партией социалистическую программу переустройства общества.

Характерным примером такого саботажа может служить расследованное ТуркЧК дело по обвинению главврача больницы имени Полторацкого профессора Сит-

[1] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 13, 18 января 1922 г.
[2] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 9а, л. 141 об.

ковского и ряда других должностных лиц этого лечебного учреждения.

Материалы следствия свидетельствовали о том, что хозяйственная часть больницы находилась в отвратительном состоянии. Продукты для больных доставлялись на той же телеге, на которой отвозились трупы умерших больных. Для пищи отпускалась недоброкачественная мука и червивый рис, белье больных не стиралось и они буквально заедались вшами. Медперсонал содержал во дворе больницы свыше ста свиней, много домашней птицы, которым скармливались продукты, предназначенные для больных.

Распределение больных по палатам было таково, что сифилитики содержались в одной палате с другими больными. Бинты и повязки, снимаемые с больных и раненых, сбрасывались в речку Салар, откуда население Ташкента пользовалось питьевой водой. Тем самым умышленно создавался очаг всевозможных инфекционных заболеваний. Находящиеся на излечении в больнице красноармейцы не получали нужной медицинской помощи. Когда в больницу были доставлены 42 раненых и обожженных красноармейца, пострадавших при взрыве, то они не были вообще осмотрены врачом и долгое время находились без всякой медицинской помощи. Обратившейся к профессору Ситковскому по этому поводу санитарке Халюзовой было заявлено, что, если она и впредь будет вмешиваться в эти вопросы, то ее отправят под арест. В результате такого преступного отношения к раненым красноармейцам из 42 человек умерло 27.

Характеризуя положение, сложившееся в больнице, выступавший в качестве обвинителя Полномочный Представитель ВЧК Я. Петерс справедливо отметил, что в чеховской палате № 6 было лучше, чем в больнице имени Полторацкого[1].

Таковы были новые формы саботажа, предпринятые буржуазной интеллигенцией и чиновничеством. Теперь они не отказывались сотрудничать с Советской властью, наоборот, используя свое служебное положение, они своими преступными действиями пытались подорвать доверие и уважение трудящихся к советским учреждениям.

---

[1] «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа, № 59, 19 марта 1921 г.

Буржуазные «спецы», затесавшиеся в продорганы Ферганы, в мае 1921 г. провели, например, кампанию по сбору с каждого дехканина, в том числе и беднейшего, по 10 фунтов муки, чем было вызвано серьезное недовольство дехканства[1]. Ими же были сорваны весьма важные для хозяйственной жизни республики мероприятия по проведению недели транспорта[2].

Все эти факты становились предметом расследования органов ЧК, виновные привлекались к суровой ответственности. Ввиду особой значительности в тот период этой категории дел, а также необходимости показать широким трудящимся массам, что Советская власть решительно вычеркивает из государственного аппарата всю нечисть, было решено разбирательство этих дел проводить только гласно. С этой целью при каждой областной Чрезвычайной Комиссии учреждались народные суды, которые занимались исключительно гласным рассмотрением дел о должностных преступлениях[3].

Помимо указанных нарсудов, при местных органах ТуркЧК были организованы дежурные камеры для рассмотрения указанной категории дел, «кои по своему характеру не требуют никакого следственного производства»[4]. Создание таких судов и дежурных камер сыграло положительную роль в деле искоренения в Ташкенте и на местах всевозможных бюрократических извращений, нарушений государственной и трудовой дисциплины и злоупотреблений по службе.

Потерпев поражение в открытой борьбе с Советской властью, внешняя и внутренняя контрреволюция разрабатывала новые планы уничтожения советского строя, направленные, главным образом, на экономическое удушение первого в мире социалистического государства. В новых условиях враги наши, как указывал В. И. Ленин, шли «на беспощадную борьбу для определения того, может ли она, Советская власть, как государство, в системе экономических международных отношений удержаться. Этот вопрос мог быть решен только войной, которая

---

[1] «Красная Фергана», № 62, 19 июня 1921 г.
[2] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 9а, л. 141 об.
[3] Там же, д. 7, л. 71.
[4] Там же, д. 616, л. 114.

в свою очередь была чрезвычайно ожесточенной, как гражданская война»[1].

Враги социализма стремились всячески помешать восстановлению народного хозяйства и построению фундамента социализма в Советском Союзе. Одной из наиболее распространенных форм экономической контрреволюции являлось вредительство, осуществляемое враждебными элементами в различных отраслях народного хозяйства. Борьба с вредительством стала важнейшей задачей органов государственной безопасности в рассматриваемый период.

Благодаря повседневному руководству Коммунистической партии и активной помощи трудящихся, чекисты Узбекистана раскрыли и ликвидировали в конце двадцатых годов ряд крупных вредительских организаций, орудовавших в некоторых отраслях промышленности и сельского хозяйства, что способствовало успешному решению задач социалистической реконструкции народного хозяйства.

Враги трудящихся в своих попытках задержать поступательное движение советского народа к социализму стремились наносить удары по наиболее важным участкам хозяйственного строительства. Особое место в планах вредительской деятельности они отводили железнодорожному транспорту. Страна мобилизовала все силы на осуществление индустриализации и в этих усилиях важное значение приобретала четкая работа железнодорожного транспорта. Малейшие перебои в его деятельности тяжело отражались на планомерной работе всех без исключения отраслей народного хозяйства. Обстановка требовала от органов государственной безопасности усиления внимания к неполадкам в работе железнодорожных органов. Нужны были знания и умения, чтобы правильно установить подлинные причины тех или иных недостатков в работе движенцев, путейцев, связистов и т. п. и своевременно пресечь подрывную деятельность пробравшихся туда классовых врагов.

Начиная с 1926 г. Ташкентская железная дорога находилась в крайне тяжелом положении. Ташкентская магистраль являлась единственным звеном, связывающим центр страны с республиками Средней Азии. Кри-

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 204.

висное состояние дороги серьезно тормозило развитие народного хозяйства края и отрицательно сказывалось на темпах социалистического строительства.

Органы ОГПУ тщательно выяснили причины сложившегося на дороге положения и разоблачили действовавшую в правлении Ташкентской железной дороги контрреволюционную вредительскую организацию, состоявшую преимущественно из старых кадровых инженеров, занимавших ответственные должности на дороге. Вредители засели не только в технических отделах правления, но и в таких как коммерческий и сборов. Таким образом, подрывная деятельность охватила все жизненные центры дороги и была направлена на разрушение паровозного парка, нарушение графиков движения и создание финансовых затруднений для дороги.

Одним из условий, способствовавшим сколачиванию вредительских групп, явилось притупление революционной бдительности отдельных коммунистов — руководителей правления дороги и дорпрофсожа, которые слепо доверяли бывшим буржуазным специалистам. Активный участник организации Горланов показал на допросе: «Вредительская деятельность нашей контрреволюционной вредительской организации проходила со стороны партработников правления и дорпрофсожа не замеченной в силу того, что коммунистического контроля в широком смысле этого слова не было, а лица, которые контроль этот должны были осуществлять, в большинстве своём не обладали достаточными техническими познаниями и полностью доверяли нам».

Состоявшийся в апреле 1928 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) вскрыл новые приемы и методы борьбы классово-враждебных элементов, использовавших недостатки «в нашей хозяйственной работе и в самой системе хозяйственного управления, притупление коммунистической бдительности и революционного чутья наших работников в отношении классовых врагов»[1]. Намеченные Пленумом практические мероприятия по устранению выявленных недостатков сыграли решающую роль в повышении политической бдительности и помогли

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7, М., стр. 501.

органам ОГПУ в их борьбе с враждебными элементами в нашей стране.

В конце 1929 г. органами ОГПУ была раскрыта контрреволюционная вредительская организация, действовавшая в горной промышленности республик Средней Азии. Возникшая еще в период проведения национализации горной промышленности Туркестана, организация эта окончательно оформилась в 1919 г. С этого времени, изменяя свою структуру и методы борьбы и вовлекая в свою среду новых членов, организация охватила почти все звенья горной промышленности Средней Азии, особенно интенсивно развив свою подрывную работу в нефтяной и озокеритовой промышленности. В ее состав входила группа бывших собственников и специалистов из числа высшего технического персонала крупных горнопромышленных фирм, враждебно относившихся к социалистической революции, что являлось основными предпосылками их активной борьбы против Советской власти.

Члены контрреволюционной организации сумели проникнуть, как специалисты, на руководящие должности в горной промышленности и первой их вредительской акцией было скрытие ценных материалов архива бывшего Туркестанского окружного горного управления и экономический шпионаж.

В архиве Туркестанского окружного горного управления были сконцентрированы материалы по произведенным разведкам полезных ископаемых, заявочные материалы горнопромышленников, планы отводов под разработку рудных и нерудных ископаемых. Все эти документы представляли значительную научную и практическую ценность для развития горной промышленности Средней Азии. Вредители не только не дали советским органам народного хозяйства возможность использовать указанные материалы, но, учитывая, что они в случае падения Советской власти, могут явиться документальным подтверждением права собственности членов организации на то или иное предприятие или месторождение, приняли решение скрыть весь архив.

В то же время заведующий нефтяным отделом Цуханов (руководитель организации), через бежавшего в Иран бывшего управляющего Закаспийской конторой «Товарищества бр. Нобель» передал специ-

альный доклад, предназначенный для правления общества «Санто», с полной характеристикой состояния нефтяных промыслов.

После окончания гражданской войны и укрепления Советской власти, введения новой экономической политики вредительская организация меняет тактику. Основные усилия направляются на получение в аренду и концессию разрушенных подрывной деятельностью горнопромышленных предприятий. Объектом возможной аренды или концессии был избран остров Челекен с его богатейшими нефтеносными площадями и месторождениями озокерита. Чтобы обосновать необходимость передачи промыслов острова Челекен, как нерентабельных в концессию, вредители провели «предварительную подготовку», в результате которой промыслы пришли в упадок.

В это же время организация устанавливает связь с бывшими владельцами озокеритовых промыслов острова Челекен «Товариществом Люборад» через служащего этой фирмы Кершица и одного из директоров фирмы Пальчинского. Причины, побудившие контрреволюционеров к установлению этой связи, они объясняли следующим образом: «фирма «Люборад» являлась монополистом в озокеритовом производстве, так как владела озокеритовыми промыслами на Челекене, которые у нее были национализированы. Она, следовательно, была заинтересована в возврате челекенских промыслов и благодаря своему большому финансовому и политическому весу могла оказать нашей организации существенную пользу».

Убедившись в тщетности попыток создания частной горной промышленности с участием иностранного капитала, организация перешла к активным методам вредительства. В 1925 г. её деятельность направляется на консервацию узбекской нефтяной промышленности и задержку ее развития. В частности, ставится вопрос о закрытии, как нерентабельных и истощившихся промыслов «Чимион» в Фергане. Одновременно принимаются меры к порче существующих скважин. Одним из наиболее существенных приемов вредительской деятельности организации являлись сокрытие нефтеносных площадей. Особенно тщательно скрывалась восточная часть промыслов «Санто», где еще до революции проводи-

лось бурение и одна из скважин дала нефть в промышленных размерах. Вредители всячески затягивали проектирование и строительство новых нефтяных промыслов в Шор-Су. При проектировании нефтепровода от промыслов до железнодорожной станции Посьетовка протяженностью 30 км был заведомо неправильно установлен размер диаметра труб. В результате построенный нефтепровод не удовлетворял потребности промыслов.

Пресечение органами государственной безопасности преступной деятельности этой вредительской организации сорвало планы контрреволюции помешать индустриализации республик Средней Азии, ослабить их экономически.

Характерным является дело вредителей, орудовавших в каменноугольной промышленности. Они тесно примыкали к вредительской организации в горной промышленности и были разоблачены в процессе ликвидации последней. Вредители в каменноугольной промышленности ставили своей основной задачей создание топливного кризиса в Средней Азии и искусственное доведение шахт до убыточного состояния для того, чтобы доказать необходимость сдачи их иностранным капиталистам в концессию. С этой целью вредители скрывали от эксплуатации наиболее мощные по запасам угольные площади, срывали строительство подъездных путей к наиболее богатым месторождениям каменного угля, препятствовали механизации шахт, вели неправильную разработку угольных пластов.

Раскрытие и ликвидация этих вредительских организаций стали возможны в результате широкой помощи рабочих и служащих предприятий горной промышленности, информировавших органы ОГПУ о замеченных ими случаях вредительства. Длительная и кропотливая работа, проведенная чекистами по изучению и сопоставлению поступивших от трудящихся сигналов, позволила выявить всех участников вредительских организаций.

После первых двух лет успешного осуществления социалистической индустриализации Коммунистическая партия поставила перед советским народом новую задачу: ликвидировать отставание сельского хозяйства, перейти в земледелии к крупному социалистическому

производству. Это, в свою очередь требовало решительного наступления на капиталистические элементы города и, главным образом, деревни.

Выполняя решения XV съезда, партия развернула с новой силой борьбу за социалистическую индустриализацию страны и подготовку массовой коллективизации сельского хозяйства. Переход к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса вызвал ожесточенное сопротивление со стороны байско-кулацких элементов. Всячески маскируясь, они проникали в колхозы, совхозы и сельскохозяйственные органы с тем, чтобы использовать отдельные трудности, возникавшие при проведении коллективизации, и сорвать тем самым колхозное строительство. Одной из распространенных форм сопротивления классового врага в Узбекистане являлся кулацкий саботаж в области хлопководства.

В этот период органы ГПУ Узбекистана оказывали большую помощь местным партийным и советским органам в проведении сплошной коллективизации и ликвидации кулачества. В процессе борьбы с контрреволюционными элементами чекисты разоблачали скрытые формы вредительства, к которым прибегали кулаки, обманным путем проникшие в колхозы.

Одним из распространенных методов, к которым прибегали разбитые, но еще до конца не уничтоженные эксплуататорские элементы, в борьбе с колхозами были диверсионные акты. Используя оперативные возможности, чекисты своевременно пресекали диверсионную деятельность кулачества. Самоотверженная работа чекистов Узбекистана сыграла важную роль в осуществлении политики ликвидации кулачества как класса и перехода мелких крестьянских хозяйств на путь коллективизации.

Таким образом, на всех этапах развития первого в мире государства рабочих и крестьян чекисты бдительно стояли на страже экономических интересов нашей страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История органов государственной безопасности — это история одного из важных органов Советского государства, призванного стоять на страже завоеваний Октябрьской социалистической революции.

Не имея совершенно никакого опыта разведывательной и контрразведывательной работы, действуя в чрезвычайно трудных условиях, узбекские чекисты успешно вели борьбу со всеми происками внутренней и внешней контрреволюции. Основой успеха всей деятельности органов государственной безопасности Узбекистана являлось повседневное руководство со стороны Коммунистической партии и неразрывная связь с трудящимися. В борьбе с объединенными силами контрреволюции чекисты опирались на поддержку, активную помощь и сочувствие революционных рабочих и дехкан.

В. И. Ленин указывал, что многочисленные заговоры раскрывались чекистами потому, что «заговорщикам приходится жить среди масс, потому что им в своих заговорах нельзя обойтись без рабочих и крестьян, а тут они в конце концов всегда натыкаются на людей, которые идут в... ЧК и говорят: «А там-то собрались эксплуататоры»[1].

Практически выполняя требования партии по обеспечению безопасности государства и общества, органы государственной безопасности обращались за поддержкой ко всем трудящимся, одновременно призывая их к усилению революционной бдительности. 25 мая 1919 г.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 418.

ТуркЧК опубликовала обращение «Всему трудовому народу Туркестана», в котором писала: «Могучим орудием пролетариата и грозой для буржуазии — Чрезвычайные Комиссии могут стать только при самой деятельной поддержке трудовых масс. Пусть каждый пролетарий уяснит себе, что враг его класса есть и его личный враг... Поэтому Чрезвычайная Комиссия просит всех трудящихся сообщать немедленно все козни буржуазии, все проделки спекулянтов, саботажников и хулиганов: одно слово, один мелкий факт дает нить для раскрытия целого заговора, обнаружения множества злоупотреблений»[1].

В другом обращении — «Ко всем защитникам Советской власти», опубликованном 27 июня 1919 г., ТуркЧК призывала каждого сознательного рабочего «принимать более или менее активное участие в подавлении контрреволюционных сил, считать себя более или менее активным сотрудником Чрезвычайных Комиссий»[2].

Эти призывы находили горячий отклик у трудящихся, которые видели в чекистских органах своих защитников и активно включались в борьбу с контрреволюцией. Рабочие Ташкентского трамвая и механических мастерских писали в ТуркЧК: «Общее собрание рабочих Таштрама и механических мастерских, отмечая доблестную работу органов ЧК, всегда поддерживающих теснейшую связь с рабочими массами при выполнении своей ответственной и сложной работы, обещают чекистам свою полную поддержку и помощь в борьбе с врагами рабочего класса».

Можно привести массу примеров, свидетельствующих о широкой поддержке и помощи трудящихся чекистам в их тяжелой работе. В информсводке Семиреченской ОблЧК, в частности, отмечалось, что «много сведений поступает от случайных осведомителей, союзов батраков... По полученным, например, от них данным, в горном ущелье Карабад, возле самой китайской границы, был обнаружен целый склад оружия, закопанного белогвардейцами»[3].

---

[1] «Известия», орган Крайкома КПТ и ТуркЦИКа, № 107, 25 мая 1919 г.

[2] «Туркестанский коммунист», № 54, 27 июня 1919 г.

[3] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 3, д. 10, л. 49.

Группа жителей аула Янги-Джанджал Булатовской волости сообщила чекистам, что некто Бековулов Кирбай систематически скупает в спекулятивных целях пшеницу, которую прячет в разных местах. Произведенным обыском было обнаружено и изъято 1000 пудов пшеницы, много мануфактуры, николаевские серебряные монеты[1]. Злостный спекулянт Бековулов был строго наказан.

Многочисленные архивные документы свидетельствуют о том, что трудящиеся обращались в органы государственной безопасности за помощью по многим вопросам, разрешение которых вообще не входило в их компетенцию. Это свидетельствовало о непоколебимой вере широчайших масс в чекистские органы. 26 июня 1919 г. группа фельдшериц-акушерок Наманганской женской лечебницы обратилась в ЧК с заявлением «по поводу оказания помощи и содействия в оставлении в Намангане врача Осмульского (единственного в городе врача-гинеколога), которого переводят в Ташкент и тем самым оголяется Наманган»[2].

Необходимо отметить, что чекисты не оставляли без внимания ни одного заявления, ни одной просьбы трудящихся, даже, если это и не было связано непосредственно с борьбой против контрреволюции. В этой связи весьма характерен следующий эпизод. В июле 1919 г. в Кокандскую ЧК от граждан стало поступать много жалоб на плохую работу городской телефонной станции. 3 августа Кокандская уездно-городская Чрезвычайная Комиссия через газету сообщила гражданам, «что по поводу жалоб на неисправные действия городского телефона Чека телеграфировала Комиссару почт и телеграфа Республики просьбу о срочном приведении в порядок Кокандской телефонной станции и устранении всех ненормальностей[3].

Наряду с широким участием трудящихся в борьбе с контрреволюцией, чутким отношением чекистов к жалобам и заявлениям граждан, одним из решающих условий успешной деятельности органов госбезопасности

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 2, д. 7, л. 19.

[2] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 4, д. 46, л. 37.

[3] «Известия», орган Кокандского Совета рабочих, красноармейских и мусульманских депутатов, № 159, 3 августа 1919 г.

было последовательное осуществление принципа гласности, как одной из мер по предупреждению преступлений.

В республиканской и местной печати, особенно в период красного террора, систематически публиковались фамилии наказанных преступников, а также причины применения к ним той или иной меры наказания. Через печать органы ЧК обращались к трудящимся за помощью в розыске скрывшихся преступников, включая тем самым в борьбу с контрреволюционерами и спекулянтами всех сознательных рабочих и крестьян.

Одной из установившихся форм связи Чрезвычайных Комиссий с трудящимися и общественными организациями явились выступления руководящих работников ЧК перед населением. В докладах, наряду с информацией о деятельности ЧК, указывалось, какую конкретно помощь ожидают чекисты от трудящихся. Характеризуя впечатление, произведенное докладом председателя Ферганской облЧК тов. Бирюшова на общегородской беспартийной конференции, газета «Красная Фергана» писала: «Каких только небылиц не говорилось об органах Чека..., а тут доклад. Не мудрено, что после доклада конференция, по предложению одного беспартийного тов(арища), выразила докладчику благодарность за освещение вопросов. В целом ряде выступлений беспартийные товарищи указывали на необходимость крутой борьбы с бандитизмом и приветствовали деятельность Чека в этом направлении, обещая свою поддержку»[1].

Органы госбезопасности республики проводили большую политико-воспитательную работу среди населения, что еще больше сближало их со всеми трудящимися. Помимо своей непосредственной деятельности чекисты нередко выполняли и другие задачи, возлагаемые на них Коммунистической партией. Можно смело сказать, что не было таких задач, стоящих перед нашей страной в грозные годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, в решении которых не принимали бы участия органы государственной безопасности.

Весной 1921 г. в период посевной кампании, когда в Закаспии самым острым был вопрос срочного ремонта

[1] «Красная Фергана», № 62, 19 июня 1921 г.

ирригационной сети, областная Чрезвычайная Комиссия «содействовала Водному отделу получить некоторые материалы — цемент, железо, бетонные трубы и до 15 000 жженного кирпича, благодаря чему все ремонтные работы по орошению в неотложных целях были выполнены»[1].

В голодный 1921 год чекисты приложили немало усилий по обеспечению продовольствием голодающего населения. Особенно тяжелое экономическое положение сложилось в Сергиепольском и Лепсинском уездах Семиречья, где только с 4 по 7 мая в порядке оказания помощи, чекистами было открыто два питательных пункта на 500 человек[2]. Такие же меры были предприняты и в других местах. В борьбе с голодом чекисты проявили и личное самопожертвование, выделяя для голодающих долю своего пайка. Сотрудники Ферганской ОблЧК на общем собрании решили «уделять половину своего пайка в течение двух месяцев и объединенными силами сотрудников Феробчека и красноармейцев 68 батальона войск ВЧК в Коканде поставить три спектакля в пользу голодающих»[3]. Можно привести немало подобных примеров.

В 1921 г. вспыхнула эпидемия холеры и тифа. Наркомздрав не мог справиться с большим объемом санитарно-профилактических мероприятий, без которых нельзя было ликвидировать эпидемию. На помощь Наркомздраву пришла Туркестанская ЧК со своим дисциплинированным и авторитетным аппаратом. По приказу ТуркЧК на местах были созданы летучие санитарные тройки, в задачу которых входило: проверка санитарного состояния всех предприятий и учреждений, в том числе и медицинских, организация санитарных кордонов с целью приостановления распространения эпидемии и ряд других мероприятий[4].

Все это свидетельствует насколько многогранна и плодотворна была деятельность органов государствен-

---

[1] «Известия», орган обкома КПТ и Закаспийского облисполкома, № 4, 22 апреля 1921 г.
[2] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 3, д. 10, л. 55.
[3] «Красная Фергана», № 80, 7 августа 1921 г.
[4] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 8, д. 26, л. 81.

ной безопасности. Их успехи объясняются тем, что Коммунистическая партия осуществляла постоянное руководство деятельностью чекистских органов, партийные организации повседневно контролировали их работу и оказывали им необходимую помощь. Партия направила на работу в органы государственной безопасности своих лучших сынов и дочерей, все они неуклонно претворяли в жизнь ленинское указание о том, что «хороший коммунист в то же время есть хороший чекист»[1].

Все это позволило создать совершенно новый, качественно отличный от империалистических разведок и контрразведок орган защиты государственной безопасности первого в мире социалистического государства.

За пятьдесят лет советские органы государственной безопасности прошли трудный и славный путь. Вся их героическая деятельность была направлена служению народу. В то же время, советские чекисты к действительным врагам нашего государства, агентуре империалистических разведок встают «железа тверже».

Направляя всю практическую деятельность органов государственной безопасности, Центральный Комитет Коммунистической партии, Советское правительство обращают внимание чекистов на необходимость неустанно повышать политическую бдительность, своевременно вскрывать коварные замыслы империалистов и пресекать подрывную деятельность вражеских разведок. Решая эти задачи, органы государственной безопасности основное острие своей деятельности направляют против агентуры империалистических разведок. Чекисты неустанно стоят на страже интересов советских людей, принимают все меры к тому, чтобы обезопасить их от происков наших противников из лагеря империализма.

Залогом успешного решения поставленных задач является то, что деятельность органов государственной безопасности строится на ленинских принципах. Их деятельность пронизана духом высокой партийности, неустанного стремления к совершенствованию методов

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 279.

чекистской работы, творческому развитию накопленного опыта борьбы с врагами Родины, духом всемерного укрепления и расширения связи с народом, дальнейшего укрепления социалистической законности и строгого соблюдения ленинских норм партийной и государственной жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Создание и развитие органов государственной безопасности Узбекистана (Туркестана)

Создание органов государственной безопасности — необходимое условие защиты завоеваний Октября 9
Внутриполитическая обстановка в Туркестане после победы социалистической революции 19
Первые органы государственной безопасности Туркестанской Республики 33
Создание органов ЧК 45
Реорганизация органов государственной безопасности . . . 76

На страже завоеваний Октября

Борьба с подрывной деятельностью империалистических разведок и внутренней контрреволюции 85
Роль органов государственной безопасности в ликвидации басмачества 136
На хозяйственном фронте 158
Заключение 177

Рауф Арипович Арипов, Наум Яковлевич Мильштейн

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ УЗБЕКИСТАНА

(документальные очерки истории 1917—1930 гг.)

Редактор Н. С. Гиммельфарб
Художник П. Хапилин
Художественный редактор М. Гумаров
Технический редактор А. Бахтияров
Корректор В. Колегова

Сдано в набор 4/II-1967. Подписано к печати 4/XI 1967 г. Формат 84×108 1/32. Печ. л. 7,75. Усл. печ. л. 9,66. Уч. изд. л. 9.49. Тираж 45000. Р-00253. Издательство «Узбекистан». Ташкент, Навои, 30. Договор № 400—66.
Отпечатано на бумаге №1

Типография № 3 Госкомитета Совета Министров УзССР по печати. Ташкент, Навои, 30. Зак. № 222
Цена 38 коп.